

№ 5, 2020
Volume 5, 2020

ИНТЕЛЛЕКТ ИННОВАЦИИ ИНВЕСТИЦИИ

ISSN 2077-7175
doi 10.25198/2077-7175
ПШ № ФС77-63471
<http://intellekt-izdanie.osu.ru>

ГОСТЬ НОМЕРА

А. В. Медведев, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
ЛУКАВСТВО БУКВЫ «И» ИЛИ ВНОВЬ О СУЩНОСТИ КУЛЬТУРЫ

GUEST OF VOLUME

A.V. Medvedev, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ykaterinburg, Russia
THE DELICATE OF THE LETTER «I» OR AGAIN ABOUT THE ESSENCE OF CULTURE

ISSN 2077-7175
doi 10.25198/2077-7175

ИНТЕЛЛЕКТ. ИННОВАЦИИ. ИНВЕСТИЦИИ
№ 5, 2020**INTELLECT. INNOVATIONS. INVESTMENTS**

Журнал основан в 2008 году.

Учредитель:
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-63471 от 30.10.2015 г.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по научным специальностям:

- 05.22.01 – Транспортные и транспортно-технологические системы страны, ее регионов и городов, организация производства на транспорте;
- 05.22.10 – Эксплуатация автомобильного транспорта;
- 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности);
- 08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит;
- 08.00.12 – Бухгалтерский учет, статистика;
- 09.00.01 – Онтология и теория познания;
- 09.00.03 – История философии;
- 09.00.04 – Эстетика;
- 09.00.05 – Этика;
- 09.00.08 – Философия науки и техники;
- 09.00.11 – Социальная философия;
- 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры;
- 09.00.14 – Философия религии и религиоведение.

Журнал включен в системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), ВИНТИ РАН, CrossRef.

Подписной индекс по объединенному каталогу «Пресса России» – 55192

При перепечатке ссылка на журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции» обязательна.

Все поступившие в редакцию материалы подлежат двойному анонимному рецензированию.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция в своей деятельности руководствуется рекомендациями Комитета по этике научных публикаций (Committee on Publication Ethics).

Условия публикации статей размещены на сайте журнала: <http://intellect-izdanie.osu.ru>

Academic journal appeared in 2008.

Established by:
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education
«Orenburg State University»

Academic journal «Intellect. Innvations. Investments» is registered in the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunications, Information Technologies and Mass Communications.

Certificate of Registration PI № FS 77-63471, 30.10.2015.

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission for the publication of the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of Science in the science field of:

- 05.22.01 – Transport and transport-technological systems of the country, its regions and cities, organization of production in transport;
- 05.22.10 – Operation of road transport;
- 08.00.05 – Economics and management of the national economy (by industry and field of activity);
- 08.00.10 – Finance, money circulation and credit;
- 08.00.12 – Accounting, statistics;
- 09.00.01 – Ontology and the theory of knowledge;
- 09.00.03 – History of Philosophy;
- 09.00.04 – Aesthetics;
- 09.00.05 – Ethics;
- 09.00.08 – Philosophy of science and technology;
- 09.00.11 – Social philosophy;
- 09.00.13 – Philosophical anthropology, philosophy of culture;
- 09.00.14 – The philosophy of religion and religious studies.

The journal is included in the system of the Russian Science Citation Index (RSCI), VINITI RAS, CrossRef.

The subscription index for the joint catalog «Press of Russia» – 55192

When reprinting a link to the journal «Intellect. Innovation. Investments» is required.

All materials submitted to the editors are subject to double anonymous review.

Opinions of the authors may not coincide with the point of view of the editors.

The editors are guided by the recommendations of the Ethics Committee for Scientific Publication (Committee on Publication Ethics).

The terms of publication of articles are posted on the journal website: <http://intellect-izdanie.osu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Ж.А. Ермакова, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор, ректор,
Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Ответственный секретарь

Т.П. Петухова, к. физ.-мат.н., доцент, Оренбургский
государственный университет, Оренбург, Россия

Редакционный совет

08.00.00 – экономические науки

Архипова М.Ю., д.э.н., профессор департамента статистики и анализа данных факультета экономических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Вегера С.Г., д.э.н., профессор, первый проректор, Полоцкий государственный университет, Новополоцк, Республика Беларусь

Елисеева И.И., член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой статистики и эконометрики, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Носов В.В., д.э.н., профессор, профессор кафедры экономики и управления, Московский государственный университет технологий и управления им. Г.К. Разумовского, Москва, Россия

Осипов В.С., д.э.н., доцент, профессор кафедры управления рисками и страхования, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

Попова Е.М., д.э.н., профессор, профессор кафедры банков, финансовых рынков и страхования, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Цветков В.А., член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор, директор Института проблем рынка РАН, Москва, Россия

Шеломенцев А.Г., д.э.н., профессор, заведующий отделом исследований региональных социально-экономических систем, Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Широв А.А. член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор РАН, заместитель директора, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия

Селз Н., Ph.D., Школа Бизнеса, Манчестерский Столичный Университет, Манчестер, Великобритания

09.00.00 – философские науки

Марков Б.В., д.ф.н., профессор, профессор кафедры философской антропологии Института философии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Миронов В.В., член-корреспондент РАН, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания, декан философского факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Олимов К., академик АН Республики Таджикистан, академик Международной Академии высших школ, д.ф.н., профессор, главный научный сотрудник, Институт философии, политологии и права им. А. Баховаддинова АН Республики Таджикистан, Душанбе, Республика Таджикистан

Смирнов А.В., академик РАН, д.ф.н., директор Института философии РАН, Москва, Россия

Тульчинский Г.Л., д.ф.н., профессор, профессор департамента государственного администрирования, Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

05.22.00 – транспорт

Володькин П.П., д.т.н., профессор, заведующий кафедрой эксплуатации автомобильного транспорта, Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

Захаров Н.С., д.т.н., профессор, заведующий кафедрой сервиса автомобилей и технологических машин, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Кузьмин Н.А., д.т.н., профессор, заведующий кафедрой автомобильного транспорта, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, Нижний Новгород, Россия

Кулаков А.Т., д.т.н., профессор, заведующий кафедрой эксплуатации автомобильного транспорта, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, Набережные Челны, Россия

Базил П., д.т.н., профессор, Национальный технический университет Афин, Афины, Греция

Редакционная коллегия

08.00.00 – экономические науки

Балтина А.М., д.э.н., профессор, заведующий кафедрой финансов, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Береговая И.Б., к.э.н., доцент, доцент кафедры маркетинга и торгового дела, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Боброва В.В., д.э.н., доцент, директор Института менеджмента, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Борисюк Н.К., д.э.н., профессор, профессор кафедры менеджмента, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Корабейников И.Н., к.э.н., доцент, заведующий кафедрой менеджмента, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Леонтьева Л.С., д.э.н., профессор, профессор кафедры регионального и муниципального управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Сабитова Н.М., д.э.н., профессор, профессор кафедры экономики и финансов Института управления, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Цыпин А.П., к.э.н., доцент, доцент кафедры эконометрики и управления социально-экономическими системами, Московский университет пищевых производств, Москва, Россия

Черненко В.А., д.э.н., профессор, профессор кафедры корпоративных финансов и оценки бизнеса, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Шепель В.Н., д.э.н., профессор, профессор кафедры управления и информатики в технических системах, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Юматов А.С., к.э.н., доцент, заведующий кафедрой менеджмента организации, Оренбургский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Оренбург, Россия

09.00.00 – философские науки

Беляев И.А., д.ф.н., доцент, профессор кафедры философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Максимов А.М., д.ф.н., профессор, Оренбург, Россия

Рахматуллин Р.Ю., д.ф.н., профессор, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия

Федяев Д.М., д.ф.н., профессор, профессор кафедры философии, Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

05.22.00 – транспорт

Ларин О.Н., д.т.н., профессор, профессор кафедры логистических транспортных систем и технологий, Российский университет транспорта, Москва, Россия

Рассоха В.И., д.т.н., доцент, декан транспортного факультета, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Родионов Ю.В., д.т.н., профессор, декан автомобильно-дорожного института, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Россия

Султанов Н.З., д.т.н., профессор, заведующий кафедрой систем автоматизации производства, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Трофименко Ю.В., заслуженный деятель науки РФ, д.т.н., профессор, заведующий кафедрой техносферной безопасности, директор НИИ Энергоэкологических проблем, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, Россия

Якунин Н.Н., д.т.н., профессор, заведующий кафедрой автомобильного транспорта, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

EDITORIAL TEAM

Chief Editor

J.A. Ermakova, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Economics, Professor, Rector,
Orenburg State University, Orenburg, Russia

Executive Secretary

T.P. Petukhova, Ph.D., Associate Professor, Orenburg
State University, Orenburg, Russia

Editorial Council

08.00.00 – Economic Sciences

Arkhipova M.Yu., Doctor of Economics, Professor, Department of Statistics and Data Analysis, Faculty of Economic Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Wegera S.G., Doctor of Economics, Professor, First Vice-Rector, Polotsk State University, Republic of Belarus

Eliseeva I.I., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Statistics and Econometrics, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Nosov V.V., Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Management, Moscow State University of Technology and Management named after G.K. Razumovsky, Moscow, Russia

Osipov V.S., Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Risk Management and Insurance, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Popova E.M., Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Banks, Financial Markets and Insurance, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Tsvetkov V.A., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Director of the Market Problems Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Shelomentsev A.G., Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Research of Regional Socio Economic Systems, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

Shirov A.A. Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director, Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Scelles N., PhD, Business School, Manchester Metropolitan University, Manchester, United Kingdom

09.00.00 – Philosophical Sciences

Markov B.V., Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophical Anthropology, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Mironov V.V., Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Dean of the Faculty of Philosophy, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia

Olimov K., Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Academician of the International

Academy of Higher Schools, Ph.D., professor, Institute of Philosophy, Political Science and Law named after A. Bakhovaddinov, Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Smirnov A.V., Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Director of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Tulchinsky G.L., Ph.D., Professor, Professor of the Department of public administration, St. Petersburg branch of the National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia

05.22.00 – Transport

Volodkin P.P., Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Road Transport Operation, Pacific State University, Khabarovsk, Russia

Zakharov N.S., Doctor of Technical Sciences, Professor Head of the Department of Automobile Service and Technological Machines, Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia

Kuzmin N.A., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Automobile Transport, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev, Nizhny Novgorod, Russia

Kulakov A.T., Doctor of Technical Sciences, Professor Head of the Department of Automotive Transport Operation, Naberezhnye Chelny Institute (branch) of Kazan (Volga Region) Federal University, Naberezhnye Chelny, Russia

Basil P., Dr. – Ing., Professor, National Technical University of Athens, Athens, Greece

Editorial team

08.00.00 – Economic Sciences

Baltina A.M., Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Finance, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Beregovaya I.B., Ph.D., Associate Professor, Associate Professor of the Department of Marketing and Trading, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Bobrova V.V., Doctor of Economics, Associate Professor, Director of the Institute of Management, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Borisyuk N.K., Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Management, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Korabeynikov I.N., Ph.D., Associate Professor, Head of the Department of Management, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Leontyeva L.S., Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Regional and Municipal Management, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia

Sabitova N.M., Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Finance, Institute of Management, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Tsybin A.P., Ph.D., Associate Professor, Associate Professor of the Department of Econometrics and Management of Socio-Economic Systems, Moscow University of Food Production, Moscow, Russia

Chernenko V.A., Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Corporate Finance and Business Assessment, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Shepel V.N., Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Management and Computer Science,

Orenburg State University, Orenburg, Russia

Yumatov A.S., Ph.D., Associate Professor, Head of the Organization Management Department, Orenburg Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Orenburg, Russia

09.00.00 – Philosophical Sciences

Belyaev I.A., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of philosophy, culturology and sociology, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Maksimov A.M., Doctor of Philosophy, Orenburg, Russia

Rahmatullin R.Yu., Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Social, Economic and Humanitarian Disciplines, Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia

Fedyaev D.M., Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia

05.22.00 – Transport

Larin O.N., Doctor of Technical Sciences, Professor, Department of Logistic Transport Systems and Technologies, Russian University of Transport, Moscow, Russia

Rassoha V.I., Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Transport, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Rodionov Yu.V., Doctor of Technical Sciences, Professor, Dean of the Automobile and Road Institute, Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia

Sultanov N.Z., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Production Automation Systems, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Trofimenko Yu.V., Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of Technosphere Safety Department, Director of the Research Institute of Energy Ecological Problems, Moscow Automobile and Road State Technical University (MADI), Moscow, Russia

Yakunin N.N., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Automobile Transport, Orenburg State University, Orenburg, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСТЬ НОМЕРА

А. В. Медведев

Лукавство буквы «И» или вновь о сущности культуры10

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Н. К. Борисюк, О. С. Смотрина

Моделирование стратегического поведения производственного предприятия в условиях рисков внешней среды19

С. В. Дорошенко, Е. П. Ерошенко

Активизация механизмов развития молодежного предпринимательства в университетской среде ...28

И. И. Елисеева, М. П. Декина

Дифференциация заработной платы в Российской Федерации: территориальные особенности39

А. В. Ilin, Yu. S. Sizova

Russian entrepreneurs historical mindset in exemplification of future economists moral character shaping ...52

М. В. Кудина, М. А. Сухарева

Теория человеческого капитала: систематизация подходов на основе критериев взаимосвязи его развития со структурными изменениями в мировой экономике59

А. Г. Мнацаканян, А. Г. Харин

Стоимостный подход к управлению бизнесом в эпоху цифровизации72

А. Н. Попов

Мировая практика организации корпоративных стартап-студий83

D. A. Pustokhin, I. V. Pustokhina

National models of corporate social responsibility: comparative analysis93

Л. И. Сергеев, Р. А. Мнацаканян

Финансовые аспекты управления проектами государственно-частного партнерства в рыбохозяйственном комплексе104

А. З. Улимбашев

Итоги и перспективы реализации государственной программы «Ленинградский гектар»113

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

И. В. Жданова, К. Г. Мальцев

«Самооправдание философии»: «междисциплинарность» как способ «встроиться» в «дисциплинарную структуру» современной науки126

Б. В. Кабылинский

Эпистемология конфликта в системе философского знания134

В. Е. Кулешов, Н. А. Царёва

Философия постмодернизма о плюрализации и политизации как основных тенденциях трансформации религии в современном обществе140

E. A. Timoshchuk

Peter Berger and his sociocultural-phenomenological research146

Е. Л. Яковлева

Конструирование модели женской элегантности на основе идей Магги Руфф152

CONTENTS

GUEST OF THE VOLUME

A. V. Medvedev

The delicate of the letter «I» or again about the essence of culture10

ECONOMICAL SCIENCES

N. K. Borisyuk, O. S. Smotrina

Modeling the strategic behavior of a manufacturing enterprise in conditions of environmental risks19

S. V. Doroshenko, E. P. Eroshenko

Activation of mechanisms for the development of youth entrepreneurship in the university environment28

I. I. Eliseeva, M. P. Dekina

Differentiation of wages in the Russian Federation: territorial features39

A. B. Ilin, Yu. S. Sizova

Russian entrepreneurs historical mindset in exemplification of future economists moral character shaping52

M. V. Kudina, M. A. Sukhareva

Human capital theory: systematization of approaches based on the criteria for the relationship of its development with structural changes in the world economy59

A. G. Mnatsakanyan, A. G. Kharin

Value-based management in the age of digitization ...72

A. N. Popov

World practice of organizing corporate startup studios ..83

D. A. Pustokhin, I. V. Pustokhina

National models of corporate social responsibility: comparative analysis93

L. I. Sergeev, R. A. Mnatsakanyan

Financial aspects of public-private partnership project management in the fisheries104

A. Z. Ulimbashev

Results and prospects for the implementation of the state program «Leningrad hectare»113

PHILOSOPHICAL SCIENCES

I. V. Zhdanova, K. G. Maltsev

«Self-justification of philosophy»: «interdisciplinarity» as a way to «embed» in the «disciplinary structure» of modern science126

B. V. Kabyllinsky

Epistemology of conflict in the system of philosophical knowledge134

V. E. Kuleshov, N. A. Tsareva

Philosophy of postmodernism about pluralization and politization as basic tendencies of religion transformation in modern society140

E. A. Timoshchuk

Peter Berger and his sociocultural-phenomenological research146

E. L. Yakovleva

Designing a female elegance model based on the ideas of Maggi Ruff152

ГОСТЬ НОМЕРА

УДК 130.2

DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-10

ЛУКАВСТВО БУКВЫ «И» ИЛИ ВНОВЬ О СУЩНОСТИ КУЛЬТУРЫ

А. В. Медведев

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
e-mail: medvedev10@yandex.ru

Аннотация. Культурология – наука молодая, однако претендует на интегративный характер в системе гуманитарного знания. Одним из оснований для этого является разработка собственного понятийного аппарата, создание собственного тезауруса. Центральным понятием науки является понятие «культура». На сегодняшний день насчитывается несколько сотен определений культуры, что является следствием многообразия методов исследования. Термин «культура» широко используется и как слово бытовой речи, и как научное понятие. В статье анализируется практика употребления слова «культура» в повседневной речи, в публицистике, что дает возможность понять, как воспринимается термин общественным сознанием, что, в свою очередь, выступает эмпирической базой для теоретического осмысления сущности культуры. Для внеаудиторной практики употребления «культуры»

характерно два основополагающих смысла. Во-первых, под культурой понимают некую индивидуальную целостность (национальная культура, художественная культура, религиозная культура и т. п.); а во-вторых, слово «культура» выражает уровень развития чего-либо (культура поведения, культура мышления и т. п.). То есть, или какая-то культура, или культура чего-либо. При этом, первый смысл, как правило, ограничивается сферой искусства. Целью статьи является характеристика феномена культуры как границы, разделяющей природное и социальное бытие. Культура – сущность человеческого, а не природного бытия, она – ноумен социума, являющийся системой феноменов, каждый из которых являет конкретную определенную сторону собственного человеческого бытия. В свете этого считать культурой только уровень положительных ценностей представляется неверным, поскольку и негативные ценности тоже относятся к социуму. Культура как граница, разделяющая две сферы бытия, есть интерьерная и экстерьерная стороны, но это стороны единого целого, что позволяет в культуре увидеть единство природного и социального, а это значит отказ от оппозиции «природа – культура».

Ключевые слова: культура, союз «и», культура как слово и понятие, граница, ноумен социума, феномен – явление культуры, интерьер и экстерьер культуры.

Для цитирования: Медведев А. В. Лукавство буквы «И» или вновь о сущности культуры // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 5. – С. 10–18. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-10.

THE DELICATE OF THE LETTER «I» OR AGAIN ABOUT THE ESSENCE OF CULTURE

A. V. Medvedev

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia
e-mail: medvedev10@yandex.ru

Abstract. Culturology is a young science, however, it claims to be integrative in the system of humanitarian knowledge. One of the reasons for this is the development of our own conceptual framework, creation of its

own thesaurus. The central concept of science is the concept of «culture». Today, there are several hundreds of culture definitions, which is a consequence of the variety of research methods. The term «culture» is widely used both as a word of everyday speech, and as a scientific concept. The article analyzes the practice of using the word «culture» in everyday speech, in journalism, which makes it possible to understand how the term is perceived by the public consciousness, which in turn acts as an empirical basis for a theoretical understanding of the essence of culture. For the extra-scientific practice of using the word «culture», two fundamental meanings are characteristic. Firstly, culture is understood as a certain individual integrity (national culture, art culture, religious culture, etc.); secondly, the word culture expresses the level of development of something (a culture of behavior, a culture of thinking, etc.). Moreover, the first meaning, as a rule, is limited to the field of art. The purpose of the article is to characterize the phenomenon of culture as a border separating natural being and social being. Culture is the essence of human, not natural being, it is the noumenon of society, which is a system of phenomena, each of which is a specific side of its own human being. In light of this, to consider culture only the level of positive values seems incorrect, since negative values also apply to society. Culture as a border separating the two spheres of being is the interior and exterior sides, but these are sides of a single whole, which allows us to see the unity of the natural and social in culture, and this allows us to abandon the opposition «nature – culture».

Key words: culture, conjunction «and», culture as a word and concept, border, noumenon of society, phenomenon – culture event, interior and exterior of culture.

Cite as: Medvedev, A. V. (2020) [The delicate of the letter «I» or again about the essence of culture]. *Intellect. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 10–18. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-10.

В мире много словарей, отражающих реальную жизнь слов в исторической динамике человеческого бытия, есть жанр и Частотного словаря, который представляет реальную жизнь слов, их бытие, частоту использования в разных типах текстов. Судьбы слов, как и судьбы людей, различны – счастливы или не очень, длительны или нет, находясь в плену изменчивой, прихотливой моды.

Слова живут своей жизнью, рождаются и умирают, часто берут в плен сознание человека, и он идет послушно, подчиняясь их воле. Судьбы слов – занимательная тема, которой лингвисты, языковеды посвящают немало количество трудов, рисуя нам, читателям, удивительные метаморфозы, происходящие со словами.

Родоначальник понимания науки как социального института Ф. Бэкон, стремясь к созданию собственному научного метода познания, обратил внимание на необходимость появления понятий, проводил границу между словом обыденной речью и словом, ставшим понятием. В «Новом Органоне» утверждал: «Люди объединяются речью. Слова же устанавливаются сообразно разумению толпы. Поэтому плохое и неполное установление слов удивительным образом осаждают разум... Слова прямо насилуют разум... бывает так, что слова обращают свою силу против разума...» [1 с. 115, с. 120]. Известный историк философии Б. Рассел отмечал именно эту сторону творчества английского мыслителя. Он писал: «Одна из наиболее знаменитых частей философии Бэкона – это перечисление того, что он называет «идолами», под которыми подразумевает плохие привычки

ума, которые приводят людей к ошибкам... «Идолы» рынка – это те, которые связаны с тиранией слов» [6, с. 86–87]. Мы приходим в мир уже живущих слов, которые диктуют нам понимание мира, направляют наши поступки. В свою очередь, мы часто вольно используем слова родного языка, ограничиваясь интуитивно понятным смыслом. Наше своеволие часто выражается использованием союзов, более всего союза «и», немалым числом запятых, упованием на контекст, который, как нам кажется, проясняет то, что мы хотели сказать.

Одним из часто употребляемых сегодня является слово «культура», слово по истине с тысячами лиц, но при этом, ни тот, кто использует его в своей речи, ни тот, кто его слышит, не испытывают затруднений в понимании смысла. Правда, лишь до тех пор, пока не спросишь: а что понимаешь под «культурой» в данном конкретном высказывании? Часто этот вопрос ставит в тупик, и добиться ясности оказывается весьма трудно.

Термин «культура» используется и как слово обыденной речи, и как термин. Обратимся к примерам того и другого использования этого понятия. Прежде всего, рассмотрим те, где используется союз «и».

Учебник по русскому языку учит: «Союз – это служебная часть речи, которая используется для связи однородных членов предложения между собой, частей сложного предложения и самостоятельных предложений в тексте»¹.

Такое понимание утверждает и энциклопедический словарь: «Союз, часть речи – служебное слово, выполняющее синтаксическую функцию соеди-

¹ Канакина В.П., Горечкий В.Г. Русский язык. 4 класс. – М., Просвещение, 2003. – С. 57.

нения слов, предложений или их частей и указывающее на характер отношений между ними»².

Две самоочевидные функции союза «и» отмечают учебники и словари: он осуществляет связь, устанавливает отношения, это – первое. А второе, и это главное, обозначенная связь, отношения существуют между самостоятельными явлениями, то есть теми, для которых свойственна независимая онтология.

Поэт Семен Липкин выразил поэтически данную функцию союза «и».

СОЮЗ

Как дыхание тепла в январе
Иль отчаянье воли у вьючных,
Так загадочней нет в словаре
Однбуквенных слов, однозвучных.

Есть одно – и ему лишь дано
Обуздать полновластно различья.
С ночью день сочетает оно,
Мир с войной и с паденьем величье.

В нем тревоги твои и мои,
В этом И – наш союз и подспорье...
Я узнал: в азиатском заморье
Есть народ по названию И.

Ты подумай: и смерть, и зачатье,
Будни детства, надела, двора,
Неприятие лжи и понятие
Состраданья, бесстрашья, добра,

И простор, и восторг, и унылость
Человеческой нашей семьи, -
Все вместилось и мощно сроднилось
В этом маленьком племени И.

И когда в отчужденной кумирне
Приближается мать к алтарю,
Это я, – тем сильней и всемирней, –
Вместе с ней о себе говорю.

Без союзов словарь немеет,
И я знаю: сойдет с колеи,
Человечество быть не сумеет
Без народа по имени И.

Поэтический образ, конечно, не аргумент в пространстве теории, но все же наполнен гносеологическим потенциалом. Что же можно извлечь из стиха для характеристики буквы-слова «и»? Прежде всего, его загадочность, которая есть способность

«обуздать... различья». Обуздать – смирить, нивелировать, ограничить самодовольство и тщеславие различия.

В школе учили, учебники на страницах своих утверждали, учителя на уроках в классах еще ранних объясняли, что буква «и» не просто буква, а союз, союз соединительный, правда, в равной степени противительный и разделительный. Соединительный, стало быть, соединяет то, что до соединения бытийствовало суверенно, то есть, обладая собственной природой, своим качественным «Я», существует независимо. Благодаря своей соединительной сути союз «и» обуздывает различия, то есть указывает на пределы, а также создает то, что именуется после союзом, объединением, преодолением различий.

Вот небольшой подбор цитат из разных источников: газет, популярных книг, научных монографий, тех цитат, где властвует слово-буква «и» со словом «культура», то есть, речь о бытии слова «культура» в повседневной речи.

«Аргументы и факты», № 3 (1940), 17–23 января 2018 года. Интервью с Ю. Соломиним.

«Жалко культуру. И не только ее – и образование, и медицину. Именно образование и культура формируют характер человека, национальную гордость». И далее: «И культура у них (в Польше – А. М.) всегда была на уровне – польские театр и кинематограф, бывало, занимали одно из ведущих мест в Европе». Оговорка «и не только ее» весьма красноречива, то есть, кроме культуры есть еще что-то, существующее рядом, а именно, образование и медицина, которые, таким образом, не входят в содержание культуры. Но в тоже время в культуру зачислены театр и кинематограф. Создается впечатление, что для автора культура ограничивается лишь искусством. Но коли так, зачем два слова? Таким образом, вычитаем из элементов культуры образование и медицину.

«Литературная газета», № 6 (6630), 7–13 февраля 2018 года. А. Бузгалин, публицист, профессор МГУ, доктор экономических наук. «С чего начинается Родина»: «Субъективно эти основания осознаются по-разному, в немалой степени под влиянием господствующей идеологии и образования, СМИ и культуры». Исходя из фразы, следует, что СМИ (радио, телевидение, печатные издания – газеты, журналы и пр.), в равной степени, идеология и образование не входят в сферу культуры. Интересно, что в данном контексте имеется в виду под культурой, автор не проясняет. К вычитаемым элементам (медицина и образование) из культуры добавляем идеологию и все «семейство» СМИ.

² Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – С. 1245

«Аргументы и факты», № 10 (1947), 7–13 марта 2018 года. Владимир Жириновский «Чему поучиться у Америки?»: *«Здравоохранение, образование, культуру и спорт нужно вывести из этой порочной системы, когда деньги оказываются на первом месте».*

Запятая, разделяющая и объединяющая здравоохранение и образование, понятна, она на месте. Даже слово «спорт» можно через запятую присоединить к словам «здравоохранение и образование», что не будет противоречить законам русского языка, да и здравому смыслу. Когда же через запятую после слова «образование» следует слово «культура», то можно сделать вывод, что ни здравоохранение, ни образование, ни спорт не входят в систему того, что понимается под культурой. В количество конкретных феноменов, не входящих в систему культуры, добавляется спорт.

«Литературная газета» № 12 (6636), 21–27 марта 2018 года. Дмитрий Рюриков «Антикультура как часть замысла»: *«Строительство очередного светлого будущего продвигается, культура и искусство перерождаются...»* Далее в статье читаем: *«Культура – не единственный фронт революции сознания. В последнее время под знаменами прав и свобод человека коренной переработке подвергались система среднего и высшего образования...».* Далее: *«При такой жизни, какая там культура, какое искусство, какие высокие мысли и страсти?».*

Пафос статьи в целом понятен, озабоченность происходящими процессами в культуре вызывает поддержку. Ясно, что автор не занимается теоретическими изысканиями о сущности культуры, очевидно, он использует слова «культура», «искусство», «образование» так, как они используются в рамках обыденного, повседневного смысла. Но самое интересное то, что мы видим новый поворот, теперь и *искусство* вне культуры, о чем и свидетельствует соединительно-разделительный союз «и».

Юрий Поляков. «Желание быть русским», «Литературная газета», № 17 (6641), 25 апреля – 8 мая, 2018 года: *«Бесписьменные племена получили алфавиты, срочно обучались коренные кадры управления, культуры, науки, образования».* Из сферы культуры изымается наука.

«Совершенно секретно», № 11(412), ноябрь 2018 года Вл. Сержин «Ода клинку. Как оружейные технологии породили цивилизацию»: *«Таким образом, вероятно, произошла первая в человеческой истории конверсия – использование военных технологий в мирных (более того, культурных и культовых) целях».* Использование военных технологий в мирных целях возможно и желательно, по крайней мере, задумка Нобеля коренится и в этой логике. Но что означает культурная цель

и использование для ее достижения военной технологии остается невнятным. Так же, военные технологии, в основе которых достижения науки и техники, находятся за границами культуры, а также некоторые культовые цели.

«Аргументы и факты», № 47 (1984), 21–27 ноября 2018 года. Николай Бурляев «Зачем государство финансирует культуру?»: *«...необходима государственная поддержка культуры. Бюджет, выделяемый на развитие искусства, должен быть равен бюджету, выделяемому на оборону страны, поскольку культура есть оборона души человека».* «Культура – оборона души человека» – это красиво. Склонен признать метафору недалекой от истины. Но на что следует обратить внимание? На то, что автор, деятель искусства, произнес слово «культура», сразу заменил его словом «искусство». Он, стало быть, полагает эти слова синонимичными, в отличие от выше цитируемого мнения Д. Рюрикова, согласно которому искусство и культура вещи разные.

«Аргументы и факты», № 47 (1984), 21–27 ноября 2018 года. Вячеслав Костиков «Какая память нужна России?»: *«Вначале такая агрессия проявляется в быту, потом переходит на улицу, в школу, тлеет в сфере спорта, задевает культуру... и, наконец, выплескивается в политику».* К тем феноменам, которые уже выведены за границы культуры, добавляется политика и вся сфера быта.

«Литературная газета», № 46 (6667), 14–20 ноября 2018 года. «С такой командой горы свернем!» – Интервью с министром культуры Подмосковья Нармин Ширалиевой. Вопрос: *«Хотелось бы Вам внести что-то новое в развитие культуры в Подмосковье?»* – Ответ: *«Безусловно... Наша задача – привозить лучшие спектакли, чтобы жители Московской области смогли увидеть сильнейшие театры, не только областные, но и российские, а в идеале и зарубежные. Наша задача заключается в том, чтобы зрители могли пойти в обновленный концертный зал в Доме культуры и услышать хороших музыкантов...»* Итак, развитие культуры в Подмосковье – приобщение его жителей к высоким образцам искусства.

«Литературная газета», № 48(6669), 28 ноября–4 декабря 2018 года. «Свежая кровь»: *«Впервые за шесть лет обновился состав Совета при Президенте РФ по культуре и искусству».* Даже на государственном уровне различают культуру и искусство, иначе интерпретировать союз «И» в названии Совета не представляется возможным. **В. Курбатов, писатель, литературовед:** *«...мы уж очень разные, порою с прямо противоположными взглядами на художественную и культурную реальность».* В словах писателя та же демаркационная линия, разделяющая художественную и культурную реальность.

Алексей Варламов, писатель, ректор Литературного института имени А. М. Горького: *«Культура – это то, где государство может помочь, искусство – то, где за все отвечает автор. Закон о культуре необходим, закон об искусстве – невозможен».* Мысль совершенно верная, но не говорящая о границах культуры и искусства.

«Аргументы и факты», № 25 (2014), 19–25 июня 2019 года. «Клоун без маски», интервью с экс-директором (во время интервью – А. М.) Екатеринбургского цирка Анатолием Марчевским: *«И сегодня это актуально – культура, искусство, развлекая, должны воспитывать».* Вряд ли кто будет возражать против, но и здесь культура и искусство разграничены, правда, роль союза выполняет запятая.

Можно множить до бесконечности подобные варианты использования слова «культура» в ненаучных текстах, но смысла в умножении подобных цитат нет, поскольку новое обнаружить проблематично. Приведенные цитаты позволяют сделать несколько первоначальных выводов.

Во-первых, чаще всего под культурой понимают искусство, по сути, отождествляя эти понятия, но тогда термин «культура» теряет свою качественную определенность и выступает синонимом искусства, хотя ясна и противоположная позиция, которая разделяет культуру и искусство как различные индивидуальности.

Во-вторых, слово «культура» выступает своеобразной метафорой всего положительно ценного, совершенного, что есть в обществе или того, к чему надо стремиться. Для большинства, использующих в своей речи слово «культура», оно не включает в себя все то, что осуждается в обществе. Для последнего используются иные термины – контркультура, антикультура. Определяя их как механизм внутреннего развития культуры, или обозначая этими терминами то, что не входит в культуру. Справедливости ради, следует отметить и иную позицию, для которой характерно в сферу культуры включать и такие феномены, как преступность, наркомания, другие проявления зла, вызванные социальной несправедливостью. Об этом пишет, например, в одном из учебников по культурологии А. С. Кармин³. Этой же проблеме было посвящено выступление отечественного культуролога, автора учебного пособия «Культурология для культурологов» А. Я. Флиера на Втором Российском культурологическом конгрессе в 2008 году [7, с.173–174]. Само стремление ввести в состав культуры не только те конкретные явления, которые очерчивают круг, так называемых положительных ценностей, но и те, что находятся по другую сторо-

ну баррикады, демонстрирует иную методологию, позволяющей культуру сближать со всеми сторонами человеческого бытия. Представляется, что методологически это более плодотворная позиция.

В-третьих, можно сделать и еще один вывод. Ряд словосочетаний, широко используемых в публицистических текстах, в которых слово культура соединяется с другим явлением культуры (таких, как, например, «культура и искусство», «культура и религия», «культура и образование», «культура и наука» и т.д.) говорит лишь о следующем. Если «И» выполняет соединительную функцию, то, стало быть, соединяет то, что обладает самостоятельным бытием, своим качественным «Я», то есть, объединяются изначально разграниченные явления, то есть те, что находятся за границей культуры. Но тогда культура оказывается без собственного содержания. Если в подобном ряду «и» выполняет разделительную задачу, то вывод тот же самый. Союз «и» в этом случае указывает на систему отношений, связей между культурой и иным явлением, которые являются внешними друг по отношению к другу, но при этом содержание культуры оказывается весьма размытым.

Еще один вывод, который напрашивается, если обращать внимание на обыденную речь. Существует бытийствующая издавна в обыденной речи традиция «приклеивать» слово «культура» к бесчисленному ряду существительных, имея в виду культуру чего-то.

«Аргументы и факты», № 48 (1985), 28 ноября – 4 декабря 2018 года, «Разговорились. Почему стало много высказываний политиков». Политтехнолог Платон Маматов: *«У нас нет культуры признания ошибок».* **Директор Института психологии Уральского педагогического университета Людмила Максимова:** *«... не сформирована культура разрешения конфликтов».* Все, что есть в общественном и индивидуальном бытии, – речь, поведение, мышление, производство и т.п., оценивается культурой, как степенью развития. Ранжирование в пространстве – «культура – не-культура, низкая культура, безкультурье». Примеры, как и в первом случае, бесчисленны: культура речи, культура мышления, культура поведения, культура производства, культура питья и т.д.

Приведенные примеры демонстрируют две позиции при разговоре о культуре. Одна отвечает на вопрос «какая культура?» Ответ безграничен – массовая, элитарная, русская, французская, политическая, художественная, светская, религиозная и т.д., и т.п. Другая – ответ на вопрос «культура чего?» – действия, мышления, отдыха, производства, ведения диалога и т.д., и т.п.. И при первом

³ Кармин А. С. Культурология. – СПб.: Питер, 2006. – С. 9–10.

подходе, и во втором за рамками остается вопрос о *сущности* культуры, а как следствие свободное, вольное пользование словом, относясь к нему как интуитивно ясному и прозрачному.

Обыденная речь и не обязана стремиться к строгому употреблению слов, другое дело научные труды, которые оперируют понятиями. Обратимся к учебникам по культурологии, сравнительно молодой отрасли гуманитарного знания, учебникам по культурологии, авторы которых обращаются к объяснению *сущности* культуры – основополагающей категории данной отрасли знания.

Логика параграфа, посвященного уяснению данного вопроса в разных учебниках примерно одна: вначале упоминается в качестве банальности, что накоплено несколько сот конкретных определений культуры, не забывая назвать первых «бухгалтеров» А. Кребера и К. Клакхона, которые предложили список используемых определений еще в середине ушедшего века. Обязательно подчеркивается, что список имеет тенденцию увеличиваться. Затем следует пассаж о различных подходах и методах исследования культуры, в силу чего становится ясным разнообразие определений, поскольку они запрограммированы методом: мы получаем то, что ищем. В большинстве случаев вывод делается прямо или содержится имплицитно, тут воля и желание автора сказывается. Вот, например, учебник А. П. Садохина⁴: «...понятие «культура» выступает как многозначное и довольно аморфное определение, которое можно применять в самых разных ситуациях».

Ряд исследователей приходят к выводу, что «...краткой, емкой и точной дефиниции культуры, устраивающей всех, по-видимому, быть не может» [4, с. 84]. Что касается собственно дефиниции, то с подобным мнением следует согласиться, поскольку всякое определение – прокрустово ложе, так сказать теоретический «убийца», оно не способно вместить полностью бытия, культуры в том числе. О сложности в понятии отразить целостность бытия говорилось не раз. Можно вспомнить Г. Шпета, утверждавшего, что «понятие вынуждено расстаться со своей живой формой, с не стертым внутри его генезисом, с заложенным внутри его историческим постижением» [10, с. 31]. Еще более определенно о неполном совпадении понятия и реальности писал Хосе Ортега-и-Гассет в известной работе «Дегуманизация искусства»: «Однако между идеей и предметом всегда существует непреодолимый разрыв. Реальность всегда избыточна по сравнению с понятием, которое стремится ограничить ее своими рамками. Предмет всегда больше понятия и не совсем такой, как оно» [5, с. 247].

Другие авторы не столь пессимистичны, их вывод из знакомства с палитрой определений наполнен оптимизмом. Например: «...все имеющиеся сегодня определения не исключают друг друга, а дополняют: каждое содержит зерно истины, но ни одно не дает полного и целостного ответа на вопрос: что же такое культура» [8, с. 70].

Научные понятия, как и слова, рождаются в свое время, тогда, когда возникает в них надобность. Рождение понятия, способно прояснить его методологическую значимость, выявить его основные смыслы. Всеми исследователями культуры признается, что *понятие* «культура» вошло в научный лексикон с Нового времени. Этот момент представляется весьма важным. Именно тогда актуализировался вопрос *специфики* человеческого, неприродного бытия, и связанная с этим вопросом проблема формирования человека. Автору уже приходилось высказываться по этому поводу [4, с. 165–168]. Очевидный смысл понятия «культура» с самого момента его «рождения» заключается в том, что культура есть *граница*, разделяющая единое бытие на две сферы – природную и социальную, природную, в которой властвуют жесткие причинно-следственные отношения, и социальную, возникшую в процессе свободной творческой деятельности человека. Оппозиция природа и культура – начало осмысления культуры. Культура – не природа, не возникает по законам природы, она связана с деятельностью человека. Тогда, конечно, все, что не природа есть культура. Самый изысканный комплимент – «ты гений чистой красоты» и самый отвратительный мат, как явления не-природы, относятся к культуре. В равной степени и создание научного или художественного гения, и изощренные пытки и средства массового уничтожения – все это мир культуры, как бы не сопротивлялось наше нравственное чувство, под давлением которого мы стремимся записать в пространство культуры лишь прекрасное, доброе, гуманное.

Безусловно, такое понимание культуры страдает очевидным недостатком: культура оказывается синонимом общества и всего, что в нем создано. Культурное и социальное оказываются синонимами. Разграничить их, определить собственное их содержание – вот проблема, над которой билась и бьется интеллектуальная мысль. Но у каждого теоретика критерии разные, при этом они часто не обосновываются, а постулируются.

Культура как граница есть оболочка, которая надстраивается над хаосом природы, сдерживая его свободу. О. Мандельштам имел смелость ввести термин «культурное притворство», очерчивая им то, что в общепринятой практике мы называем

⁴ Садохин А.П. Культурология. – М.: КНОРУС, 2012. – С. 116.

культурой чего-либо [3, с. 176]. Культура в этом смысле всегда насилие над природой, социальная форма подавления природного в человеке, ей присущ репрессивный характер. Об этой стороне культуры писал З. Фрейд [8], толковали М. Фуко [9], уже упомянутые А. С. Кармин, А. Я. Флиер.

Это, в частности, выражается в том, что самые ранние формы социального бытия выступали в форме табу. Табуированию подвергалось на ранних стадиях человеческой истории то, что наследовалось человеком из природного бытия, его витальные потребности. Недаром библейские заповеди, представляющие собою наиболее ранние формы социального регулирования, имеют форму запрета: «не убий», «не кради», «не прелюбодействуй» и т. д.

Культура как граница объемлет *всю полноту* собственно человеческого, а не природного, бытия. В этом смысле культура и есть общество, охватывает всю систему общественных и индивидуальных отношений, процессов деятельности и ее результатов. Культура тотальна, разлита по всему пространству социума. Культурность – характеристика собственно человеческого бытия, в силу этого выражение «некультурный человек» есть нонсенс. Некультурный человек – человек лишенный человеческого бытия, а это мир природы. В свете сказанного ясно, что никакой антикультуры быть не может, ибо все, что вне культуры, – это мир природного существования.

Исходя из такого понимания культуры, стоит отметить, что культура описывает не все конкретное богатство общественного, социального бытия, а характеризует его *сущность*. Культура выражает не всю полноту эмпирического бытия социума, а его сущностные признаки. Используя терминологию кантовской философии, можно сказать: *культура – ноумен социума*. Поэтому культура не существует как конкретно-определенное явление, она разлита по всему объему общественной жизни, есть ее дух, суть. В силу этой природы культура сопротивляется попыткам эксплицирования, делает трудным получения знания о себе систематическим, дискурсивным путем, ставит предел аналитике. Тайна культуры в том, что в ней скрыта тайна вечности и целостности социума.

Даже школьная философия учит, что сущность, которая не воспринимается непосредственно чувственно, *является*, предстает миром феноменов. Термин «феномен» употребляем в двух смыслах. Во-первых, феномен – это исключительный, выдающийся, необычный, отличающийся от другого. Во-вторых, феномен как философское понятие характеризует явление, данное в опыте, то, что предстает как непосредственно данное. Феномен культуры – чувственно представшая, конкретно-качественная сторона сущности собственно человеческого, не природного бытия. Поэтому некоррект-

но утверждать, что культура включает в себя такие элементы, как искусство, наука, религия и т. д. Искусство – феномен культуры, *явление* культуры, то есть в «одежде» искусства является сущность человеческого, не природного бытия. Религия – феномен культуры, то есть в «одежде» религии является иная сторона человеческого, не природного бытия. Сквернословие – феномен культуры, то есть, оно также являет определенные стороны человеческого бытия. Мы имеем дело не с элементами культуры, а с ее феноменами, которые в совокупности являют сущность социума.

Позволю себе аналогию. Вспоминая опыт определения материи, который был предложен приверженцем материалистической, марксистской философии В. И. Лениным [2, с. 131]. Согласно ему определить материю можно только лишь в сопоставлении с сознанием (материя есть объективная реальность, существующая вне и независимо от сознания). То есть, можно сказать, что материи как таковой нет, реально человек имеет дело с *конкретными формами* бытия материи. Так и при определении культуры мы можем понять ее только в соотношении с природой. Поэтому, культура, прежде всего, то, что она не природа. Конечно, такое определение абстрактно и пусто. Но при этом ясно, что она тотальна. Культура – конкретная форма бытия социального, подчеркивающая принципиальное отличие его от природного бытия. Культура как луч света, бесцветный, но содержащий в себе палитру цветов, которую воспринимаем благодаря дифракции. Феномены культуры – «радуга культуры», конкретные формы сущности человеческого бытия.

Новое время, ставя проблему специфики, особенности человеческого бытия, обратилось к термину «культура», фиксирующего эту особенность, и связь культуры с процессом становления самого человека. Человек в отличие от всех других живых существ, живущих только по законам природы, самим фактом рождения приобретающих родовые признаки, не рождается человеком, а становится им. Человек *присваивает* свою человеческую сущность, поскольку она в силу процесса опредмечивания воплощена в предметах «второй природы», в богатстве социальных предметов, во всей системе общественных отношений. Культура – своеобразный скульптор, который из материала по имени «природа» творит «произведение» – человеческую личность. Этот процесс – становление в человеке человеческой сущности и составляет глубинный смысл человеческой жизни. В этом аспекте понятен тот смысл термина культура, когда он используется в качестве оценки: культура чего-то.

Подводя итог, утверждаем, что культура – граница, которая делит единое бытие на две сферы – природную и социальную. Культура выражает сущность неприродного, собственно человеческого

бытия, в силу чего она выступает средством хранения и трансляции опыта этого бытия.

Как граница культура обладает двумя сторонами – экстерьерной и интерьерной. Первая обращена к «другому», в данном случае к природе, с ней не-

раздельна; вторая обращена к социуму. Но это две стороны единого целого, что позволяет сказать, что природное и социальное неразрывны в культуре, а стало быть, оппозиция «культура – природа» не имеет абсолютного значения.

Литература

1. Бэкон Ф. Новый Органон. – Л.: ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ, 1935. – 384 с.
2. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Полное собрание сочинений в 55 томах. – Т. 18. – М.: Издательство политической литературы, 1984. – С. 131–526.
3. Мандельштам О. О собеседнике. – Л.: Наука, 1990. – С. 176–181.
4. Медведев А. В. Культура: опыт определения смыслов // Мировоззренческие основания культуры современной России: сб. ст. Всерос. науч.- теорет. конф. (Магнитогорск, 10–12 мая, 2018 г.). – Магнитогорск: МГТУ, 2018. – С. 162–168.
5. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. – М.: Искусство, 1991. – С. 218–260.
6. Рассел Б. История западной философии: в 2-х томах. – М.: АСТ, 2017. – Т. 2. кн. 3. – 512 с.
7. Флиер А. Я. Культура – это наше не все (о границах социальной полезности культуры) // Культурное многообразие: от прошлого к будущему: Тезисы докладов и сообщений второго Российского культурологического конгресса с международным участием (Санкт-Петербург, 25–29 ноября 2008 г.). – Санкт-Петербург: Эйдос, 2008. – С. 173–174
8. Фрейд З. Недовольство культурой // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура / Сост. и вступ. ст. А. М. Руткевича. – М.: Ренессанс, 1991. – С. 65–134.
9. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – М.: Прогресс, 1977. – 489 с.
10. Шпет Г. Мудрость или разум? // Мысль и слово. Философский ежегодник. – 1917. – № 1. – С. 1–69.

References

1. Bacon, F. (1935) *Novyy Organon* [New Organon]. Leningrad: OGIZ-SOTSEKGIZ, 384 p.
2. Lenin, V. I. (1984) *Materializm i empiriokrititsizm* [Materialism and empirio-criticism]. Complete works in 55 volumes. Vol. 18. Moscow: Publishing house of political literature, pp. 131–526. (In Russ.).
3. Mandelstam, O. (1990) *O sobesednike* [About the interlocutor]. Leningrad: Science, pp. 176–181. (In Russ.).
4. Medvedev, A. V. (2011) [Culture: the experience of defining meanings]. *Mirovozzrencheskiye osnovaniya kul'tury sovremennoy Rossii: sb. st. Vseros. nauch.- teoret. konf* [World outlook foundations of the culture of modern Russia: collection of articles. Art. Vseros. scientific – theor. Conf]. Magnitogorsk: MSTU, pp. 162–168. (In Russ.).
5. Ortega, y Gasset H. (1991) [Dehumanization of art]. *Estetika. Filosofiya kul'tury* [Aesthetics. Philosophy of culture]. Moscow: Art, pp. 218–260. (In Russ.).
6. Russell, B. (2017) *Istoriya zapadnoy filosofii: v 2-kh tomakh* [History of Western Philosophy: in 2 volumes]. Moscow: AST, Vol. 2. book 3, 512 p.
7. Flier, A. Ya. (2008) [Culture is not our everything (about the boundaries of the social usefulness of culture)]. *Kul'turnoye mnogoobraziye: ot proshlogo k budushchemu: Tezisy dokladov i soobshcheniy vtorogo Rossiyskogo kul'turologicheskogo kongressa s mezhdunarodnym uchastiyem (Sankt-Peterburg, 25–29 noyabrya 2008 g.)*. [Cultural diversity: from the past to the future: Abstracts of reports and messages of the second Russian Cultural Congress with international participation (St. Petersburg, November 25–29 2008)]. St. Petersburg: EIDOS, ASTERION, pp. 173–174 (In Russ.).
8. Freud, Z. (1991) *Nedovol'stvo kul'turoy* [Dissatisfaction with culture]. Comp. and entered. Art. A. M. Rutkevich. Moscow: Renaissance, pp. 65–134. (In Russ.).
9. Foucault, M. (1977) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and things. Archeology of the Humanities]. Moscow: Progress, 489 p.
10. Shpet, G. (1917) [Wisdom or Reason?]. *Mysl' i slovo. Filosofskiy yezhegodnik* [Thought and word. Philosophical Yearbook]. Vol. 1, pp. 1–69. (In Russ.).

Информация об авторе:

Александр Васильевич Медведев, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры культурологии и социально-культурной деятельности, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

e-mail: medvedev10@yandex.ru

Медведев А. В. закончил философский факультет Уральского университета в 1970. Преподавательский стаж 50 лет. Кандидатская диссертация «Социальные функции искусства» защищена в МГУ, докторская «Сакральное как причастность к абсолютному» в Уральском государственном университете. Автор более 150 работ.

Учебное пособие «Философия и история религии» (соавтор Д.В. Пивоваров) отмечено премией УрГУ (2002 г.), учебное пособие «Библия как памятник культуры» было отмечено грамотой на 4 Дальневосточном региональном конкурсе изданий высших учебных заведений «Университетская книга – 2013».

Был организатором кафедры культурологии в УрГУ, которую возглавлял 25 лет. В течение 18 лет был Председателем диссертационного совета по защите докторских и кандидатских работ по теории и истории культуры, членом которого является в настоящее время.

Был уполномоченным по связям с религиозными организациями при Администрации губернатора Свердловской области, в 1998–1999 годы являлся Председателем Уральского филиала Российского отделения Международной ассоциации религиозных свобод.

Награжден нагрудным знаком Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (2000 г.), Почетной грамотой Министерства образования Российской Федерации (2002 г.)

Статья поступила в редакцию: 10.04.2020; принята в печать: 19.08.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Alexander Vasilievich Medvedev, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Culturology and Socio-Cultural Activities, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

e-mail: medvedev10@yandex.ru

A. V. Medvedev graduated from the Faculty of Philosophy of the Ural University in 1970. Teaching experience is for 50 years. PhD dissertation «Social functions of art» was defended at Moscow State University, doctoral dissertation «Sacral as involvement in the absolute» was defended at the Ural State University. A. V. Medvedev is the author of over 150 works.

The textbook «Philosophy and History of Religion» (co-author D. V. Pivovarov) was awarded the Ural State University Prize (2002), the textbook «The Bible as a Cultural Monument» was awarded a diploma at the 4th Far Eastern Regional Competition of Higher Educational Institutions' Publications «University Book – 2013».

Alexander Vasilievich was the organizer of the Department of Culturology at USU, which he headed for 25 years. For 18 years, he was the Chairman of the Dissertation Council for the defense of doctoral and candidate works on the theory and history of culture, of which he is currently a member.

A. V. Medvedev was authorized for relations with religious organizations under the Administration of the Governor of the Sverdlovsk Region, in 1998–1999 he was the Chairman of the Ural branch of the Russian branch of the International Association of Religious Freedoms.

Alexander Vasilievich was awarded with the badge Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (2000), Certificate of Honor of the Ministry of Education of the Russian Federation (2002)

The paper was submitted: 10.04.2020.

Accepted for publication: 19.08.2020.

The author has read and approved the final manuscript.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 338.24

DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-19

МОДЕЛИРОВАНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ РИСКОВ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ

Н. К. Борисюк¹, О. С. Смотрина²

Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

¹e-mail: management@mail.ru

²e-mail: olysmotrina@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выработки новых подходов к моделированию стратегического поведения производственного предприятия в условиях рисков внешней среды. Общеизвестно, что основу российского хозяйственно-экономического уклада на протяжении более ста лет составляют производственные предприятия. В 1990-е годы в связи с переходом экономики России на рыночные отношения произошло реформирование системы хозяйственных отношений, вызвавшее затяжной экономический спад экономики предприятий. В основном данная проблема коснулась воздействия на предприятия происходящих изменений внешней среды. Исходя из этого, исследование моделей стратегического поведения предприятий в условиях рисков внешней среды, несомненно, представляет теоретико-практический интерес и является актуальным. Цель статьи заключается в теоретическом анализе существующих и обосновании разработки новой модели стратегического поведения производственного предприятия в условиях рисков внешней среды.

В процессе исследования авторами были использованы труды российских и зарубежных ученых по данной проблеме, законодательные акты и нормативные документы РФ, официальные данные государственной статистики. Также применялись такие методы исследования как анализ и обобщение, научная классификация, ретроспективный анализ, моделирование и другие. На основе анализа выделенных различными учеными моделей стратегического поведения производственного предприятия, учитывающих риски внешней среды (Г. Б. Клейнер, И. Ансофф, Е. В. Назмутдинова и другие) авторами статьи сделано заключение о целесообразности внедрения на предприятиях модели стратегического менеджмента, представляющей проект, состоящий из семи этапов. Данная модель, по сути, включает и развивает применительно к практике основные функции менеджмента. Каждый из этапов стратегии логически дополняет предыдущий, создавая целостную модель стратегического поведения производственного предприятия в условиях рисков внешней среды.

Авторами рекомендуется к внедрению на производственных предприятиях модель стратегического поведения в условиях рисков внешней среды, объединяющей стратегическое планирование, ориентированное на принятие оптимальных стратегических решений и стратегический менеджмент, нацеленный на достижение долгосрочных результатов в виде освоения новых рынков, новых технологий и новых товаров, что определяет научную новизну данного исследования. Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности их использования в дальнейшей разработке данной проблемы, а также в учебном процессе в вузах.

Ключевые слова: производственное предприятие, народнохозяйственный комплекс, адаптация предприятий к условиям рисков внешней среды, модель стратегического поведения предприятия.

Для цитирования: Борисюк Н. К., Смотрина О. С. Моделирование стратегического поведения производственного предприятия в условиях рисков внешней среды // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 5. – С. 19–27. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-19.

MODELING THE STRATEGIC BEHAVIOR OF A MANUFACTURING ENTERPRISE IN THE CONDITIONS OF ENVIRONMENTAL RISKS

N. K. Borisjuk¹, O. S. Smotrina²

Orenburg State University, Orenburg, Russia

¹e-mail: management@mail.ru

²e-mail: olismotrina@mail.ru

Abstract. The relevance of the study is due to the need to develop new approaches to modeling the strategic behavior of a manufacturing enterprise in the face of environmental risks. It is well known that the basis of the Russian economic and economic structure for more than a hundred years has been manufacturing enterprises. In the 1990s, in connection with the transition of the Russian economy to market relations, a reform of the system of economic relations took place, which caused a protracted economic recession of the enterprises' economies. Basically, this problem affected the impact on enterprises of the ongoing changes in the external environment. Based on this, the study of models of the strategic behavior of enterprises in the face of environmental risks is undoubtedly of theoretical and practical interest and is relevant. The purpose of the article is to theoretically analyze the existing ones and justify the development of a new model of the strategic behavior of a manufacturing enterprise in the face of environmental risks. In the process of the study, the authors used the works of Russian and foreign scientists on this issue, legislative acts and regulatory documents of the Russian Federation, official data of state statistics. Such research methods as analysis and generalization, scientific classification, retrospective analysis, modeling and others were also used.

Based on the analysis of the strategic behavior models of the manufacturing enterprise identified by various authors, including taking into account environmental risks (G. B. Kleiner, I. Ansoff, E. V. Nazmutdinova and others), the authors conclude that it is advisable to introduce a strategic management model in enterprises representing a project consisting of seven stages. This model, in fact, includes and develops the basic functions of management as applied to practice. Each of the stages of the strategy logically supplements the previous one, creating an integrated model of the strategic behavior of a manufacturing enterprise in the face of environmental risks.

The authors recommend the introduction of a model of strategic behavior in environmental risks at manufacturing enterprises, combining strategic planning focused on making optimal strategic decisions and strategic management aimed at achieving long-term results in the form of developing new markets, new technologies and new products. The practical significance of the research results lies in the possibility of their use in the further development of this problem, as well as in the educational process in universities.

Key words: industrial enterprise, national economic complex, adaptation of enterprises to environmental risks, model of strategic behavior of the enterprise.

Cite as: Borisjuk, N. K., Smotrina, O. S. (2020) [Modeling the strategic behavior of a manufacturing enterprise in conditions of environmental risks]. *Intellect. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 19–27. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-19.

Введение

Основу российского хозяйственно-экономического уклада на протяжении более ста лет составляют производственные предприятия, представляющие собой самостоятельный хозяйствующий субъект с правами юридического лица, производящий продукцию, товары, услуги, выполняющий работы, занимающийся различными видами экономической деятельности. Предприятия были и есть основа хозяйственной деятельности практически во всех отраслях экономики, видах деятельности и органи-

зационно-правовых формах собственности: в промышленности, строительстве, транспорте, торговле, сельском хозяйстве и в других.

Проводившиеся в стране в начале 1960-х годов экономические реформы были нацелены именно на реформирование условий их деятельности. Положение о предприятии (1965 г.; 1983 г.)¹, Закон о предприятии (1987 г.)² определили их функции, права и ответственность [3].

В 1990-е годы в связи с переходом экономики России на рыночные отношения произошла транс-

¹ Постановление Совмина СССР от 04.10.1965 № 731 «Об утверждении Положения о социалистическом государственном производственном предприятии» [Электронный доступ]. – Режим доступа: <https://izak.ru/upload/iblock/57e/57ecd2e07118ebba8680fc5605e2b8d0.pdf>; Постановление Совета Министров СССР Об утверждении Положения о социалистическом государственном производственном предприятии (с изменениями на 4 августа 1983 года) (утратило силу с 21.02.2020 на основании постановления Правительства Российской Федерации от 03.02.2020 N 80) [Электронный доступ]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901717097> (дата обращения: 12.05.2020).

² Закон СССР О государственном предприятии (объединении) (утратил силу на основании Закона СССР от 07.03.1991 № 2015-1) [Электронный доступ]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/9049736> (дата обращения: 12.05.2020).

формация системы экономических отношений на фоне затянувшегося экономического спада, вызвавшего проблемы функционирования предприятий³. В частности, встала проблема адаптации предприятий к изменившимся условиям внешней среды, что в свою очередь, ставило под вопрос выживание всего российского народнохозяйственного комплекса. Исходя из этого, исследование моделей стратегического поведения предприятий в условиях рисков внешней среды, несомненно, представляет теоретико-практический интерес и является актуальным. Данное исследование, кроме того, на наш взгляд, тем более актуально, так как в условиях введения против России санкций западными партнерами, с одной стороны, усложняет социально-экономическую ситуацию в стране, а с другой стороны – требует, в том числе и от производственных предприятий, разработки и реализации соответствующей модели стратегического поведения в условиях возникающих рисков внешней среды, что определяет цель исследования.

Теоретико-методический подход

Вопросы стратегического моделирования поведения производственных предприятий в условиях рисков внешней среды рассматриваются в научных трудах таких зарубежных и отечественных ученых и специалистов, как И. Ансофф, Р. Нагель, Мартин Мезнар, Джеймс Дж. Крисман, Арчи Б. Кэрролл, Юсаф Х. Акбара, Дж. Брайд, Н. И. Алексеева, М. А. Голубева, А. А. Архипенко, Г. Б. Клейнер, Е. В. Назмутдинова и другие.

В частности, большое внимание проблеме стратегии развития производственных предприятий уделяет в своих трудах Г. Б. Клейнер – ведущий отечественный теоретик стратегического планирования и управления. Данный автор исследует позиции комплексного определения предприятия как организации, обладающей системообразующими признаками, от выбора модели стратегического развития которого зависит состояние всей социально-экономической системы, как страны в целом, так и отдельных регионов [10].

И. Ансофф подчеркивает, «модель новой стратегии, которую планируется развить, внедрить и использовать, фирма должна учитывать традиционные сильные стороны..., если же сильных сторон для реализации стратегии недостаточно или ее реализация может привести к появлению слабостей в будущем, стратегическое планирование необходимо расширить до стратегического менеджмента» [2].

Стратегическое поведение отраслевых предприятий, как отмечает Е. В. Назмутдинова, обусловлено совокупностью определенных условий и факторов. В качестве таких факторов автор называет инновационную активность предприятия, восприимчивость инноваций персоналом, производственные условия (качество и цена продукции, уровень затрат на производство продукции), финансовые условия (платежеспособность, ликвидность, деловая активность) и другие [12].

В своей монографии «Стратегия производственного предприятия 21-го века: взгляд отрасли» Роджер Нагель формулирует положение о том, что в эпоху постоянных и неумолимых перемен становится невозможно предвидеть даже маленькую долю потенциальных проблем, возможностей и угроз, с которыми столкнется предприятие. Преуспевает тот, кто будет способен быстро изменить курс, систематически менять стратегии и создавать инфраструктуру для процветания в непредсказуемой среде [15].

Также следует указать научный задел в данной области авторов настоящей статьи: Борисюк Н. К., Ермакова Ж. А. (2015), Борисюк Н. К., Трофимов И. В., Цветкова Т. В. (2016), Борисюк Н. К., Солдатова Л. А. (2017), Борисюк Н. К., Расаева А. А. (2018), Борисюк Н. К., Солдатова Л. А., Курлыкова А. В. (2019), Борисюк Н. К., Смотрица О. С. (2019).

В процессе написания данной статьи авторами использовались такие методы исследования, как анализ и обобщение, научная классификация, ретроспективный анализ; моделирование и другие.

Проведенный анализ экономического развития регионов, основу экономики которых, как уже отмечалось выше, составляют производственные предприятия, позволил выявить следующие проблемы:

- слабую проработанность стратегии инновационного развития регионов;
- отсутствие научной методологии реализации инновационных процессов;
- отсутствие региональной кластерной концепции развития экономики на основе промышленной и инновационной политики [11].

Вышеизложенное говорит как о недостаточной научной проработанности данной проблеме, так и о слабом контроле в регионах за реализацией концепции Правительства РФ по либерализации экономики на базе развивающегося инновационного потенциала территориальных агломераций [11].

Динамика количества предприятий и организаций в РФ и Оренбургской области представлена в таблице 1.

³ Экономика России и мира – Экономический портал [Электронный доступ]. – Режим доступа: <https://institutiones.com/personalities.html?start=30> (дата обращения: 12.05.2020).

Таблица 1. Динамика количества предприятий и организаций в РФ и Оренбургской области⁴

Показатель	Годы				
	2000	2010	2015	2017	2018
Российская Федерация, тыс.	3346	4823	4765	4562	4215
Оренбургская область, единиц	34114	40491	41763	39323	37383

Данные приведенные в таблице 1 свидетельствуют о том, что динамика количества предприятий и организаций всех видов экономической деятельности за последние 10 лет имеет тенденцию к сокращению, как в пределах Российской Федерации, так и в Оренбургской области. В целом по стране количество предприятий и организаций сократилось за 2010–2018 гг. на 12,6%, в Оренбургской области за этот же период на 7,7%.

Что касается динамики количества производственных предприятий Оренбургской области, то она имеет также отрицательную тенденцию. Так,

в 2018 г. по сравнению с 2017 г. количество производственных предприятий в области уменьшилось на 6,5% (таблица 2). Эти факты говорят о том, что многие предприятия, включая производственные, не учитывают влияние на свою деятельность в кризисных условиях внешних факторов, что негативно сказывается на их финансово-экономическом состоянии. Таким образом, приведенные данные подтверждают актуальность выбранной темы исследования, а, следовательно, разработки модели стратегического поведения производственного предприятия в кризисных условиях.

Таблица 2. Число производственных предприятий в экономике Оренбургской области, единиц

Вид экономической деятельности	Годы	
	2017	2018
Всего предприятий и организаций по всем видам экономической деятельности	39323	37383
Из них производственных предприятий, всего	23182 (58,95%)	21692 (58,03%)
В том числе		
– сельское и лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	2904	2731
– добыча полезных ископаемых	395	390
– обрабатывающие производства	2536	2364
– обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	317	312
– водоснабжение и водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	405	379
– строительство	4216	4033
– торговля оптовая и розничная, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	9128	8363
– транспортировка и хранение	2413	2312
– деятельность в области информации и связи	868	808

Факторы риска, влияющие на устойчивость производственного предприятия в рыночных условиях можно классифицировать как по внешним, так и по внутренним факторам [13]. При этом в данном исследовании проанализируем более детально только внешние факторы риска, представленные на рисунке 1.

Как видно из рисунка, среди факторов риска доминирующую группу составляют внешние фак-

торы, определяющие воздействие социально-экономической и правовой сфер. К ним относятся нормотворческая деятельность органов власти всех уровней в части изменения налоговых нормативов, нормативов на транспортные перевозки; корректировка процентных ставок по кредитам банков, правил внешнеэкономической деятельности и другие [1]. Все большую роль в работе предприятий, особенно нефтегазовых отраслей, играют экологи-

³ Российский статистический ежегодник 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gks.ru/folder/210/document/12994>; Статистический ежегодник Оренбургской области 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://orenstat.gks.ru/folder/38550> (дата обращения: 12.05.2020).

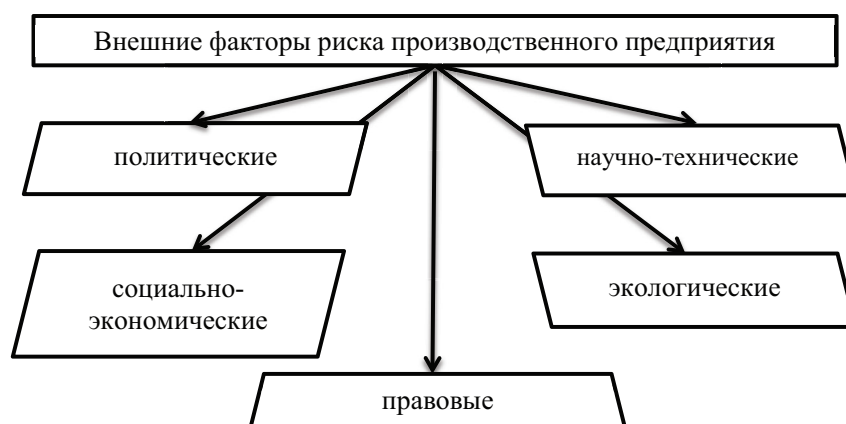

Рисунок 1. Классификация внешних факторов риска производственного предприятия
Примечание: составлено авторами.

ческие факторы риска. Определенную угрозу экономической безопасности предприятия может оказывать влияние инноваций, в частности, освоение предприятиями-конкурентами новой технологии, снижающей издержки производства⁴.

Следует отметить, что представленный перечень внешних факторов риска производственных предприятий в условиях рыночной экономики методически воздействует на их планово-управленческую деятельность.

Таким образом, как показывает анализ теоретико-методических подходов к выработке модели стратегического поведения производственного предприятия в условиях внешних рисков, усугубляемых санкциями западных стран, разразившейся мировой пандемии коронавируса, а также значительным спадом экономики, что требует всестороннего осмысления данной проблемы и обоснования приемлемой модели стратегического поведения предприятия.

Модели стратегического поведения предприятия

Под экономической стратегией в научной среде понимаются долгосрочные и наиболее важные планы, намерения руководства экономических субъектов в отношении развития производства, распределения доходов и расходов, формирования бюджета, осуществления капиталовложений, регулирования цен, социальной защиты населения и других направлений финансово-экономической деятельности.

Развитие в Российской Федерации элементов стратегического управления экономическими объектами различных уровней связано с переходом от централизованно управляемой к рыночной экономике.

Понятие «потенциал предприятия» тесно связан-

ное с понятиями «стратегия» и «стратегические решения», интерпретируется как находящиеся в распоряжении предприятия стратегические ресурсы [8]. В частности, в условиях кризиса это могут быть финансовые ресурсы и т. п. В содержательном плане стратегия предприятия включает в себя решения по изменению структуры и объемов производства, корректировке поведения предприятия на рынке товаров, а также стратегические аспекты интеграции с другими предприятиями, инвестиционно-финансовой и социальной сфер деятельности [4].

Учитывая вышеизложенное определение стратегии, интерес представляют выделенные Г. Б. Клейнером семь моделей (видов) стратегического поведения производственного предприятия, учитывающих риски внешней среды (рисунок 2) [9].

Однако для стратегического планирования и разработки модели поведения производственного предприятия в условиях кризиса наличие семи стратегий является неудобным и громоздким в процессе исполнения и контроля. Формирование стратегий предполагает выбор одного или нескольких вариантов в зависимости от предполагаемых условий и среды функционирования предприятия [6].

Концепция «управление по обстоятельствам» возникла в 70-х годах XX века в США как интерпретация модели специального управления прерывистыми переменными. Через десять лет на базе данной концепции началось развитие нового подхода – «кризисного управления» [4]. В результате был совершен ряд открытий, которые привели к созданию моделей систематического стратегического планирования (реакционная модель, специальное управление, долгосрочная модель, реактивная модель) и стратегического менеджмента [14].

⁴ Разработка стратегии компании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iteam.ru/pages/razrabotka-strategii-kompanii> (дата обращения: 15.03.2020).

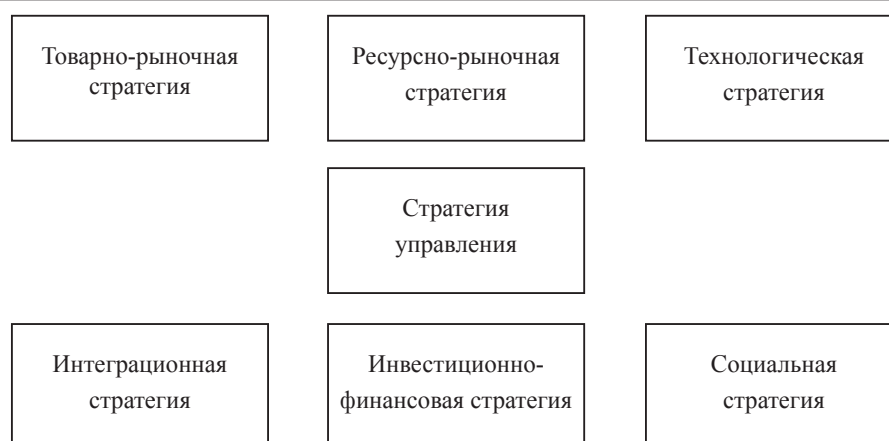

Рисунок 2. Модели стратегического поведения производственного предприятия (по Г. Б. Клейнеру)

При этом данные модели стратегического поведения предприятия с учетом характеристик среды, а также возможностей их применения представлены в таблице 2 [5].

Таблица 2. Модели стратегического поведения (менеджмента) производственного предприятия

Модель менеджмента	Характеристика среды	Тип изменений
Реакционная	В условиях стабильности внешней среды	Изменения повторяются и возможно использование сильных сторон предприятия
Специального управления	Постоянно развивающаяся среда (движение снизу вверх)	Поиск методом проб и ошибок, использование элементов кризисного управления
Долгосрочного планирования	Скорость изменений внешней среды начинает превышать скорость реакции предприятия	Идет поиск новых способов применения моделей управления
Реактивная	Во внешней среде частые прерывистые изменения	Все предшествующие и данная модель становятся малоэффективными
Стратегического менеджмента	Внешняя среда претерпевает постоянные изменения	Формирование новых способностей и развитие деловой активности предприятия

Исходя из цели данного исследования, опишем более детально план разработки проекта предлагаемой нами стратегии поведения предприятия на основе модели стратегического менеджмента. Разработку стратегии целесообразно организовать как проект, в котором участвует вся управленческая команда во главе с генеральным директором или собственником.

Примерный план проекта модели стратегического поведения производственного предприятия в условиях риска рекомендуемыми нами для разработки, представлен на рисунке 3.

Первый этап. «Анализ стратегических проблем» предполагает проведение анализа внешних и внутренних проблем, препятствующих эффективному функционированию и развитию предприятия, разработки карты проблем, на которой должна концентрироваться стратегия, особо выделив риски внешней среды.

Второй этап. «Выработка стратегических решений» предусматривает проведение анализа альтернативных стратегий и определение актуальных стратегических задач, на основе SWOT-анализа

определение сильных сторон предприятия и формирование стратегических решений.

Третий этап. «Определение позиционирования предприятия на рынке» предполагает определение целевых сегментов рынка и ценностей, создаваемых предприятием для клиентов, выделение ключевых отличий от конкурентов.

Четвертый этап. «Разработка организационной концепции» предусматривает определение целевой организационной структуры, формирование видения стратегически важных процессов, которые необходимо построить или модернизировать.

Пятый этап. «Определение стратегических ресурсов» предполагает определение стратегически важных ресурсов предприятия, формирование задач по их развитию, проведение анализа ценностей корпоративной культуры как ключевого ресурса предприятия, определение направлений их изменений.

Шестой этап. «Разработка карты стратегии» предусматривает оценку готовности к внедрению сбалансированной системы показателей, построение карты стратегии и определение лидеров целей, установку целевых значений показателей.

Рисунок 3. Этапы разработки модели стратегического поведения производственного предприятия
Примечание: составлено авторами.

Седьмой этап. «Развертывание стратегии» предполагает разработку комплекса мероприятий, отнесенных к определенным периодам времени, выполнение которых должно обеспечить достижение стратегических целей предприятия.

Слагаемые представленного нами проекта модели стратегического поведения производственного предприятия в условиях рисков внешней среды не являются окончательно аргументированными и реализация отдельных этапов может быть редакционно изменена и дополнена по решению авторов проекта модели или собственников предприятия.

В целом проведение всех этапов разработки проекта модели стратегического поведения предприятия по оценке специалистов может составить 3–6 месяцев [7]. Вместе с тем специалистам предприятий и их консультантам следует учитывать, что торопливые действия в стратегических вопросах непозволительны, так как сокращение сроков может привести к резкому ухудшению качества разрабатываемой стратегической модели.

Заключение

Проанализировав модели стратегического поведения производственного предприятия можно сделать вывод, что более предпочтительной является модель стратегического поведения производственного предприятия на основе объединения моделей стратегического планирования и стратегического менеджмента, олицетворяющих принятие оптимальных стратегических решений и выход на новые рынки, технологии и товары, что представляет определенную научную ценность и практическую значимость полученных результатов.

В частности, в данном исследовании объединив функции стратегического планирования и стратегического менеджмента мы получаем ответы на вопросы «что делать?» и «как и кто это будет делать?».

Практическое значение результатов исследования заключается в возможности их использования в дальнейшей разработке хозяйствующими субъектами, а также в учебном процессе в вузах.

Литература

1. Алексеева Н. И. Обоснование концептуальной схемы экономического поведения предприятия // Вестник Донецкого национального университета. – Серия В. Экономика и право. – 2016. – № 4. – С. 12–18.
2. Ансофф И. Новая корпоративная стратегия. – Санкт-Петербург, 1999. – 416 с.
3. Белялова А. М. Правовое регулирование реорганизации коммерческих юридических лиц в России и за рубежом: диссертация ...кандидата юридических наук: 12.00.03. – Москва, 2019. – 181 с.
4. Борисюк Н. К. Модели диагностирования показателей эффективности экономической деятельности предприятия на основе адаптивного подхода // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 2. – С. 30–38.
5. Борисюк Н. К. Особенности эффективного развития промышленных предприятий при переходе к постиндустриальной экономике // Промышленность: новые экономические реалии и перспективы развития: сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием): в 2-х частях. Ч. 2. – Оренбург: Типография «Экспресс-печать», 2019. – С. 147–152.

6. Горбунова М. Л. Механизм стратегического взаимодействия промышленных предприятий: диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.05. – Нижний Новгород, 2004. – 193 с.
7. Зайцева Е. А. Научные основы стратегического поведения предприятия в рыночной среде // Научное обозрение: теория и практика. – 2018. – № 5. – С. 6–12.
8. Кобылко А. А. Согласование стратегических решений при формировании комплексной стратегии предприятия: на примере компаний сотовой связи: автореферат дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.05. – Москва, 2011. – 28 с.
9. Клейнер Г. Б. Предприятие в нестабильной экономической среде: риски, стратегии, безопасность. – М.: ОАО «Из-во «Экономика», 1997. – 288 с.
10. Клейнер Г. Б. Стратегия предприятия. – М.: Дело, 2008. – 568 с.
11. Куценко Е. И. Концепция формирования инновационного регионального кластера в современных условиях // Экономика и предпринимательство. – 2016. – № 2–2. – С. 288–293.
12. Назмутдинова Е. В. Методический инструментарий определения типологии стратегического поведения производственного предприятия // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2013. – № 1. – С. 76–79.
13. Пучкова Е. М. Модели стратегического поведения организации в контексте взаимодействия с внешней средой // Научные исследования: теория, методика и практика : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 21 мая 2017 г.). В 2 т. Т. 2 / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. – С. 147–151.
14. H. Igor Ansoff The emerging paradigm of strategic behavior // Strategic management journal. – 1987. – Volume 8. – Issue 6. – Pages 501–515.
15. Roger N. Nagel 21st Century Manufacturing Enterprise Strategy-an Industry led View. – 1991. – Volume 1. – 46 p.

References

1. Alekseeva, N. I. (2016) [Justification of the conceptual scheme of economic behavior of the enterprise]. *Vestnik Donetskogo nacional'nogo universiteta. Ekonomika i pravo*. [Bulletin of Donetsk National University. – Series B. Economics and Law]. Vol. 4, pp. 12–18. (In Russ.).
2. Ansoff, I. (1999) *Novaya korporativnaya strategiya* [New Corporate Strategy]. St. Petersburg, 416 p.
3. Belyalova, A. M. (2019) *Pravovoye regulirovaniye reorganizatsii kommercheskikh yuridicheskikh lits v Rossii i zarubezhom. Kand. Diss* [Legal regulation of the reorganization of commercial legal entities in Russia and abroad. Cand. Diss]. Moscow, 181 p. (In Russ.).
4. Borisjuk, N. K. (2019) [Diagnostic models for indicators of the effectiveness of an enterprise's economic activity based on an adaptive approach]. *Intellekt. Innovacii. Investicii*. [Intellect. Innovations. Investments.]. Vol. 2, pp. 30–38. (In Russ.).
5. Borisjuk, N. K. (2019) [Features of the effective development of industrial enterprises in the transition to a post-industrial economy]. *Promyshlennost': novye ekonomicheskie realii i perspektivy razvitiya: sbornik statej II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem): v 2-h chastyah. Ch. 2*. [Industry: new economic realities and development prospects: a collection of articles of the II All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation): in 2 parts. Part 2.]. Orenburg: Printing house «Express Printing». 244 p, pp. 147–152. (In Russ.).
6. Gorbunova, M. L. (2004) *Mekhanizm strategicheskogo vzaimodeystviya promyshlennykh predpriyatiy. Kand. Diss* [The mechanism of strategic interaction of industrial enterprises. Cand. Diss]. Nizhny Novgorod, 193 p. (In Russ.).
7. Zaitseva, E. A. (2018) [The scientific basis of the strategic behavior of the enterprise in a market environment]. *Nauchnoe obozrenie: teoriya i praktika* [Scientific Review: theory and practice]. Vol. 5, pp. 6–12. (In Russ.).
8. Kobylko, A. A. (2011) *Soglasovaniye strategicheskikh resheniy pri formirovani kompleksnoy strategii predpriyatiya: na primere kompaniy sotovoy svyazi. Cand. Diss* [Coordination of strategic decisions in the formation of a comprehensive enterprise strategy: the example of mobile companies. Cand. Diss]. Moscow, 28 p. (In Russ.).
9. Kleiner, G. B. (1997) *Predpriyatye v nestabil'noj ekonomicheskoy srede: riski, strategii, bezopasnost'* [An enterprise in an unstable economic environment: risks, strategies, security]. Moscow: «Economics», 288 p.
10. Kleiner, G. B. (2008) *Strategiya predpriyatiya* [Strategy of the enterprise]. Moscow: Business, 568 p.
11. Kutsenko, E. I. (2016) [The concept of forming an innovative regional cluster in modern conditions]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and Entrepreneurship]. Vol. 2–2, pp. 288–293. (In Russ.).
12. Nazmutdinova, E. V. (2013) [Methodological tools for determining the typology of strategic behavior of

a manufacturing enterprise]. *Mezhdunarodny jzhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij* [International Journal of Applied and Fundamental Research]. Vol. 1, pp. 76–79. (In Russ.).

13. Puchkova, E. M. (2017) [Models of strategic behavior of the organization in the context of interaction with the external environment] *Nauchnyeissledovaniya: teoriya, metodika i praktika: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Scientific research: theory, methodology and practice: materials of Intern. scientific-practical conf.] In 2 vol. Vol. 2 Cheboksary: Central nervous system Interactive Plus, pp. 147–151. (In Russ.).

14. H. Igor Ansoff (1987) The emerging paradigm of strategic behavior // *Strategic management journal*. Vol. 8. Issue 6, pp. 501–515. (In Eng.).

15. Roger, N. Nagel (1991) 21st Century Manufacturing Enterprise Strategy-an Industry led View. Vol. 46 p. (In Eng.).

Информация об авторах:

Николай Константинович Борисюк, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

e-mail: management@mail.ru

Ольга Сергеевна Смотрина, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

e-mail: olysmotrina@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 05.06.2020; принята в печать: 19.08.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Nikolai Konstantinovich Borisjuk, Doctor of Economics, Professor, Department of Management, Orenburg State University, Orenburg, Russia

e-mail: management@mail.ru

Olga Sergeevna Smotrina, PhD in History, Associate Professor of the Department of Management, Orenburg State University, Orenburg, Russia

e-mail: olysmotrina@mail.ru

The paper was submitted: 05.06.2020.

Accepted for publication: 19.08.2020.

The authors have read and approved the final manuscript.

АКТИВИЗАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СРЕДЕ

С. В. Дорошенко

Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия / Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия
e-mail: doroshenkos@mail.ru

Е. П. Ерошенко

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
e-mail: eperoshenko@gmail.com

Аннотация. Национальным проектом «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» обозначены весьма амбициозные для достижения к 2024 году целевые индикаторы, в том числе: численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства – 25 млн человек. Решить поставленные задачи, учитывая демографические проблемы России, а также обеспечить реализацию приоритетов научно-технического развития страны невозможно без активного вовлечения молодежи в предпринимательскую деятельность. Это актуализирует поиск механизмов развития предпринимательской активности молодых людей через формирование соответствующей среды в университетах, что значимо и по причине высокого уровня безработицы выпускников. Целью исследования является обоснование основных направлений активизации механизмов развития молодежного предпринимательства в российских университетах. Теоретическим основанием послужил экосистемный подход. Методологической базой выступили общенаучные методы: сравнительный анализ, контент-анализ, метод группировки. Анализ опыта поддержки и развития предпринимательских инициатив в лучших по оценке рейтингового агентства Reuters зарубежных учебных заведениях – Стэнфордском университете, Левенском католическом университете и Пхоханском Университете науки и технологий – показал, что успех во многом определяется наличием эффективной системы партнерских отношений, в первую очередь, с представителями бизнеса. В связи с этим 10 российских университетов, занимающих ведущие позиции в международном рейтинге QS 2019, были проанализированы с помощью ранее разработанной авторской методики оценки результативности комплексного механизма развития молодежного предпринимательства на основе взаимодействия с партнерами. Научная новизна представленных результатов исследования состоит в выделении по итогам оценки четырех групп университетов: 1) с относительно равномерным развитием различных направлений (образование, инфраструктура, популяризация), 2) с приоритетом на практическую составляющую, 3) с акцентом на образовательный контент и популяризацию, 4) с реализацией единичных предпринимательских инициатив молодежи. Направления активизации механизмов развития молодежного предпринимательства сформированы именно с учетом выделенных групп университетов. При этом для каждой из них акцент сделан на необходимости более широкого привлечения партнеров для развития молодежных предпринимательских инициатив, особенно учитывая ограниченность университетских ресурсов.

Ключевые слова: молодежное предпринимательство, университет, экосистемный подход, направления и механизмы развития, партнерство.

Для цитирования: Дорошенко С. В., Ерошенко Е. П. Активизация механизмов развития молодежного предпринимательства в университетской среде // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 5. – С. 28–38. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-28.

ACTIVATION OF MECHANISMS FOR THE DEVELOPMENT OF YOUTH ENTREPRENEURSHIP IN THE UNIVERSITY ENVIRONMENT

S. V. Doroshenko

Orenburg State University, Orenburg, Russia / Institute of Economics, Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia
e-mail: doroshenkos@mail.ru

E. P. Eroshenko

Institute of Economics, Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia
e-mail: eperoshenko@gmail.com

Abstract. The national project «Small and medium-sized entrepreneurship and support for individual entrepreneurial initiative» has identified very ambitious targets for achieving by 2024, including: the number of people employed in the field of small and medium-sized businesses – 25 million people. It is impossible to solve the tasks set, taking into account the demographic problems of Russia, as well as to ensure the implementation of the priorities of scientific and technical development of the country, without the active involvement of young people in business activities. The formation of an appropriate environment in universities is one of the mechanisms for the development of young people entrepreneurial activity. The purpose of the research is to substantiate the activation directions of mechanisms for the development of youth entrepreneurship in Russian universities. The ecosystem approach was the theoretical basis. The methodological basis was general scientific methods: comparative analysis, content analysis, grouping method. An analysis of the supporting and developing entrepreneurial initiatives experience of in the foreign educational institutions – Stanford University, Catholic University of Leuven and Pohang University of science and technology – showed that success is largely determined by the presence of an effective partnerships system, primarily with business representatives. In this regard, 10 Russian universities that occupy leading positions in the QS 2019 international ranking were analyzed using the author's previously developed methodology for evaluating the effectiveness of a comprehensive mechanism for developing youth entrepreneurship based on interaction with partners. The scientific novelty of the presented research results consists in the selection based on the results of the assessment of four universities groups: 1) with a relatively uniform development of various areas (education, infrastructure, popularization), 2) with a priority on the practical component, 3) with an emphasis on educational content and popularization, 4) with the implementation of individual entrepreneurial initiatives of young people. The directions of mechanisms activation of the youth entrepreneurship development are formed taking into account the selected universities groups. At the same time, for each of them, the emphasis is on the need to attract more partners for the development of youth entrepreneurial initiatives, especially given the limited University resources.

Key words: youth entrepreneurship, University, ecosystem approach, development mechanisms, partnership.

Cite as: Doroshenko, S. V., Eroshenko, E. P. (2020) [Activation of mechanisms for the development of youth entrepreneurship in the university environment]. *Intellect. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 28–38. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-28.

Введение

В настоящее время субъекты малого и среднего предпринимательства (МСП) обеспечивают 22 % ВВП России и 25 % от общей занятости населения. По состоянию на март 2019 года в нашей стране насчитывалось 6,2 млн субъектов МСП, на которых работало 15,8 млн человек. Несмотря на рост числа, вклад МСП в отечественную экономику по-прежнему ниже, чем в большинстве стран БРИКС, и значительно ниже, чем в высокоразвитых странах. В государствах ОЭСР на долю МСП приходится 50–60 % ВВП и 60 % от общей занятости¹.

Национальным проектом «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» обозначены весьма амбициозные для достижения к 2024 году целевые индикаторы: численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей – 25 млн человек; доля малого и среднего предпринимательства в ВВП – 32,5%; доля экспортеров-субъектов малого и среднего предпринимательства в общем объеме несырьевого экспорта – 10%².

Решить поставленные задачи, особенно увеличение численности занятых, учитывая демографические проблемы России, невозможно без активного вовлечения молодежи в предпринимательскую деятельность. Не случайно в рамках одного из пяти федеральных проектов, входящих в состав указанного национального проекта, «Популяризация предпринимательства» предусмотрены образовательные мероприятия (курсы, программы), направленные на развитие предпринимательских компетенций для различных целевых аудиторий, в том числе лиц в возрасте до 30 лет, включая студентов.

Одновременно другим федеральным проектом «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства» предусмотрена первоочередная поддержка МСП в таких областях, как благоустройство городской среды, экология, социальная и науч-

Одновременно другим федеральным проектом «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства» предусмотрена первоочередная поддержка МСП в таких областях, как благоустройство городской среды, экология, социальная и науч-

¹ World Bank. (2019). Expanding Access to Financing for Micro, Small and Medium Size Enterprises in Russia by Leveraging Innovative Financial Solutions. Available at: www.worldbank.org. (дата обращения: 20.05.2020).

² Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». [Электронный источник]. – Режим доступа: <http://government.ru/info/35563/> (дата обращения: 18.05.2020).

но-технологическая сферы. Поэтому важно решать вопросы не просто участия молодежи в бизнес-проектах, а стимулировать создание ими инновационных предприятий, развитие технологического предпринимательства, что обеспечивает реализацию приоритетов научно-технического развития страны. Это актуализирует поиски возможностей роста инновационной предпринимательской активности

молодых людей, включая формирование соответствующей среды в современных университетах.

Значимость развития предпринимательской активности выпускников университетов определяется и высоким уровнем безработицы среди них. В таблице 1 приведены данные выборочного обследования рабочей силы, проведенного Росстатом в 2018 году.

Таблица 1. Уровень безработицы выпускников 2015–2017 гг. организаций высшего образования (по данным выборочного обследования рабочей силы в 2018 году, в %)³

Выпускники	Уровень безработицы выпускников по годам, %		
	2015	2016	2017
Всего	3,9	7,0	11,6
Мужчины	3,3	6,9	11,3
Женщины	4,4	7,1	11,8
Город	3,2	6,3	10,4
Село	7,6	9,7	17,2

Данные таблицы 1 свидетельствуют о ежегодном существенном росте уровня безработицы выпускников высших учебных заведений за период 2015–2017 гг.

В целом, сложившаяся ситуация подчеркивает необходимость решения научной проблемы поиска механизмов расширения роли российских университетов в отношении формирования и развития предпринимательской активности студентов, обеспечивая им получение соответствующих знаний, навыков и компетенций, в том числе основываясь на лучших зарубежных практиках.

Целью исследования является обоснование основных направлений активизации механизмов развития молодежной предпринимательства в университетской среде.

Теоретические основы исследования

Определенное теоретическое обоснование согласованного развития образования, науки, рынка труда и технологий представлено в рамках концепции «тройной спирали». Модель была разработана в середине 1990-х годов [5], разработчики рассчитывали на когерентность акторов модели. В рамках такого взаимодействия университеты принимают отдельные черты бизнеса и властных структур и становятся базой для инноваций, научно-практических разработок и предпринима-

тельных проектов. Образно эта модель описывает пересечение трех подмножеств, когда элементы одной системы могут выполнять функции другой. Бесспорным преимуществом модели является взаимная передача опыта, хотя это и происходит на фоне потери определенной самостоятельности в рамках обозначенного взаимодействия. Применение такой модели определяет эволюцию университетов в сторону формирования предпринимательских структур, коммерциализации своей деятельности, активного рыночного продвижения продуктов и услуг [8]. В то же время бизнес трансформируется и принимает некоторые черты бюрократических структур (с их четкой регламентацией и иерархичностью решений), одновременно получая доступ к рассмотрению массы научных разработок и используя исследовательские ресурсы университетов, ранее которые для него были не доступны [19].

Актуализация идеологии «тройной спирали» в российских реалиях наблюдается в рамках реализации с 2019 года программы по созданию и развитию научно-образовательных центров мирового уровня (НОЦ). Именно НОЦ совмещают возможности научных и образовательных учреждений, промышленности и власти для целей развития технологического потенциала, прогнозирования кадровой потребности и эффективного исполь-

³ Уровень безработицы выпускников 2015–2017 гг. образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования. [Электронный источник]. – Режим доступа: // https://gks.ru/labour_force (дата обращения: 15.05.2020).

зования государственных ресурсов⁴. Со стороны бизнеса основными причинами, определяющими необходимость взаимодействия в рамках «тройной спирали», являются: усиливающаяся конкуренция на рынках сбыта, увеличение стоимости трудовых ресурсов, а также современный тренд цифровизации экономических процессов [17].

Создаваемая при таком взаимодействии триада «университет – бизнес – власть» приобретает признаки экосистемности, что позволяет рассматривать ее с позиции соответствующего подхода. Экосистема как объект изучения возникла в рамках исследований биологов: каждый живой организм является частью единой взаимосвязанной биологической системы и его невозможно рассматривать отдельно от других ее частей [6, с. 11].

Идеология открытых систем позволила в первой половине XX века тиражировать принцип биологических экосистем на другие области общественных наук, включая экономику. Так, Джеймс Мур впервые рассмотрел экономическую систему в качестве экосистемы, определив ее как «динамичные и совместно развивающиеся сообщества, состоящие из разнообразных субъектов, создающих и получающих новое содержание в процессе как взаимодействия, так и конкуренции» [15].

В рамках экосистемного подхода предпринимательство рассматривается в совокупности со всеми факторами, условиями его деятельности, учитываются все акторы этого процесса и всевозможные взаимодействия между ними [9].

Основанная на таком подходе предпринимательская деятельность может оказаться весьма успешной, что доказывает опыт организации предпринимательских экосистем, прежде всего на территории США и Индии. Во второй половине XX века именно университеты США являлись одними из инициаторов создания таких систем. Вокруг образовательных учреждений возникли известные и успешные по настоящее время примеры комплексного развития предпринимательства: экосистема MIT (Массачусетский технологический институт), Кремниевая долина.

Современные исследователи довольно активно занимаются изучением предпринимательских экосистем. Одной из значимых работ в этой области являются труды Д. Айзенберга, который еще в 2011 году изучил взаимосвязь предпринимательской экосистемы с региональной экономикой. Он определил динамические характеристики и обосновал способность к саморазвитию такой системы [12]. Саморазвитие предпринимательских систем является также

основой работ Бр. Фелда. На примере функционирования предпринимательского сообщества города Боулдер штата Колорадо Фелд продемонстрировал влияние стартапов на темпы развития предпринимательской и инновационной деятельности, а также бизнес-среды в целом [10, с.156].

Отдельные труды посвящены разработке подходов к оценке развития предпринимательских экосистем. Так, Мотояма и Булл-Мастерсон разработали многофакторную модель оценки развития предпринимательства с учетом региональной специфики [16].

Определенные возможности для развития экосистем предпринимательской деятельности открывает использование информационных технологий и развитие коммуникаций, что позволяет о «безграничности» современных предпринимательских экосистем: инвесторы могут располагаться в одной части света, а стартапы функционировать на локальном рынке другой. И в такой логике по-прежнему актуальны заключения Дж. Мура, который предложил рассматривать предпринимательскую экосистему как совокупность поставщиков, каналов сбыта и непосредственных пользователей [15]. Современная экосистема приобретает не только глобальный характер, но потенциал для своего развития за счет увеличения числа акторов и взаимодействий.

В целом, созданные в настоящее время экосистемы включают обязательные элементы самостоятельного развития: стартапы, формы инвестирования начинающих предпринимателей, образовательную среду, среду коммуникаций. Кроме того, обязательным элементом предпринимательской экосистемы является наличие программно-целевых документов, устанавливающих направление ее развития [12]. Наличие множества акторов в составе экосистемы определяет необходимость учета различных мнений. Именно стратегический документ, разработанный с применением технологий политического участия, способен сформировать согласованный взгляд на развитие предпринимательской экосистемы. При формировании стратегических и программных документов могут учитываться интересы не только отечественных деловых кругов, органов власти, общества, но и отдельных международных организаций, если речь идет о глобальных предпринимательских проектах [18].

В последние годы особое внимание направлено на изучение феномена так называемых «стартапов». Стартап – это временная структура, создаваемая для тестирования и дальнейшего увеличения

⁴ Постановление от 30 апреля 2019 года № 537. В рамках федерального проекта «Развитие научной и научно-производственной кооперации» национального проекта «Наука». [Электронный источник]. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/36626/> (дата обращения: 20.02.2020).

масштабов деятельности в рамках предлагаемой бизнес-модели. Именно такое определение дает ряд исследователей [13]. Относительно вида деятельности стартапов мнения экспертов расходятся. Одни считают, что стартап может быть организован в любом виде экономической деятельности [11]. Другая группа исследователей относит стартапы к сугубо инновационным сферам [1].

Влияние на экономическое развитие стартапов доказано эмпирически. Благодаря своей возможности к кратному увеличению масштабов деятельности, «стартап» способен создавать новые рабочие места, что иногда происходит в геометрической прогрессии, особенно, если стартап развивается в инновационных видах деятельности. Это позволяет формировать новые профессии для рынка труда [14]. Обратная сторона развития стартапов заключается в том, что лишь малая часть из них проходит фазу становления и переходит к активному росту. Однако, если стартап начинает активно развиваться, то эффект от его деятельности проявляется в различных сферах:

- экономической – через экономический рост и развитие отдельных отраслей экономики;
- социальной – через появление новых профессий и рост оплаты труда;
- технологической – путем внедрения новых технологий и совершенствования существующих
- политической – через усиление влияния ряда отраслей и компаний, что и демонстрируют современные реалии: значительное воздействие на мировую политико-экономическую систему оказывают множество «стартапов», возникших всего несколько лет назад, среди них: Facebook, Apple, Uber, Яндекс и другие.

Некоторые исследователи считают, что далеко не всегда важно, использует ли в своей деятельности «стартап» инновационные технологические решения. Зачастую рост стартапа – это совокупность факторов, среди которых не последнее место играет рыночная конъюнктура и применяемые управленческие решения [7]. Технологический характер, по мнению технологического предпринимателя П. Грэмма⁵, не является главной чертой стартапа. Зачастую именно адекватные управленческие решения и предпринимательский подход основателей стартапа способны обеспечить его активный рост. Применяемые же современные технологии могут явиться своего рода триггером для развития бизнес-проекта.

При этом именно подобная совокупность составляемых успеха актуализирует роль университетов не только в получении соответствующих технических знаний, но и в приобретении предпринимательских навыков и компетенций у своих студентов и выпускников.

Опыт зарубежных университетов в развитии предпринимательства

Рассмотрим несколько примеров из деятельности зарубежных университетов в области систем поддержки и развития предпринимательских инициатив. Успешные в этой сфере университеты зачастую принято определять, как предпринимательские⁶. В мировой практике наиболее известным примером функционирования предпринимательских университетов является деятельность Стэнфордского университета. Среди учебных заведений Европы заслуживает внимание практика развития предпринимательской инициативы в рамках Левенского католического университета. Пхоханский Университет науки и технологий имеет известность в области развития предпринимательской деятельности в азиатских странах. Эти университеты входят в лучшие инновационные учреждения высшего образования по оценке рейтингового агентства Reuters⁷.

Ключевые ориентиры для Стэнфордского университета – это технологическое предпринимательство и технологические инновации. Несмотря на то, что одновременно в университете развиваются 7 образовательных направлений (школ), более 25% студентов и более 50% аспирантов получают инженерное образование. Основная цель многих дисциплин и курсов в университете – это создание реально работающих продуктов или прототипов решений и изделий. Практика развития предпринимательства в Стэнфордском университете распространяется не только на студентов, но и на выпускников университета, которые имеют право льготной аренды помещений для развития своих проектов на территории кампуса. Модель развития университета предполагает значительное взаимодействие с внешними партнерами: как академическими, так и бизнесом. Партнеры активно участвуют в развитии инфраструктуры Стэнфорда и работе университетских органов управления. Стоит отметить, что выпускниками университета создано множество успешных компаний,

⁵ Graham P. The top idea of your mind. [Электронный источник]. – Режим доступа: <http://www.paulgraham.com/top.html> (дата обращения: 22.05.2020).

⁶ Становление университетов-лидеров: мировая практика и российская перспектива: аналит. докл. / под ред. В. С. Ефимова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. – 111 с.

⁷ The World's Most Innovative Universities 2019 [Электронный источник] // Reuters. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/innovative-universities-2019> (дата обращения: 22.04.2020).

общая годовая выручка которых составляет 2,7 трлн долларов⁸.

Опыт развития предпринимательства на примере Пхоханского Университета науки и технологий демонстрирует возможности в области индустриального партнерства и высокую долю научной составляющей в перспективных предпринимательских проектах. Университет был создан и финансируется промышленной компанией POSCO – крупнейшим мировым производителем стали. Из пятнадцати факультетов для бакалавров одиннадцать имеют инженерную направленность. Студенты университета имеют возможность участия в специальных программах взаимодействия с индустриальными лидерами, где они получают в дополнение к базовым инженерным знаниям необходимые навыки создания и развития бизнеса, реализации предпринимательских проектов⁹, в том числе по коммерциализации научных разработок и их внедрения в промышленные процессы и технологии. Тесная связь с крупной промышленной компанией и цепочкой субподрядных организаций, а также сеть индустриальных партнеров предоставляют широкие возможности для развития университета и предпринимательства в нем.

В Левенском католическом университете также преобладают инженерные направления подготовки. Более 50 % всех патентов и разработок университета относятся к инженерным наукам. Практическую направленность создаваемых разработок обеспечивает Центр трансферта технологий, который является одним из центральных звеньев созданной университетом предпринимательской экосистемы. Экосистема включает более 7000 предпринимателей и компаний. В окрестностях университета расположено большое количество научных парков и бизнес-инкубаторов, где в качестве резидентов работают студенты. Патенты и научные разработки университета послужили основой для создания более чем 120 действующих предпринимательских проектов¹⁰. Основная специализация создаваемых на базе университета проектов – это микроэлектроника. С целью развития этого направления создан специальный научный «хаб» с филиалами в нескольких странах мира. В рамках «хаба» (IMEC) происходит взаимодействие с академическими и промышленными партнерами. IMEC является самостоятельной бизнес-единицей, с соб-

ственным пулом разработок и проектов, имеющий годовой бюджет 2 млрд евро¹¹.

Таким образом, практика ведущих университетов показывает, насколько значимо и эффективно соединение технических знаний с предпринимательскими навыками и компетенциями в современной системе высшего образования. Полученный опыт участия в предпринимательских проектах для большинства студентов и выпускников является не только прекрасной школой, но и обеспечивает успешную деятельность в дальнейшем. Одновременно сами университеты получают значительное преимущество в развитии собственной научной базы, а также получают дополнительные источники финансирования. Но особенно важно отметить – наличие эффективной системы партнерских отношений, в первую очередь, с представителями бизнеса, по вопросам активного привлечения учащейся молодежи к реализации предпринимательских проектов.

Направления активизации механизмов развития молодежного предпринимательства в российских университетах

Развитие малых инновационных предприятий, наукоемкого предпринимательства, популяризация предпринимательской деятельности сегодня характерно для многих российских университетов. При этом предпринимательские проекты, как правило, реализуются в рамках инновационных инфраструктур. Однако, как показывает практика, образовательные дисциплины, связанные с предпринимательством, подразделения, осуществляющие акселерацию проектов молодых предпринимателей, а также выстроенная система по взаимодействию с партнерами университета по развитию молодежного предпринимательства встречаются далеко не всегда.

Авторами настоящей статьи ранее были опубликованы результаты исследований механизмов развития молодежного предпринимательства в отечественных университетах [2, 3]. В первую очередь, нас интересует степень встраиваемости в такие механизмы системы партнерских отношений. По этой причине была разработана методика оценки развития молодежного предпринимательства на основе взаимодействия с партнерами университета [4]. Методика была апробирована на десяти рос-

⁸ Официальный сайт Стэнфордского университета [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://www.stanford.edu/> (дата обращения: 23.04.2020).

⁹ Официальный сайт Пхоханского Университета науки и технологий [Электронный источник]. – Режим доступа: <http://postech.edu/> (дата обращения: 23.04.2020).

¹⁰ Официальный сайт Левенского Католического университета [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://www.kuleuven.be/lang/ru> (дата обращения: 22.04.2020).

¹¹ Галажинский Э. Слово – ректору. Точки присутствия. 3 часть: Ольборг и Левен. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.tsu.ru/university/rector_page/tochki-prisutstviya-3-chast-olborg-i-lyeven/ (дата обращения: 22.04.2020).

сийских университетах, которые занимают ведущие позиции в международном рейтинге QS 2019¹². В рамках настоящей статьи обобщим отдельные полученные результаты.

По итогам оценки развития молодежного предпринимательства университеты можно условно разделить на четыре группы.

К первой группе были отнесены образовательные учреждения с равномерным развитием ряда элементов механизма молодежного предпринимательства: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургский государственный университет. В этих университетах одновременно реализуются несколько мероприятий и направлений в области развития молодежного предпринимательства: и образование, и популяризация предпринимательской деятельности, и создание малых инновационных предприятий в рамках действующей инфраструктуры поддержки молодежного предпринимательства. Более того, все это отражено в стратегических документах университетов, определяющих развитие молодежного предпринимательства. Нельзя сказать, что значение каждого из анализируемых показателей в рамках данной группы демонстрирует лучшие значения, скорее они имеют в целом средние позиции относительно других университетов. Однако одновременная работа по ряду направлений развития в совокупности определяет положение университета в верхней части нашего рейтинга.

Представители второй группы (Томский политехнический университет, Томский государственный университет, Московский физико-технический институт, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ») демонстрируют успехи в области развития малых форм предпринимательской деятельности, созданию инновационных предприятий. Развитие предпринимательства в университете происходит при поддержке создаваемой инфраструктуры. Представители второй группы в обязательном порядке имеют функционирующий технопарк (научно-технологический, инновационно-технологический) или бизнес-инкубатор. Технопарки и бизнес-инкубаторы, как правило, содержат целый набор форм поддержки для начинающих предпринимателей. Среди наиболее распространенных услуг: помощь в акселерации проектов и консультации по поиску инвесторов, юридическая поддержка деятельности, финансовое консультирование, предоставление помещений и производственных мощностей университета на

льготной основе. Часть деятельности создаваемых предприятий происходит с привлечением индустриальных и деловых партнеров.

Третью группу составили Высшая школа экономики, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана. Эти образовательные учреждения показали существенные успехи в области популяризации предпринимательского образования. Для этой группы характерно наличие образовательных программ в области предпринимательской деятельности на трех уровнях образования: в бакалавриате, магистратуре, в рамках программ дополнительного образования и профессиональной переподготовке.

К четвертой группе был отнесен Новосибирский государственный университет, оценка результативности механизма которого относительно других университетов показала достаточно низкие значения. Отсутствие стратегического целеполагания в области развития молодежных предпринимательских инициатив не создает даже базу для разработки предпринимательских проектов. Реализация отдельных проектов происходит благодаря научным достижениям университета и инициативам его студентов и выпускников. В то же время лекции приглашенных практиков бизнеса проходят, в первую очередь, по причине высокой социальной значимости образовательного учреждения для региона присутствия.

Одновременно оценка показателей участия партнеров анализируемых университетов в реализуемых образовательных программах в сфере предпринимательства и в деятельности функционирующих на территории университетов бизнес-инкубаторов и технологических парков показала следующее. У Высшей школы бизнеса МГУ, реализующей образовательные программы в сфере предпринимательства, на сегодня 26 официальных партнеров¹³. МФТИ развивает свое сотрудничество с партнерами, имея совместные образовательные программы с РОСНАНО и РВК. К подобному взаимодействию стремятся и другие включенные в выборку университеты, в том числе и в процессе развития своих бизнес-инкубаторов и технопарков, активно привлекая к их деятельности венчурные фонды, бизнес и экспертное сообщество. Так, международный научно-технологический парк «Технопарк в Москворечье» является примером результата совместной работы университета (МИФИ), региональной

¹² QS World University Ranking 2019. [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://www.topuniversities.com/> (дата обращения: 20.04.2020).

¹³ Высшая школа бизнеса МГУ им. М. В. Ломоносова: официальный сайт. [Электронный источник]. – Режим доступа: <http://mgubs.ru/business/businesspartners/> (дата обращения: 21.05.2020).

власти (правительства Московской области) и промышленности (ГК «Росатом»). Однако далеко не во всех университетских стратегических документах предусмотрена такая составляющая, как вовлечение партнеров в образовательный и научный процесс. Наиболее четко подобные ориентиры определены в документах МГУ, ВШЭ, СПбГУ, ТПУ. Стоит отметить, что выбранный стратегический вектор партнерства отражает лидирующие позиции этих университетов в авторском рейтинге.

Выделим возможные направления активизации механизмов развития молодежного предпринимательства, сформированные с учетом выделенных групп университетов, прежде всего, для второй, третьей и четвертой.

Создаваемые инфраструктура и малые инновационные предприятия существенно влияют на развитие предпринимательской инициативы в университете. Однако не менее важны возможности для получения образования с целью создания своего бизнеса. Другим словами, для университетов второй группы, имеющих практическую ориентацию, предлагается обратить внимание на развитие образовательного элемента и популяризационной деятельности в области молодежного предпринимательства. Так, образовательный контент должен быть построен на различных уровнях: бакалавриат, магистратура, дополнительное образование и профессиональная переподготовка. Участие партнеров в создании и реализации образовательного контента возможно в рамках проектного обучения, где студенты готовят и защищают инициативы, связанные с практической деятельностью. Развитие образования в области бизнеса может происходить и в рамках краткосрочных курсов или отдельных лекционных модулей, не входящих в образовательную программу, но направленных на приобретение отдельных навыков («мягкие» навыки, узкие профессиональные компетенции). Также возможным механизмом взаимодействия с партнерами являются системы наставничества молодых предпринимателей.

Для университетов третьей группы, развивающих образовательную составляющую в области предпринимательской деятельности, особое значение имеет укрепление практической направленности. Прежде всего, необходимо создание инфраструктуры, способствующей развитию молодежного предпринимательства в университете. Среди объектов такой инфраструктуры — технопарки, бизнес-инкубаторы, центры коллективного доступа. Одним из основных направлений создаваемой инфраструктуры может выступить предоставление площадей для работы предпринимательских команд студентов, выпускников и реализации других перспективных бизнес-инициатив. Льготное размещение наравне с регламентированным отбором

проектов способно послужит основой для формирования среды предпринимателей. Возможна специализация создаваемой инфраструктуры (информационные технологии, микроэлектроника, материаловедение и т.п.) в зависимости от перспективности того либо иного рыночного направления деятельности. Кроме того, резиденты таких объектов должны иметь доступ к наиболее востребованным для предпринимателей услугам: поиску источников инвестирования, юридическому и бухгалтерскому сопровождению, маркетингу и продвижению создаваемых продуктов. И здесь существенную помощь могут оказать партнеры университетов.

Четвертой группе университетов, на наш взгляд, необходимо начать именно с укрепления партнерских отношений, другими словами, с расширения участия в образовательном процессе практикующих представителей бизнеса, науки и предпринимательских общественных организаций, что способствовало бы формированию практических знаний и популяризации предпринимательской деятельности. При этом университет может выступать полноценной региональной площадкой для распространения знаний в различных форматах: от очных лекций до онлайн-курсов, от создания совместных малых инновационных предприятий до участия студентов и выпускников в реализации крупных бизнес-проектов.

Заключение

В заключение еще раз подчеркнем отдельные моменты. Укрепление образовательной или практической компоненты в области развития молодежного предпринимательства в университете являются взаимодополняющими элементами. Именно таким образом развиваются университеты с относительно равномерными показателями в различных областях поддержки предпринимательской деятельности, в том числе и учащейся молодежи. Они имеют и сложившуюся инфраструктуру, и образовательную деятельность, и малые инновационные предприятия.

Научный анализ теоретических исследований показал, что одним из действенных направлений механизмов активизации развития молодежного предпринимательства, особенно при ограниченности ресурсов образовательного учреждения, является активное привлечение партнеров. Аналогичные результаты демонстрирует и опыт развития молодежного предпринимательства в рамках мировой практики и российских университетов, изучение которого показало, что участие партнеров необходимо для развития предпринимательских проектов в университетской среде. Ведущие университеты устанавливают связь сразу с несколькими партнерами, либо сосредоточены на крупном базовом бизнес-партнере, лидером отрасли.

Партнеры университета могут дополнить образовательный контент, предложить проекты наставничества и стажировок, предоставить свою инженерную инфраструктуру для изучения реальных производственных процессов. Научные организации в рамках консорциумов и других институциональных форм взаимодействия могут обеспечить доступ к своей базе исследований, разработок и оборудования, оказать консультационную поддержку. Одновременно партнеры способны оказать влияние и на увеличение количества малых предприятий, создаваемых в университете или

при участии университета, что уже обеспечивает экзогенный синергетический эффект для региона присутствия. Однако следует учитывать, что воспринимая университетскую среду молодых предпринимателей, как возможности для развития своей хозяйственной деятельности, в том числе за счет появления новых проектов, партнерам необходимо организационные решения задачи выстраивания отношений с университетом, что возможно через нормативное регулирование путем разработки соответствующих локальных актов и программ.

Литература

1. Бондаренко Т. Г., Исаева Е. А. Стартапы в России: актуальные вопросы развития. [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://naukovedenie.ru/PDF/83EVN515.pdf> (дата обращения: 22.05.2020).
2. Дорошенко С. В., Ерошенко Е. П. Развитие молодежного предпринимательства в университете с учетом фактора взаимодействия с партнерами // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. – 2018. – № 2. – С. 356–377.
3. Дорошенко С. В., Ерошенко Е. П. Система университетского партнерства как фактор развития молодежного предпринимательства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2018. – Т. 11. – № 6. – С. 244–258.
4. Ерошенко Е. П., Дорошенко С. В. Методика оценки развития молодежного предпринимательства в университете // Университетское управление: практика и анализ. – 2020. – № 24(1). – С. 82–95.
5. Ицкович Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии / пер. с англ. под ред. А. Ф. Уварова. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2010. – 238 с.
6. Книпович Н. М. Гидрология морей и солоноватых вод. – М.: Пищпромиздат, 1938. – 513 с.
7. Чепуренко А. Ю. Предпринимательская активность в постсоциалистических странах Европы. Методология и ограничения исследования // Форсайт. – 2017. – № 11 (3). – С. 11–24.
8. Bienkowska D., Klofsten M., Rasmussen E. PhD students in the entrepreneurial university – Perceived support for academic entrepreneurship // European Journal of Education. – 2016. – № 51(1). – pp. 56–72.
9. Cantner U., Cunningham J., Lehmann E. Entrepreneurial ecosystems: a dynamic lifecycle model // Small Bus Econ. – 2020.
10. Feld B. Startup Communities: Building an Entrepreneurial Ecosystem in Your City. NJ: John Wiley & Sons, 2012. – 202 p.
11. Henkel, J., Rønde, T., Wagner, M. And the winner is – acquired. Entrepreneurship as a contest yielding radical innovations // Research Policy. – 2015. – № 44(2). – pp. 295–310.
12. Isenberg D. The entrepreneurship ecosystem strategy as a new paradigm for economy policy: principles for cultivating entrepreneurship // Babson entrepreneurship ecosystem project. MA: Babson college. – 2011. – 13 p.
13. Kevin S. In and Around Language: Whats Up with Startup? The Harvard Crimson. Available at: <http://www.thecrimson.com/article/2011/11/17/startup-language-idea/> (дата обращения: 23.05.2020).
14. Marmer M. The Startup Revolution Series – Part 3: The Rise of the Startup // Compass blog. Available at: <http://blog.startupcompass.co/the-startup-revolution-series-part-3-the-rise-of-the-startup> (дата обращения: 23.05.2020).
15. Moore J. Predators and Prey: A New Ecology of Competition // Harvard Business Review. – 1993. May/June. – pp. 75–86.
16. Motoyama Y., Bell-Masterson J. Beyond Metropolitan startup rates: regional Factors associated with startup growth // Kauffman Foundation. Available at: http://www.kauffman.org/~media/kauffman_org/research%20reports%20and%20covers/2014/01/beyond_metropolitan_startup_rates.pdf (дата обращения: 22.05.2020).
17. Nylander Y., Isaksson O., Larsson A., Elfström B. Bridging the gap between university and industry: Three mechanisms for innovation efficiency // International Journal of Innovation and Technology Management. – 2014. – № 11(1).
18. O'Connor A., Stam E., Sussan F., Audretsch D. Entrepreneurial ecosystems: the foundations of place-based renewal // Entrepreneurial ecosystems. international studies in entrepreneurship. – 2018. – № 38. – pp. 1–21.

19. Wiesmann U., Hurni H., Ott C., Zingerli C. Combining the concepts of transdisciplinarity and partnership in research for sustainable development // In Research for Sustainable Development: Foundations, Experiences, and Perspectives. Bern: University of Bern, 2011. – pp. 43–70.

References

1. Bondarenko, T. G., Isaeva, E. A. Startups in Russia: current development issues. Available at: <https://naukovedenie.ru/PDF/83EVN515.pdf> (accessed: 22.05.2020) (In Russ.).
2. Doroshenko, S. V., Eroshenko, E. P (2018) [Development of youth entrepreneurship at the University taking into account the factor of interaction with partners]. *Vestnik UrFU. Seriya: Ekonomika i upravlenie* [Bulletin of Ural Federal University. Series Economics and Management.]. Vol. 2, pp. 356-377. (In Russ.).
3. Doroshenko, S. V., Eroshenko, E. P (2018) [University partnership system as a factor of youth entrepreneurship development]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. Vol. 11(6), pp. 244–258. (In Russ.).
4. Eroshenko, E. P., Doroshenko, S. V (2020) [Methodology for evaluating the development of youth entrepreneurship at the University]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University management: practice and analysis]. Vol. 24(1), pp. 82–95. (In Russ.).
5. Ickovic, G (2010) *Trojnaya spiral'*. *Universitety – predpriyatiya – gosudarstvo. Innovacii v dejstvii* [Triple helix. Universities-enterprises-the state. Innovation in action]. Tomsk: Publishing house Tomsk. state un-ty of control systems and radio electronics, 238 p.
6. Knipovich, N. M (1938) *Gidrologiya morej i solonovatykh vod* [Hydrology of seas and brackish waters]. Moscow: Pishchpromizdat, 513 p.
7. Chepurenko, A. Y (2017) [Entrepreneurial activity in post-socialist countries of Europe. Research methodology and limitations]. *Forsajt* [Foresight]. Vol.11 (3), pp. 11–24. (In Russ.).
8. Bienkowska, D., Klofsten, M., Rasmussen, E (2016). *PhD students in the entrepreneurial university. – Perceived support for academic entrepreneurship. European Journal of Education*. Vol. 51(1), pp. 56–72. (In Eng.).
9. Cantner, U., Cunningham, J., Lehmann, E (2020) Entrepreneurial ecosystems: a dynamic lifecycle model. *Small Bus Econ.* (In Eng.).
10. Feld, B (2012) *Startup Communities: Building an Entrepreneurial Ecosystem in Your City*. NJ: John Wiley & Sons, 202 p. (In Eng.).
11. Henkel, J., Rønde, T., Wagner, M (2015) And the winner is—acquired. Entrepreneurship as a contest yielding radical innovations. *Research Policy*. Vol. 44(2), pp. 295–310. (In Eng.).
12. Isenberg, D. (2011) The entrepreneurship ecosystem strategy as a new paradigm for economy policy: principles for cultivating entrepreneurship. Babson entrepreneurship ecosystem project. MA: Babson college, 13 p. (In Eng.).
13. Kevin, S. In and Around Language: Whats Up with Startup? *The Harvard Crimson*. Available at: <http://www.thecrimson.com/article/2011/11/17/startup-language-idea/> (accessed: 23.05.2020) (In Eng.).
14. Marmer, M. *The Startup Revolution Series — Part 3: The Rise of the Startup* Compass blog. Available at: <http://blog.startupcompass.co/the-startup-revolution-series-part-3-the-rise-of-the-startup> (accessed: 23.05.2020) (In Eng.).
15. Moore, J (1993). Predators and Prey: A New Ecology of Competition. *Harvard Business Review*. May/June, pp. 75–86. (In Eng.).
16. Motoyama, Y., Bell-Masterson, J. Beyond Metropolitan startup rates: regional Factors associated with startup growth. *Kauffman Foundation*. Available at: http://www.kauffman.org/~media/kauffman_org/research%20reports%20and%20covers/2014/01/beyond_metropolitan_startup_rates.pdf (accessed: 22.05.2020) (In Eng.).
17. Nylander, Y., Isaksson, O., Larsson, A., Elfström, B (2014) Bridging the gap between university and industry: Three mechanisms for innovation efficiency. *International Journal of Innovation and Technology Management*. Vol. 11(1). (In Eng.).
18. O'Connor, A., Stam, E., Sussan, F., Audretsch, D (2018) Entrepreneurial ecosystems: the foundations of place-based renewal. *Entrepreneurial ecosystems. international studies in entrepreneurship*. Vol. 38, pp. 1–21. (In Eng.).
19. Wiesmann, U., Hurni, H., Ott, C., Zingerli, C (2011) *Combining the concepts of transdisciplinarity and partnership in research for sustainable development*. In Research for Sustainable Development: Foundations, Experiences, and Perspectives. Bern: University of Bern, pp. 43–70. (In Eng.).

Информация об авторах:

Светлана Викторовна Дорошенко, доктор экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, лаборатория региональных исследований, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия;

заведующий сектором региональной предпринимательской политики, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: 0000-0002-8282-6062, **Researcher ID:** L-6719-2017, **Scopus Author ID:** 56470612600

e-mail: doroshenkos@mail.ru

Евгений Павлович Ерошенко, соискатель, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук; заместитель проректора по информационной политике по работе с партнерами, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

e-mail: eperoshenko@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 01.06.2020; принята в печать: 19.08.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Svetlana Victorovna Doroshenko, Doctor of Economics, associate Professor, senior researcher, regional research laboratory, Orenburg state University, Orenburg, Russia; head of the regional business policy sector, Institute of Economics of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0002-8282-6062, **Researcher ID:** L-6719-2017, **Scopus Author ID:** 56470612600

e-mail: doroshenkos@mail.ru

Yevgeny Pavlovich Eroshenko, post-graduate student, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Deputy Vice-Rector for Information Policy for Partner Relations, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

e-mail: eperoshenko@gmail.com

The paper was submitted: 01.06.2020.

Accepted for publication: 19.08.2020.

The authors have read and approved the final manuscript.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

И. И. Елисеева

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: irinaeliseeva@mail.ru

М. П. Декина

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: dekinamp@gmail.com

Аннотация. В статье представлен анализ дифференциации заработной платы с позиции влияния территориального фактора. Исследование заработной платы остается актуальным для Российской Федерации; особенности регионов в комплексе с различиями в структуре экономики продолжают влиять на различия в заработках. Цель статьи состоит в выявлении территориальных особенностей дифференциации заработной платы, включая личностные характеристики работников. В качестве информационной базы использованы агрегированные данные официальной статистики и микроданные Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах, проведенного Росстатом. На основе региональной статистики заработной платы выделены лидеры и аутсайдеры, проведено сравнение уровня вариации заработной платы в рамках федеральных округов; учтены региональные различия в изменении цен и покупательной способности заработных плат. В анализе личностных факторов акцент сделан на возможностях применения моделей заработной платы минцеровского типа для отдельных регионов и их сравнительном анализе. Построены регрессионные модели для субъектов-лидеров и субъектов-аутсайдеров, федеральных округов и Российской Федерации в целом.

По результатам анализа сделаны выводы об устойчивости территориальной дифференциации заработной платы в России. Основные различия проявляются в максимальных значениях средней заработной платы по субъектам, в то время как минимальные значения находятся практически на одном уровне. При учете покупательной способности с использованием фиксированного набора потребительских товаров и услуг различия в оплате труда субъектов-лидеров и субъектов-аутсайдеров сокращаются с четырех до трех раз.

Моделирование логарифма заработной платы для всех федеральных округов и Российской Федерации в целом подтвердило статистически значимое влияние на оплату труда таких факторов как возраст, уровень образования, пол работника, тип населенного пункта и принадлежность к определенной социально-профессиональной группе. Выявлено заметное сокращение отдачи от образования в федеральных округах с низким уровнем средней заработной платы; доминантой заработка в таких условиях становится принадлежность работника к группе руководителей. Акцентируется внимание на повышении денежных доходов населения и заработной платы в регионах с особыми условиями жизнедеятельности как фактора преодоления оттока населения из Сибири и Дальнего Востока.

Дальнейшие направления исследования территориальной дифференциации заработной платы могут быть расширены путем использования панельных данных для каждого региона с целью изучения зависимостей в пространстве и времени.

Ключевые слова: заработная плата, территориальная дифференциация заработной платы, уравнение минцеровского типа, модель.

Для цитирования: Елисеева И. И., Декина М. П. Дифференциация заработной платы в Российской Федерации: территориальные особенности // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 5. – С. 39–51. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-39.

DIFFERENTIATION OF WAGES IN THE RUSSIAN FEDERATION: TERRITORIAL FEATURES

I. I. Eliseeva

Saint-Petersburg State University of Economics, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia
e-mail: irinaeliseeva@mail.ru

M. P. Dekina

Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia
e-mail: dekinamp@gmail.com

Abstract. *The article presents an analysis of the differentiation of wages from the position of identifying the influence of the territorial factor. The study of territorial wages remains relevant for the Russian Federation; features of the regions, the development of certain types of activities in combination with regional features continue to affect differences in earnings. The purpose of the article is to identify the territorial features of wage differentiation. Aggregated data of official statistics and microdata of the Selective observation of population incomes and participation in social programs were used as an information base. The analysis of the data of regional statistics of wages, leaders and outsiders, the level of variation in wages within the federal districts. Due to regional price differences, the analysis takes into account differences in changes in prices and the purchasing power of wages. The emphasis is placed on the possibilities of using Mincer type wage models for individual regions and their comparative analysis based on empirical data. Regression models for leader entities and outsider entities, federal districts and the Russian Federation as a whole have been constructed.*

Based on the results of the analysis, conclusions are drawn about the sustainability of territorial wage differentiation in Russia. The main differences are manifested in the maximum values of the average wage by subjects, while the minimum values are almost at the same level. When purchasing power is taken into account with the help of a fixed set of consumer goods and services, differences in the remuneration of subjects of leadership and subjects of outsiders are reduced from four to three times.

Simulation of the logarithm of wages for all federal districts and the Russian Federation as a whole confirmed a statistically significant influence on factors such as age, level of education, gender of a worker, type of settlement, and membership in a particular socio-professional group. A noticeable reduction in the return on education in federal districts with a low level of average wages was revealed; in such conditions, the employee's membership in the group of managers becomes the dominant earnings. Attention is focused on increasing cash incomes of the population and wages in regions with special living conditions as a factor in overcoming the outflow of the population from Siberia and the Far East.

Further areas of the study of territorial wage differentiation can be expanded by using panel data for each region in the analysis in order to study the dependencies in space and time.

Keywords: *wages, territorial wage differentiation, Mincer type equation, model.*

Cite as: Eliseeva, I. I., Dekina, M. P. (2020) [Differentiation of wages in the Russian Federation: territorial features]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 40–51. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-39.

Введение

Традиционно изучение дифференциации заработной платы представляет большой интерес, как для исследователей, так и для работников и работодателей. К основным факторам, оказывающим влияние на неравенство в оплате труда, относят вид экономической деятельности и территориальные характеристики при дополнительных оценках влияния пола, возраста, уровня образования и социально-профессиональной группы работника.

В современных исследованиях особое развитие получило изучение влияния фактора образования

в контексте экономики знания [4, 8, 13]. О значимости влияния образованности и уровня квалификации как факторов дифференциации работников пишет А. Г. Аганбегян [1]. Рядом исследователей рассматривается отдача от дополнительного профессионального обучения [2]. Изучаются гендерные различия в оплате труда [12, 15], а также влияние наличия детей разных возрастов на оплату труда женщин [3, 9].

Территориальная дифференциация заработной платы и дифференциация по видам экономической деятельности также вызывают интерес исследователей [5, 10, 11].

Е. Е. Гришина, Ю. М. Казакова и В. Ю. Ляшок, проведя комплексный анализ для определения наиболее значимых факторов, влияющих на заработную плату, установили, что на первом месте стоит дифференциация по территориям [7]. Этот фактор не может не проявить своего влияния в силу исключительного разнообразия природных условий, культуры и экономики регионов. В данной статье акцент сделан на изучении территориальной дифференциации, выявлении особенностей отдельных регионов, их отличий от средних характеристик для Российской Федерации.

Общая картина территориальной дифференциации заработной платы в Российской Федерации

Территориальная дифференциация в оплате труда в Российской Федерации сложилась исторически, во многом в связи с развитием определенных видов экономической деятельности и их преобладанием в регионах, в связи с различиями в природных ресурсах и других сопутствующих факторов.

В таблице 1 приведены максимальные и минимальные значения заработной платы по федеральным округам РФ.

Таблица 1. Среднее значение заработной платы и ее вариация в федеральных округах РФ в 2019 г.

ФО	Средняя заработная плата, тыс. руб.	Максимум, тыс. руб.		Минимум, тыс. руб.		Коэффициент вариации в ФО, %
СКФО	29,2	Ставропольский край	31,8	Карачаево-Черкесская Республика	27,0	5,4
ЮФО	34,3	Краснодарский край	36,1	Республика Калмыкия	28,3	8,0
ПФО	34,4	Пермский край	38,5	Республика Мордовия	28,5	10,4
СФО	40,8	Красноярский край	49,5	Алтайский край	27,9	15,2
УФО	50,7	Ямало-Ненецкий АО	100,3	Курганская область	30,4	40,7
СЗФО	52,6	Ненецкий АО	86,5	Псковская область	29,3	31,6
ДФО	56,0	Чукотский АО	106,8	Республика Бурятия	39,0	35,7
ЦФО	60,4	г. Москва	93,9	Ивановская область	27,3	39,8

Заработная плата в субъекте-лидере (Чукотский АО) в четыре раза превышает оплату труда в субъекте-аутсайдере (Карачаево-Черкесская Республика). Это несколько ниже различий 2016 г. (4,3 раза), но полностью повторяет ситуацию 2018 г. В Ивановской, Псковской областях, Алтайском крае, Республике Калмыкия, Республике Мордовия и в Карачаево-Черкесской Республике заработная плата не на много превосходит удвоенный прожиточный

минимум, установленный в РФ (в 2019 г. 12 130 тыс. руб. для трудоспособного населения).

Сравнение заработной платы в территориальном разрезе предполагает учет ценовых различий. В таблице 2 представлены значения индексов реальной заработной платы и потребительских цен для выделенных субъектов с максимальными и минимальными значениями зарплат, а также для федерального округа в целом.

Таблица 2. Индекс реальной заработной платы и индекс потребительских цен в федеральных округах РФ и их мини-максных субъектах

Территория	Индекс реальной заработной платы			Индекс потребительских цен		
	2018/17	2018/16	2018/10	2018/17	2018/16	2018/10
СКФО	108,3	111,0	126,1	103,7	106,0	166,8
Ставропольский край	105,7	109,7	122,9	104,5	107,5	166,7
Карачаево-Черкесская Республика	110,0	111,7	128,5	103,7	105,7	169,4
ЮФО	108,7	111,5	119,8	104,5	106,7	171,3
Краснодарский край	108,8	110,4	117,3	104,3	106,6	174,2
Республика Калмыкия	110,6	114,1	125,5	104,3	107,7	174,8
ПФО	106,8	111,0	121,9	104,2	106,2	165,1
Пермский край	106,5	111,4	119,4	103,8	105,3	168,2

Продолжение таблицы № 2

Территория	Индекс реальной заработной платы			Индекс потребительских цен		
	2018/17	2018/16	2018/10	2018/17	2018/16	2018/10
Республика Мордовия	107,8	110,3	137,9	103,4	104,5	159,3
СФО	109,2	113,1	120,7	104,3	106,4	166,2
Красноярский край	108,2	112,4	122,5	104,3	106,0	159,6
Алтайский край	109,3	113,2	123,4	104,1	106,0	168,5
УФО	106,1	108,6	112,0	103,3	105,8	166,9
Ямало-Ненецкий АО	105,0	110,1	121,4	102,9	104,4	149,3
Курганская область	107,5	113,0	118,9	104,4	107,0	175,4
СЗФО	109,0	113,5	121,2	104,1	107,3	171,7
Ненецкий АО	110,0	111,8	108,6	101,8	103,5	160,1
Псковская область	110,2	112,1	104,1	104,9	107,4	175,4
ДФО	109,3	113,1	126,2	103,8	106,0	167,0
Чукотский АО	104,0	106,9	140,0	104,9	107,8	155,1
Республика Бурятия	108,4	113,5	116,4	105,0	107,2	170,6
ЦФО	108,8	110,5	120,7	104,7	108,1	176,2
г. Москва	109,6	108,2	125,4	104,3	108,3	177,8
Ивановская область	106,0	108,2	106,9	105,1	108,1	179,1

Из данных таблицы 2 отчетливо проявляется неравномерность изменения, как реальной заработной платы, так и уровня потребительских цен. Следует отметить, что в долгосрочном периоде (2010–2018 гг.) в федеральных округах с более низкими значениями средней заработной платы рост реальной заработной платы был выше в субъектах с минимальной оплатой труда, а в более высокооплачиваемых федеральных округах наоборот. Причем, в большей степени выросла заработная плата в субъектах-лидерах. Динамика цен превышает ди-

намику заработной платы в два и более раза.

В краткосрочных периодах 2017–2018 гг. и 2016–2018 гг. различия в динамике реальной заработной платы и индексах потребительских цен в большинстве федеральных округов не являются существенными. Рост цен несколько ниже или же соответствует росту заработной платы,

На рисунке 1 представлены данные о соотношении средней заработной платы со стоимостью фиксированного набора потребительских товаров и услуг.

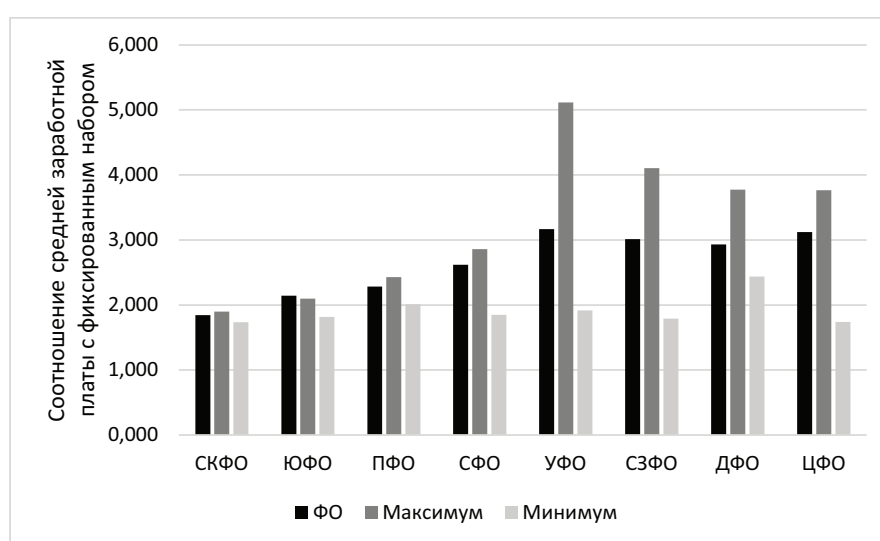

Рисунок 1. Соотношение средней заработной платы в федеральных округах, субъектах-лидерах и аутсайдерах со стоимостью фиксированного набора потребительских товаров и услуг в 2018 г. в РФ

Из рисунка 1 видна дифференциация федеральных округов по покупательной способности заработной платы. В наиболее выигрышном положении оказались УФО и ЦФО, далее идут СЗФО и ДФО – это округа с более высоким уровнем средней заработной платы. Наибольшее число фиксированных наборов товаров и услуг можно приобрести в субъекте-лидере, Ямало-Ненецком автономном округе (5,1), а наименьшее – в субъектах-аутсайдерах, Карачаево-Черкесской Республике (1,7) и Ивановской области (1,7). Таким образом, при сравнении субъектов по уровню реальной покупательной способности заработной платы можно сделать вывод, во-первых, об изменениях в рейтинге субъектов, во-вторых, о сокращении соотношения между лидером и аутсайдером с четырех до трех раз.

В целом же заработная плата остается главным источником денежных доходов населения: в России в 2019 г. доля заработной платы в денежных доходах составила 57,9%, а в 2018 г. – 57,4%. [14]. При рассмотрении по федеральным округам наибольший вес оплаты труда в структуре денежных доходов в 2018 г. имел место в ДФО (67,4%), УФО (64,1%) и СЗФО (63,8%). Меньшая роль заработной платы в структуре доходов характерна для СКФО (33,0%) и ЮФО (45,4%). В этих федеральных округах значительная роль в доходах принадлежит статье «прочие поступления». В СКФО их доля в денежных доходах в 2019 г. составила 37,8% (выше, чем доля заработной платы), а в ЮФО – 23,7%. Согласно официальной статистической методологии к прочим денежным доходам относятся денежные переводы; выигрыши по лотерее; доходы от сдачи вторсырья; доходы, укрываемые от налогообложения путем незаконного обналичивания денежных средств; поступления, не распределяемые по статьям формирования денежных доходов населения

Эконометрический анализ территориальной дифференциации

Оценка территориальных различий заработной платы может быть произведена не только на основе сводных показателей по субъектам и федеральным округам, но и с использованием микроданных Вы-

борочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах [6] Федеральной службы государственной статистики. В представленных ниже расчетах использованы данные 2019 г.

Для анализа особенностей влияния отдельных факторов было использовано уравнение логарифма заработной платы минцеровского типа [16]:

$$\ln w = a + b_1 age + b_2 age^2 + b_3 gend + b_4 edu_1 + b_5 edu_2 + b_6 status + b_7 group_1 + b_8 group_2,$$

где

$\ln w$ – натуральный логарифм заработной платы;

age – возраст работника;

$gend$ – пол работника $\begin{cases} 1, \text{ мужчина,} \\ 0, \text{ женщина;} \end{cases}$

edu – уровень образования:

$edu_1 = \begin{cases} 1, \text{ высшее образование,} \\ 0, \text{ остальные уровни;} \end{cases}$

$edu_2 = \begin{cases} 1, \text{ среднее профессиональное,} \\ 0, \text{ остальные уровни;} \end{cases}$

$status$ – тип населенного пункта $\begin{cases} 1, \text{ город,} \\ 0, \text{ село;} \end{cases}$

$group$ – социально-профессиональная группа:

$group_1 = \begin{cases} 1, \text{ руководители,} \\ 0, \text{ остальные группы;} \end{cases}$

$group_2 = \begin{cases} 1, \text{ специалисты высшей квалификации,} \\ 0, \text{ остальные группы.} \end{cases}$

Для изучения территориальных особенностей были построены уравнения заработной платы для отдельных федеральных округов и субъектов с максимальными и минимальными значениями заработной платы. Так как в исходных микроданных выборочного наблюдения не выделены отдельно Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа, то при построении уравнений заработной платы были использованы данные для Архангельской и Тюменской областей. Порядок рассмотрения федеральных округов основан на их ранжировании по значению заработной платы (в порядке убывания). В таблицах 3–10 представлены все статистически значимые модели. В случае незначимости того или иного фактора проставлен прочерк.

В таблице 3 приведены модели для России, ЦФО и его субъектов с максимальными и минимальными заработками.

Таблица 3. Модели логарифма заработной платы для РФ, ЦФО, Москвы и Ивановской области

Фактор	РФ		ЦФО		Москва		Ивановская обл.	
	коэффициент	t-крит.	коэффициент	t-крит.	коэффициент	t-крит.	коэффициент	t-крит.
<i>cons</i>	10,5	331,0	10,7	179,1	11,2	147,2	11,4	40,6
<i>age</i>	0,068	46,2	0,066	23,8	0,082	21,7	0,027	2,1
<i>age</i> ²	-0,001	-49,1	-0,001	-26,1	-0,001	-21,3	0,000	-3,0
<i>gend</i>	0,352	68,2	0,342	36,5	0,284	24,7	0,305	7,2
<i>edu_1</i>	0,501	53,8	0,544	29,2	0,389	12,9	0,382	4,9

Продолжение таблицы № 3

Фактор	РФ		ЦФО		Москва		Ивановская обл.	
	коэффициент	t-крит.	коэффициент	t-крит.	коэффициент	t-крит.	коэффициент	t-крит.
<i>edu_2</i>	0,272	35,2	0,254	15,6	0,217	7,3	0,234	4,0
<i>status</i>	0,294	51,0	0,393	32,9	–	–	0,177	3,4
<i>group_1</i>	0,494	35,5	0,476	19,7	0,455	16,5	0,585	4,9
<i>group_2</i>	0,225	30,0	0,226	17,1	0,124	8,4	0,243	3,4
<i>n</i>	57363		15465		4905		484	
<i>F</i>	2627,8		995,0		326,3		27,2	
<i>R</i>	0,518		0,583		0,564		0,560	

Примечание: в таблицах 2–10 обозначено: *n* – число респондентов, *F* – критерий, *R* – коэффициент множественной корреляции.

В связи с тем, что в Москве все респонденты – горожане, фактор «тип населенного пункта» в локальную модель не включался. Построенные модели подтвердили значимость выделенных факторов, влияющих на заработную плату в РФ. В уравнении для РФ и ЦФО отдача от высшего образования сопоставима с отдачей от социального статуса. Однако в Москве и Ивановской области высшее обра-

зование дает заметно меньший эффект. В Москве в меньшей степени проявляются гендерные различия в оплате труда.

Более сильным влиянием обладает фактор социальной группы.

Модели для Дальневосточного федерального округа и его мини-максных субъектов приведены в таблице 4.

Таблица 4. Модели логарифма заработной платы для ДФО, Чукотского АО и Республики Бурятия

Фактор	ДФО		Чукотский АО		Республика Бурятия	
	коэффициент	t-крит.	коэффициент	t-крит.	коэффициент	t-крит.
<i>cons</i>	11,0	112,0	11,7	44,3	10,5	33,0
<i>age</i>	0,059	13,0	0,055	4,6	0,077	4,9
<i>age²</i>	-0,001	-13,4	-0,001	-4,2	-0,001	-5,3
<i>gend</i>	0,364	21,8	0,293	6,8	0,265	5,2
<i>edu_1</i>	0,509	17,4	–	–	0,299	3,4
<i>edu_2</i>	0,308	13,1	–	–	0,142	2,2
<i>status</i>	0,156	8,6	0,184	4,2	0,245	4,8
<i>group_1</i>	0,486	11,1	0,515	3,3	0,812	5,6
<i>group_2</i>	0,244	10,0	0,223	4,3	0,215	2,5
<i>n</i>	5377		307		486	
<i>F</i>	215,4		18,7		21,2	
<i>R</i>	0,493		0,522		0,512	

В модели заработной платы для Чукотского АО незначимым оказался фактор образования, причем как высшего, так и среднего профессионального. Зато гендерные различия и особенно принадлежность к группе руководителей вносят заметный

вклад в формирование заработной платы, причем эти факторы оказались значимыми как для рассматриваемых субъектов, так и для ДФО в целом. В модели для Республики Бурятии все рассматриваемые факторы оказались статистически значимыми (на

5%-ом уровне значимости). По своей отдаче выделяется фактор принадлежности к группе руководителей.

Модели логарифма заработной платы для СЗФО, Ненецкого АО и Псковской области представлены в таблице 5.

Таблица 5. Модели логарифма заработной платы для СЗФО, Ненецкого АО и Псковской области

Фактор	СЗФО		Ненецкий АО		Псковская область	
	коэффициент	t-крит.	коэффициент	t-крит.	коэффициент	t-крит.
cons	10,6	119,3	10,4	34,1	10,9	31,0
age	0,069	16,8	0,074	5,2	0,045	2,8
age ²	-0,001	-18,1	-0,001	-5,6	-0,001	-3,2
gend	0,361	24,4	0,343	6,7	0,416	7,3
edu_1	0,523	18,5	0,544	5,6	0,464	5,2
edu_2	0,313	13,1	0,310	3,9	0,185	2,5
status	0,275	14,8	0,268	4,6	0,159	2,6
group_1	0,485	12,5	0,677	4,3	0,593	4,3
group_2	0,235	11,0	0,266	3,5	–	–
n	6771		555		484	
F	317,0		27,4		27,2	
R	0,522		0,535		0,560	

В рассмотренных выше моделях в таблицах 3–4 и в моделях, представленных в таблице 5, обращает на себя внимание близость значений свободных членов модели. Это можно считать подтверждением того, что в анализ включены основные факторы, детерминирующие уровень заработной платы, на это же указывают значения F – критерия. Коэффициенты модели можно интерпретировать как показатели эффективности использования соответствующих факторов. С этих позиций отрицательное значение коэффициента при факторе «квадрат возраста» свидетельствует о том, что во всех рас-

сматриваемых территориях начинает проявляться эффект старения работников, при котором происходит снижение заработной платы. Образование, особенно высшее, положительно влияет на заработную плату, но с разной интенсивностью, особенно низкой в Псковской области, что сопровождается незначимостью фактора социально-профессиональной группы для специалистов высшего уровня квалификации. Характерно, что отдача от высшего образования в Ненецком АО равна уровню Москвы.

Рассмотрим модели для Уральского федерального округа (таблица 6).

Таблица 6. Модели логарифма заработной платы для УФО, Ямало-Ненецкого АО и Курганской области

Фактор	УФО		Ямало-Ненецкий АО		Курганская область	
	коэффициент	t-крит.	коэффициент	t-крит.	коэффициент	t-крит.
cons	10,1	80,1	10,8	31,0	9,9	23,5
age	0,093	16,1	0,043	2,7	0,091	4,7
age ²	-0,001	-17,0	0,000	-2,4	-0,001	-5,1
gend	0,435	22,3	0,378	6,7	0,293	5,1
edu_1	0,565	15,9	0,552	6,0	0,332	2,9
edu_2	0,317	11,1	0,289	3,9	0,254	3,9
status	0,189	8,3	0,194	3,4	0,284	4,7
group_1	0,429	7,6	–	–	0,566	3,0
group_2	0,258	9,0	0,186	2,4	0,308	2,8
n	4588		492		468	
F	203,9		326,3		17,1	
R	0,513		0,453		0,479	

В Ямало-Ненецком АО такой фактор, как должность руководителя оказался незначимым. В Курганской области различия в заработной плате мужчин и женщин заметно ниже, чем в округе в целом.

Более существенно выражена дифференциация по типу населенного пункта (город-село).

В таблице 7 представлены модели для Сибирского федерального округа и двух его субъектов.

Таблица 7. Модели логарифма заработной платы для СФО, Красноярского края и Алтайского края

Фактор	СФО		Красноярский край		Алтайский край	
	коэффициент	t-крит.	коэффициент	t-крит.	коэффициент	t-крит.
<i>cons</i>	10,4	108,4	10,6	44,3	9,8	35,0
<i>age</i>	0,069	15,6	0,066	6,1	0,082	6,2
<i>age</i> ²	-0,001	-16,3	-0,001	-6,4	-0,001	-6,2
<i>gend</i>	0,331	20,5	0,309	7,1	0,337	7,1
<i>edu_1</i>	0,491	18,1	0,536	7,7	0,358	4,3
<i>edu_2</i>	0,290	13,7	0,322	6,1	0,241	4,0
<i>status</i>	0,217	12,7	0,236	5,2	0,383	8,0
<i>group_1</i>	0,489	12,3	0,446	4,2	0,613	5,1
<i>group_2</i>	0,211	8,8	0,184	2,9	0,391	4,8
<i>n</i>	6130		910		683	
<i>F</i>	223,5		32,7		33,6	
<i>R</i>	0,475		0,475		0,534	

В модели для Сибирского федерального округа статистически значимыми для уровня заработной платы оказались все включенные факторы. В Красноярском крае, где уровень заработной платы самый высокий в округе, отдача от высшего образования в полтора раза больше, чем в Алтайском крае, где преобладает дифференциация по типу населенного пункта. Гендерная дифференциация прояв-

ляется примерно одинаково. Для всех территорий наибольшее влияние на уровень заработной платы оказывают наличие высшего образования и принадлежность к группе руководителей.

Результаты моделирования заработной платы для Приволжского федерального округа и его субъектов приведены в таблице 8.

Таблица 8. Модели логарифма заработной платы для ПФО, Пермского края и Республики Мордовия

Фактор	ПФО		Пермский край		Республика Мордовия	
	коэффициент	t-крит.	коэффициент	t-крит.	коэффициент	t-крит.
<i>cons</i>	10,2	137,4	10,5	41,7	10,6	30,2
<i>age</i>	0,075	21,7	0,054	4,7	0,069	4,3
<i>age</i> ²	-0,001	-22,9	-0,001	-5,1	-0,001	-4,5
<i>gend</i>	0,390	33,5	0,423	9,4	0,298	6,0
<i>edu_1</i>	0,456	21,7	0,426	5,1	0,469	6,4
<i>edu_2</i>	0,252	15,3	0,175	3,0	0,164	2,4
<i>status</i>	0,251	20,2	0,428	8,6	—	—
<i>group_1</i>	0,482	14,9	0,538	4,5	—	—
<i>group_2</i>	0,177	9,9	0,223	2,9	—	—
<i>n</i>	9906		845		405	
<i>F</i>	444,0		38,2		19,3	
<i>R</i>	0,514		0,517		0,441	

В Республике Мордовия главную роль в дифференциации заработной платы играет наличие высшего образования; факторы «тип населенного пункта» и «социально-профессиональная группа» оказались статистически незначимыми. В Пермском

крае более заметно выражена дифференциация по принадлежности к социально-профессиональной группе.

В таблице 9 представлены модели заработной платы для ЮФО, Краснодарского края и Республики Калмыкия.

Таблица 9. Модели логарифма заработной платы для ЮФО, Краснодарского края и Республики Калмыкия

Фактор	ЮФО		Краснодарский край		Республика Калмыкия	
	коэффициент	t-крит.	коэффициент	t-крит.	коэффициент	t-крит.
<i>cons</i>	10,6	129,0	10,5	58,3	10,9	36,9
<i>age</i>	0,064	16,8	0,077	9,2	0,041	2,9
<i>age</i> ²	-0,001	-17,7	-0,001	-9,6	0,000	-3,0
<i>gend</i>	0,333	25,0	0,302	10,3	0,177	3,8
<i>edu_1</i>	0,358	15,0	0,331	6,4	0,623	9,5
<i>edu_2</i>	0,176	8,8	0,200	4,7	0,212	3,0
<i>status</i>	0,153	11,0	0,150	5,1	–	–
<i>group_1</i>	0,517	12,2	0,464	4,9	0,326	2,0
<i>group_2</i>	0,164	8,4	0,208	4,7	–	–
<i>n</i>	5670		1338		370	
<i>F</i>	245,1		48,5		25,2	
<i>R</i>	0,507		0,475		0,542	

В модели для Краснодарского края, где уровень заработной платы самый высокий в ЮФО все включенные факторы статистически значимы. Большой вклад вносит гендерное неравенство, а также наличие высшего образования и принадлежность к группе руководителей. В Республике Калмыкия статистически незначимыми оказались

факторы «тип населенного пункта» и «принадлежность к специалистам высшего уровня квалификации»; выделяется своим высоким значением отдача от высшего образования.

Данные по Северо-Кавказскому федеральному округу представлены в таблице 10.

Таблица 10. Модели логарифма заработной платы для СКФО, Ставропольского края и Карачаево-Черкесской Республики

Фактор	СКФО		Ставропольский край		Карачаево-Черкесская Республика	
	коэффициент	t-крит.	коэффициент	t-крит.	коэффициент	t-крит.
<i>cons</i>	10,5	99,2	9,9	44,5	10,7	29,7
<i>age</i>	0,066	13,1	0,099	9,2	0,047	2,8
<i>age</i> ²	-0,001	-13,1	-0,001	-9,5	0,000	-2,5
<i>gend</i>	0,322	17,6	0,447	12,0	0,177	2,8
<i>edu_1</i>	0,367	13,0	0,239	5,0	0,462	5,7
<i>edu_2</i>	0,168	6,7	–	–	0,285	3,6
<i>status</i>	0,145	8,1	0,159	4,3	–	–
<i>group_1</i>	0,395	6,9	0,434	3,7	–	–
<i>group_2</i>	0,146	5,9	0,247	4,6	–	–
<i>n</i>	3456		764		384	
<i>F</i>	128,3		51,5		9,1	
<i>R</i>	0,479		0,568		0,328	

Характерной особенностью этого федерального округа является более низкая отдача от всех факторов, включенных в модели. К тому же в Карачаево-Черкесской Республике на уровне заработной платы не сказывается ни место жительства (город-село), ни социальный статус, но значимо влияет высшее образование. В Ставропольском крае в дифференциацию заработной платы вносит значительный вклад гендерный фактор и социальная группа.

По результатам построенных моделей можно сделать вывод, что влияние рассматриваемых факторов имеет свою территориальную специфику. Наибольшая отдача от должности руководителя наблюдается в Ненецком АО и Алтайском крае. Бо-

лее сильная отдача от высшего образования имеет место в Ямало-Ненецком АО, Ненецком АО и Красноярском крае. В целом же при сравнении полных моделей для субъектов-лидеров и субъектов-аутсайдеров установлено более сильное влияние уровня образования на заработную плату работников.

Для оценки вариации влияния территориальных особенностей для каждого из федеральных округов на основе эмпирических данных построены нулевые модели логарифма заработной платы с выделением уровня «субъект РФ» и рассчитана доля вариации заработной платы, вызванной территориальными различиями внутри федерального округа (рисунок 2).

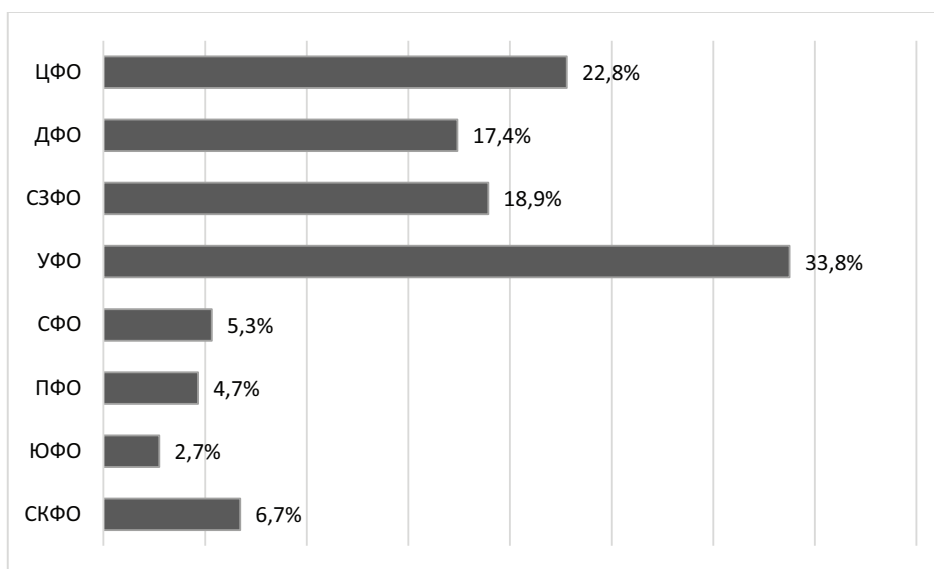

Рисунок 2. Вариация заработной платы за счет выделения уровня «субъект РФ» в федеральных округах в 2019 г. в процентах

Лидером по территориальным различиям в оплате труда внутри федерального округа является УФО (33,8% вариации заработной платы), что подтверждает ранее сделанный вывод на основе таблицы 1. Однако, если агрегированные данные свидетельствуют о практически одинаковой степени вариации в рамках УФО и ЦФО, то микроданные показывают достаточно существенные различия (на 11,0 п.п.). Вариация заработной платы может быть объяснена выделением уровня «субъект РФ» на 18,9% для СЗФО и на 17,4% для ДФО. Заметно ниже влияние территориальных различий в СКФО, СФО, ПФО и ЮФО, где доля вариации заработной платы за счет этого фактора не превышает 7%. В целом же вариация заработной платы, объясненная выделением территориального фактора для Российской Федерации составила 19,9%, то есть 1/5 вариации заработной платы; примерно 80% дифференциации оплаты труда обуславливаются другими факторами.

Европейская и Азиатская части России

В советский период территориальная дифференциация заработной платы была гораздо выше: учитывалось неравенство климатических условий. Заработная плата на Чукотке, Сахалине, Якутии (Республика Саха) в два раза превышала заработную плату в европейской части России. К тому же, в ряде регионов отработанный год засчитывался за два года. Кроме большей продолжительности зимнего периода, низких температур, циклонов сильное негативное воздействие на людей оказывает специфическое (повышенное) атмосферное давление в ряде регионов Восточной Сибири, особенно в Тувинской котловине. В настоящее время произошли заметные климатические изменения: скорость потепления на территории России опережает общемировую тенденцию на 0,047 градуса в год. Но в основном суровый климатический фон Сибири и Дальнего Востока сохраняется.

ДВО и СФО из года в год имеют отрицательное сальдо миграции: уезжает больше людей, чем приезжает. Это приводит к сокращению численности населения в Азиатской части России, несмотря на положительный естественный прирост во многих субъектах.

Сравним европейский и азиатский субъекты РФ, имеющие самый высокий уровень заработной платы. В европейской части России это Москва (93,9 тыс. руб.), в азиатской части – Чукотский Автономный округ (106,8 тыс. руб.) (см. таблицу 1). Реальная заработная плата в Москве выросла в 2018 г. по сравнению с 2017 г. на 9,6%, а в Чукотском Автономном округе на 4,0%, при практически одинаковой динамике индекса потребительских цен: в Москве – 104,3%, в Чукотском автономном округе – 104,9% (таблица 2).

Не удивительно, что не прекращается «стягивание» населения России в столичную агломерацию. Территориальный фактор должен более явно учитываться в диалоге профсоюзов с работодателями, в государственной политике формирования денежных доходов населения и уровня заработной платы.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод об устойчивости круга факторов, детерминиру-

ющих уровень заработной платы, при наличии явной разницы в уровне отдачи факторов и эффективности их использования. Устойчиво проявляется доминирование таких факторов как разница в заработной плате лиц, имеющих высшее образование по сравнению с остальными, а также более высокая заработная плата руководителей. Проявившаяся во всех регионах (кроме Карачаево-Черкесской Республики) роль принадлежности к группе руководителей и незначимость принадлежности к группе специалистов высокой квалификации свидетельствует о нездоровой тенденции недооценки специалистов и возможных негативных социальных последствиях дифференциации заработной платы. В результате моделирования заработной платы по отдельным территориям получено, что в ЦФО, ДФО, СЗФО и УФО имеет место отдача от образования. В субъектах-лидерах по уровню заработной платы также отдача от образования проявляется более сильно, что подтверждает развитие экономики знаний.

Территориальная дифференциация заработной платы должна в полной мере соответствовать условиям жизни и трудовой деятельности и сыграть значимую роль в преодолении миграционного оттока населения из Сибири и Дальнего Востока.

Литература

1. Аганбегян А.Г. Социальное неравенство не ограничивается разницей в доходах и потреблении, а включает и другие показатели благосостояния населения // Финансы и бизнес. – 2017. – № 4. – С. 3–21.
2. Аистов А. В., Александрова Е. А. Распределенная во времени «разность разностей» на примере оценки отдачи от дополнительного профессионального обучения // Прикладная эконометрика. – 2016. – Т. 4. – С. 5–28.
3. Арженковский С. В., Артамонова Д. В. Оценка потерь в зарплате женщин с детьми // Прикладная эконометрика. – 2007. – № 7(3). – С. 66–79.
4. Архипова М. Ю., Егоров А. А., Сиротин В. П. Отдача от образования в России и на Украине: сравнительный анализ // Прикладная эконометрика. – 2017. – Т. 47. – С. 100–122.
5. Воейков М. И., Анисимова Г. В., Соболев Э. Н. Дифференциация заработной платы в российской экономике: истоки, уровень, тенденции // Журнал экономической теории. – 2010. – № 2. – С. 197–213.
6. Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах [Электронный источник] / Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/vndn-2019/index.html (дата обращения 25.05.2020).
7. Гришина Е. Е., Казакова Ю. М., Ляшок В. Ю. Дифференциация заработной платы в России: региональный и профессиональный аспекты // Вопросы статистики. – 2016. – № 11. – С. 45–52.
8. Жуков А. Н., Папанова С. И., Плотников С. В., Фоминых М. М. Влияние образования на оплату труда в современной российской экономике // Журнал экономической теории. – 2018. – Т. 15. – № 1. – С. 49–56.
9. Кадрева О. Н. Влияние количества и возраста детей на заработки работающих женщин // Прикладная эконометрика. – 2016. – Т. 41. – С. 62–77.
10. Лукьянова А. Л. Дифференциация заработных плат в России (1991–2008 гг.): факты и объяснения // Журнал новой экономической ассоциации. – 2011. – № 12. – С. 124–148.
11. Мхитарян В. С., Сарычева Т. В. Прогнозирование занятости населения в Российской Федерации по видам экономической деятельности // Вопросы статистики, 2017. – № 3. – С. 18–29.
12. Ощепков А. Ю. Гендерные различия в оплате труда в России. Препринт WP3/2006/08. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – 52 с.
13. Ощепков А. Ю. Что влияние на отдачу от образования: межрегиональный анализ // Экономический журнал Высшей школы экономики. – 2011. – Т. 15. – № 1. – С. 34–49.

14. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – 1204 с.

15. Стуken Т. Ю., Лапина Т. А. Дифференциация заработной платы на российском рынке труда: гендерный аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: экономика и управление. – 2005. – № 2. – С. 170–176.

16. Mincer J. *Schooling, Experience and Earnings*. – New York: National Bureau of Economic Research, 1974. – 152 p.

References

1. Aganbegyan, A. G. (2017) [Social Inequality is Not Limited to the Difference in Income and Consumption, but has covered the other Well-being Indicators]. *Finansy i biznes* [Finance and Business]. Vol. 4, pp. 3–21. (In Russ.).

2. Aistov, A. V., Aleksandrova, E. A. (2016) [Time-distributed difference-in-differences approach: The case of wage returns to training]. *Prikladnaya ekonometrika* [Applied Econometrics]. Vol. 4, pp. 5–28. (In Russ.).

3. Arzhenovskij, S. V., Artamonova, D. V. (2007) [Assessment of wage losses for women with children]. *Prikladnaya ekonometrika* [Applied Econometrics]. Vol. 7(3), pp. 66–79. (In Russ.).

4. Arhipova, M. Y., Egorov, A. A., Sirotin, V. P. (2017) [Returns to schooling in Russia and Ukraine: Comparative analysis]. *Prikladnaya ekonometrika* [Applied Econometrics]. Vol. 47, pp. 100–122. (In Russ.).

5. Voejtkov, M. I., Anisimova, G. V., Sobolev, E. N. (2010) [Differentiation of wages in the Russian economy: sources, level, trends]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* [Russian Journal of Economic Theory]. Vol. 2, pp. 197–213. (In Russ.).

6. *Selective observation of population income and participation in social programs*. Federal State Statistic Service. Available at: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/vndn-2019/index.html (accessed 25.05.2020). (In Russ.).

7. Grishina, E. E., Kazakova, Y. M., Lyashok, V. Y. (2016) [Wage Inequality in Russia: Regional and Occupational Aspects]. *Voprosy statistiki* [Problems of statistics]. Vol. 11, pp. 45–52. (In Russ.).

8. Zhukov, A. N., Papanova, S. I., Plotnikov S. V., Fominyh, M. M. (2018) [Impact of Education on Compensation in the Russian Economy]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* [Russian Journal of Economic Theory]. Vol. 15. No. 1, pp. 49–56. (In Russ.).

9. Kadreva, O. N. (2016) [The influence of quantity and age of children on working women's salaries]. *Prikladnaya ekonometrika* [Applied Econometrics]. Vol. 41, pp. 62–77. (In Russ.).

10. Lukiyanova, A. L. (2011) [Wage Inequality in Russian Economic Transition (1991–2008): Stylized Facts and Explanations]. *Zhurnal novoy ekonomicheskoy associacii* [The Journal of the New Economic Association]. Vol. 12, pp. 124–148. (In Russ.).

11. Mkhitarian, V. S., Sarycheva, T. V. (2017) [Prediction of Employment in the Russian Federation by Economic Activities]. *Voprosy statistiki* [Problems of statistics]. Vol. 3, pp. 18–29. (In Russ.).

12. Oshchepkov, A. Y. (2006) *Gendernye razlichiya v oplate truda v Rossii* [Gender differences in wages in Russia]. Preprint WP3/2006/08. Moscow: Higher School of Economics, 52 p. (In Russ.).

13. Oshchepkov, A. Y. (2011) [What Drives Cross Regional Differences in the Returns to Higher Education]. *Ekonomicheskij zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Higher School of Economics Economic Journal]. Vol. 15. No. 1, pp. 34–49. (In Russ.).

14. *Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2019: Statistical Digest* (2019). Federal State Statistic Service. Moscow, 2019, 1204 p. (In Russ.).

15. Stuken, T. Y., Lapina, T. A. (2005) [Differentiation of wages in the Russian labor market: gender aspect]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: ekonomika i upravlenie* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Economy and Management Communication]. Vol. 2, pp. 170–176. (In Russ.).

16. Mincer, J. (1974) *Schooling, Experience and Earnings*. New York: National Bureau of Economic Research, 152 p.

Информация об авторах:

Ирина Ильинична Елисеева, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой статистики и эконометрики, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, главный научный сотрудник Социологического института РАН – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Санкт-Петербург, Россия

ORCID ID: 0000-0002-0917-5910, **Researcher ID:** K-8074-2018, **Scopus Author ID:** 55824668600

e-mail: irinaeliseeva@mail.ru

Мария Павловна Декина, кандидат экономических наук, доцент кафедры статистики и эконометрики, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: dekinamp@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 14.07.2020; принята в печать: 19.08.2020.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Irina Ilinichna Eliseeva, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Statistics and Econometrics, Saint-Petersburg state University of Economics, chief researcher, Sociological Institute RAS, branch of the Federal research sociological center of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia

ORCID ID: 0000-0002-0917-5910, **Researcher ID:** K-8074-2018, **Scopus Author ID:** 55824668600
e-mail: irinaeliseeva@mail.ru

Maria Pavlovna Dekina, PhD of Economics, Associate Professor of the Department of Statistics and Econometrics, Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia
e-mail: dekinamp@gmail.com

The paper was submitted: 14.07.2020
Accepted for publication: 19.08.2020.
The authors have read and approved the final manuscript.

RUSSIAN ENTREPRENEURS HISTORICAL MINDSET IN EXAMPLIFICATION OF FUTURE ECONOMISTS MORAL CHARACTER SHAPING

A. B. Ilin

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia
email: ilandeducation@yandex.ru

Yu. S. Sizova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
email: Sizova.YS@rea.ru, ju-si@mail.ru

Abstract. *The paper focuses on the moral portrait of modern Russian entrepreneurs which is currently subject to a drastic change. A historical overview of Russian entrepreneurial traditions is provided. Entrepreneur moral has always played a vital role in economy development and will always play. Moreover, business people values affect the institutional interaction at micro-, mezo- and macro-levels.*

To highlight the entrepreneurial culture principles of Russian entrepreneurs from historical point of view, and show illiteracy of modern students in economics in the issues of Russian entrepreneurship history.

Methods and methodological units of research are content analysis, culture genesis, empirical study.

The poll of the first and second-year students of two leading universities was conducted, and its results revealed ignorance of to-be economists on the issues of Russian entrepreneurship history. Hence, our students would not be able to follow the traditions of Russian entrepreneurship.

The scientific novelty of the study lies in the theoretical and methodological justification of moral qualities of Russian entrepreneurs of the 19th-20th centuries and their applicability/impossibility of use by modern entrepreneurs in conditions of informatization and digitalization.

Research results can be used by Universities for tailoring their educational programmes for to-be economists and entrepreneurs.

Key words: *entrepreneurship, business, education, history, economics, moral qualities.*

Cite as: Ilin, A. B., Sizova, Yu. S. (2020) [Russian entrepreneurs historical mindset in exemplification of future economists moral character shaping]. *Intellect. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 52–58. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-52.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ КАК ПРИМЕР ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ МОРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ БУДУЩИХ ЭКОНОМИСТОВ

А. Б. Ильин

Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана, Москва, Россия
e-mail: ilandeducation@yandex.ru

Ю. С. Сизова

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
e-mail: Sizova.YS@rea.ru

Аннотация. *Работа фокусируется на нравственном портрете современных российских предпринимателей, который в настоящее время подвергается резким изменениям. Представлен исторический обзор российских предпринимательских традиций. Моральный кодекс предпринимателя всегда играл жизненно важную роль в развитии экономики и всегда будет иметь значение. Кроме того, ценности деловых людей влияют на институциональное взаимодействие на микро-, мезо- и макроуровне.*

Цель статьи – осветить принципы предпринимательской культуры российских предпринимателей с исторической точки зрения, показать безграмотность современных студентов экономических специальностей в вопросах истории российского предпринимательства.

Методами и методологическим аппаратом исследования послужили контент-анализ, культурогенез, эмпирическое исследование.

Проведен опрос студентов первого и второго курсов двух ведущих российских вузов, результаты которого выявили, что современные студенты экономических специальностей несведущи в вопросах истории российского предпринимательства. Таким образом, наши студенты не смогут следовать традициям российского предпринимательства.

Научная новизна исследования содержится в теоретическом и методологическом обосновании моральных качеств российских предпринимателей 19–20-х веков и их применимости/невозможности использования современными предпринимателями в условиях информатизации и цифровизации.

Результаты исследований могут использоваться высшими учебными заведениями для адаптации своих образовательных программ к интересам экономистов и предпринимателей.

Ключевые слова: предпринимательство, бизнес, образование, история, экономика, моральные качества.

Для цитирования: Ilin, A. B., Sizova, Yu. S. (2020) [Russian entrepreneurs historical mindset in exemplification of future economists moral character shaping]. *Intellect. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 52–58. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-52.

Introduction

All the changes taking place in Russia, economic, social, and political, contribute to the creation of a new business environment. This new environment is driven not only by global geopolitical and technological risks, but also by specific business conditions [12]. Despite the rapid development of society and technologies affecting the development of the entrepreneurial environment, the lessons of the past cannot be neglected.

History of Russia is closely interrelated with the history of national entrepreneurship. Entrepreneurs played an important role in the Russian economy development, new lands development, country's economic and military power strengthening, and the growth of its authority in the world.

The history of Russian entrepreneurship is of particular interest not only to historians and economists. The emergence, formation and development of Russian entrepreneurship in historical influenced the peculiarities of the economic activities of Russian entrepreneurs, their mentality, laid the ethical foundations of business relations, contributed to the emergence and development of social responsibility [14].

Discussion

If we trace the genesis of Russian statehood formation, we can state that Prince Oleg also carried out business communications with Constantinople, which at that time was the world capital. Russian merchants had a base point there. Kievan Rus and the polovtsy, the Russian principalities and the Bulgarian kingdom in the 11th–13th centuries, are connected by intensive trade, which led to the development of commodity-money relations.

Russian entrepreneurs' moral qualities of the 9th–15th centuries: a combination of prudence and imagination, high working capacity and the ability to relax, the desire to be ourselves, the presence of deep and hard introspection; observation, sociability, courage, enterprise, responsibility for each other to counterparties.

The King Ivan Grozny promoted the Russian economy development of crafts and industries, encouraged

economic advancement to the East. In particular, Yermak laid the foundation for Russia's advance into Siberia. In this historical period many landowners lived in subsistence farming, some created their own factories and engaged in trade. In industry, there is a transition to a method of production manufacturing. Thus, the 15th–17th century's Russian business turns into a clear, ramified rapidly developing system. It is also worth mentioning the occurrence of Russia manufactories and the development of small commodity production at that time.

Russian entrepreneurs' moral qualities of the 15th–16th centuries: a sense of proportion, practical calculation, self-control, sobriety of character, willpower [1].

Peter I took the first steps to establish joint-stock companies in Russia. The number of manufactories under the Russian state first emperor increased from 10 to 230. Whereas until Peter the Great, merchants became widespread in Russia, then during the Great Reformer a powerful incentive was given to the development of industry itself. During his reign, there was formed the following composition of entrepreneurial relations subjects: foreign merchants and industrialists, Russian merchants, state-owned «palace» entrepreneurs and monasteries.

The Empress Elizaveta Petrovna marks another turning-point in the history of Russian business development. She signed a decree of May 13, 1754, which approved the creation of the first Russian bank - the Noble borrowed bank. Prior to this, the main creditors were moneylenders, the largest of which were monasteries and merchants.

The Russian Empire's whole history is connected with entrepreneurs. It should be understood that Russian entrepreneurs were, are and remain different. At that time, the bulk of them were serfs. Their entrepreneurial function was to earn money for the landowner: they had to regularly give a certain amount to their master. To some extent, it was paying taxes. In 1861, after the serfdom was abolished, peasants signed up to the Russian economy. They created the foundations of Russian small and medium-sized enterprises [4]. How-

ever, due to criticism of entrepreneurship, its secondary nature in the economy, most Russian entrepreneurs (immigrants from the peasant environment) were contemptuously called «grimy».

Russian entrepreneurs' moral qualities of the 16th–17th centuries: initiative and energetic serfs. A peasant entrepreneur acted in unimaginably difficult conditions, only because of the firmness of his character and determination so many of them managed to overcome all the obstacles of their cramped state¹.

Businessmen have almost always been associated with people who pursue only mercantile interests and have unattractive personal qualities in historical, philosophical, and fiction. Business is opposed to culture, and entrepreneurs themselves are people deprived of spiritual ideals, spiritually callous, uncultured and uneducated, dishonest and unceremonious. For example, in the play by A. N. Ostrovsky «Thunderstorm» entrepreneurs Kabanikha and Dikoy endowed with a mass of negative traits. They are tyranny, mock workers, mock the high feelings of relatives.

The notion that business was foreign to the Russian spirit and was introduced into Russian reality from abroad, or due to the activities of foreigners living in the Russian state, was rooted among Russian scientists, thinkers and writers. Russian carelessness and anti-enterprise opinion was expressed by many scientists. For example, D. I. Mendeleev, who was latch on to the Russian industry issues in the 19th–20th centuries, noted that a significant reason for the small development of industry in Russia should be the lack of personal enterprise, determined mainly by the fact that Russian people are used to getting everything ready, as a gift from anyone it was neither above or below, and if the manna of heaven does not fall from heaven by itself, then our education is used to blaming someone either from above or below, and it does not do anything if it involves personal labor, risk and perseverance, as it is necessary for the industry affairs [8].

Such a moral perception of entrepreneurship intensified in the 20th century. Anti-entrepreneurial ideas formed in society during the period of socialist construction (1917–1980ss). Nevertheless, the so-called special exporters and special exporters operated in the framework of the country's foreign economic activity. These were state-owned enterprises that operated largely according to market laws, since their activities were carried out mainly on the world market. A number of enterprises constantly operated abroad (for example, Aeroflot competed with foreign airlines). History has not left examples that would testify to the lack of entrepreneurship among Russian people and the rejection by Russian people professional management of their own business [4].

The moral qualities of Russian entrepreneurs at the beginning of the 20th century: August Isaakovich Kaminka (1865–1941) believed that «an entrepreneur is a person who, in order to profit himself or herself through other persons, leads an enterprise at his own expense, and it can lead it alone or in connecting with others». Therefore, an entrepreneur is a person who owns his own enterprise, finances it, manages it and has the main motive – making a profit [5]. Another pre-revolutionary Russian scientist Lev Iosifovich Petrazhitsky (1867–1931) argued that an entrepreneur should recognize a person who independently, personally and on his own behalf conducts business activities and bears the risk of all property and responsibility with all his property [9].

Entrepreneurship began to be perceived by the population as an acceptable and worthy area of professional activity, after the collapse of the Soviet Union. People started to gradually apprehend that to upgrade their standard of living, and to upgrade their quality of life, one should not rely on manna from heaven, and above all on their own strength (according to D. I. Mendeleev). A moral understanding was formed in society that the reluctance to independently build life plans could not be compensated by discussions about the mysterious Russian soul, which was not characteristic of the entrepreneurship beginnings, motives for doing business and mercantile calculation.

In some publications that became popular or written during the period of reforms in Russia (1990s and 2000s), one could read about:

- incompatibility of business and Russian national character;
- radical anti-bourgeoisness of the Russian Orthodox mentality;
- the rejection of market values by Russians;
- the absence of any Russian genetic predisposition to engage in entrepreneurship;
- artificial introduction of entrepreneurial ideas into the Russian environment by other peoples of Russia or from abroad.

Russian entrepreneurs' moral at the turn of the 20th–21st centuries: the economic structure remnants of the Soviet economy times, the oligarchic structure, ethnic and ethnic conflicts in business, criminalization, corrupt rents, competitiveness, investment, the creation of startups.

In the conditions of a market economy, new relations are being formed for all entities interacting with entrepreneurial activity. And although entrepreneurship has existed in the Russian Federation for a quarter century, in the general historical aspect, entrepreneurship in Russia has existed for more than 1150 years. The business composition entities in different periods of the Russian economy included:

⁵ Ilin A.B., Leontieva L.S. Organization of Entrepreneurial Activity. – M.: Plekhanov Russian University of Economics. – 2016. – 304 p.

- serfs who are obliged to regularly pay in-kind or cash rent to the landlords;
- boyars, nobles, as well as other large and small landowners (landowners);
- monarchs (kings, grand dukes, specific princes, emperors and their families members);
- independent city artisans and merchants from birth legal freedom;
- Cossacks, including runaway peasants who lived on the outskirts of the country, from the time of the Wild Field, and created their own economic structure;
- free producers – entrepreneurs (former serfs or ruined landowners);
- foreign nationals engaged in commercial or financial business or entrepreneurship in the territory of Russia;
- criminals, thieves, robbers, hunting in the vast country².

Modern Students Knowledge about the History of Russian Entrepreneurship

What do modern students really know about the history of Russian entrepreneurship? Can they name the large Russian entrepreneurs? What associations does «Russian merchant» evoke in them?

The survey results, conducted among junior students of such economic universities as the University of Synergy and the Russian Plekhanov University of Economics showed that out of all Russian entrepreneurs they know only Savva Morozov.

Some students mention the name of Mamontov, only in his material wealth context. Unfortunately such names of large Russian entrepreneurs as Kokorev, Gubonin, Ryabushinsky brothers, are unknown to modern young people. They are also not aware that historically the Russian businessmen were not indifferent to who and how made their fortune, but the pedigree of capital determined the rating of its owner in the Russian business environment [15], and the word «businessman» used to have an exclusively positive meaning – «doer of business», and only in Soviet times did it get a negative connotation, denoting a dishonest person who is engaged in fraud and who makes profit at the expense of the state and deceives him. But morality has been at the core of any Russian «business» from time immemorial. If we look at who was most respected in the Russian business environment even at the beginning of the 20th century, we will see that these were domestic producers, while financial speculators and moneylenders were the least. So Ryabushinsky V. P. noted that an industrialist (manufacturer) stood at the top of the pyramid in the Moscow unwritten merchant hierarchy, then came a merchant-trader, and below stood a man who

gave money in growth, took into account bills, forced to work capital. He was not very respected, no matter how cheap his money was or how decent he was [10].

Buryshkin P. A. accented that a trading company, especially a large one, went into industry, at first it became commercial and industrial, and then completely abandoned trade, that means it sold only goods of its own product [2].

The goal of Russian entrepreneurship has never been to resell goods manufactured by someone and derive maximum profit from it, not to deceive the Russian state, but, to support it and strengthen its industry. But this is only one of the characteristic features of Russian entrepreneurship. According to the author of «Moscow Merchants», the attitude of entrepreneurs to their business was special in Russia, because they looked at their activity not so much as a source of income, but as a noble mission «assigned by God or fate» [2]. It was important how the entrepreneur made money. It was also important how he spent them, and business circles the saying «God blessed with wealth and will require a report on it» at one time was popular in Russian. They cannot fail to mention such names as Morozov, Bakhrushin, Tretyakov, Naydenov and Schukin. These figures not only invested their money (and souls too) in the development of Russian industry and trade, but actively participated in social and cultural-educational activities. The authors of this article adhere to the position that Russian entrepreneurship had a special culture, which, unfortunately, is not widely covered in the educational literature intended for students of economic universities and does not find a response in the public mind. Referring again to the history, we can see the Russian entrepreneur clearly realized that money is only a means, and the goal is culture in the broad sense of the word.

Now students know little about Russian business people, the largest figures in Russia's economic life as was noted above. And the development of a business culture in modern Russia is impossible without studying the history of domestic entrepreneurship and industry.

Now Russia continues to support its economy mainly due to the export of oil and gas. Our students are well aware of this. But do they know that the oil industry in Russia was founded by Vasily Alexandrovich Kokorev? He built an oil refinery in Surukhani in 1857 and later Kokorev established the Baku Oil Society. This business has taken such a pace that Russia had 51% of all world oil production by the end of the century. Kokorev did not sell crude oil, but a highly refined oil product – kerosene at the same time. It should be noted that this kerosene was much better than that produced at that time in America, and its price was significantly lower. Kokorev was called the «merchant candidate

² Rubin Yu. B. Entrepreneurship Fundamentals. – M.: MFPU «Synergy». – 2016. – 464 p.

for finance ministers» [15] in Moscow, because he was distinguished by his desire and ability to clearly define the state objective interests and act in the framework of these interests exclusively.

Now he would be the defender of domestic manufacturer, but he was solving pending economic issues at that time. Rather, he fought for the export of flour, than corn, he did everything and would become a producer of its own finished product that Russia stopped being a European raw material colony. His work in Surukhani at an oil refinery caused not only the boost in technological progress in kerosene production, but also indicated ways to reduce its cost.

Vasily Alexandrovich reviled the Russian manufacturers, he fought with officials for the construction of railways to the commercial sea ports, which the country so needed. Peter Ionovich Gubonin was done a lot of work in terms of railway construction with another entrepreneur-nugget.

His clear civic position was traced not only in the observance of the economic interests of his native state. V. A. Kokorev considered serfdom a disgrace of his native country and fought for its abolition, promoting the idea of buying out serfs and giving them freedom by merging the entire Russian merchants' capital. The preservation of Russian cultural heritage was the entrepreneur Kokorev's achievement. A gallery was established by him accessible for public, where the paintings of Aivazovsky, Bryullov, Levitsky, Kiprensky and other talented artists were flaunted. Later this collection became the entire part of the Tretyakov Gallery and the Russian Museum.

V. A. Kokorev also excelled on the basis of oratory and journalism. He left behind a number of works, as Russian Truth. It is included the idea of preserving Russia identity, using its wealth for the Russian people benefit. «For state though it is time to stop wandering outside its own land, to stop the search for economic foundations outside of Russia and clog violent transplants ... native soil; it's time, it's time to return home and learn about your strength in your people ...» , he wrote in his book «Economic Failures» [7].

Patriotism and high morality were the exclusive features of not only the entrepreneur Kokorev. Above we already mentioned Peter Ionovich Gubonin, who was a vivid example of a Russian nugget who had pulled himself out of the bottom and gained respect among his compatriots in the business community. Former fortress masons, who first opened his small «stone business» and received an order to build stone bridges for the Moscow-Kursk Railway, P.I. Gubonin made his contribution into almost every Russian industry: the Baltic, Ural, Gornozavodskaya, Oryol ways were paved; winemaking and resort business in Gurzuf were developed; polytechnic exhibitions were organized; a lot of technical schools and other culture centers were founded. The former serfdom received

hereditary nobility by a royal decree – «in consideration of his desire to promote public benefit with his labor and commons». P. I. Gubonin was not embittered despite his difficult serf past, but observing his economic interests he devoted his life to work for his native country benefit.

There are examples of other Russian entrepreneurs who worked – really worked, developing industry in their native country, trade, and supported scientific and technological progress, strengthening Russian economic and strategic positions. Russian entrepreneurs viewed their business not only as commerce as noted above, but also a kind of mission, felt their responsibility to the entire Russian people. A researcher of the Moscow merchants Buryshkin P. A. noted that charity and collecting which they looked at as fulfilling some kind of over-assigned duty were unusually developed among Russian entrepreneurs [3].

There is a tendency now, that even the most insignificant charity events garner media coverage. But such 'notable' donations have nothing in common with Russian traditions. Historian Klyuchevsky V.O. stressed that Russia perceived and appreciated only personal, direct charity from hand to hand, moreover, secretly, not only from a prying eye [6]. Savva Timofeevich Morozov makes a good example here. Even in case of his participating in any charity project he was reluctant to announce it in a newspaper. Moreover, he personally took part in the construction of a new hospital – it was not only donating money, but his own efforts in building process, equipment purchasing.

Other Russian philanthropists are also known in history: Alexei Bakhrushin, who acquires exhibits for the theater museum on his own money; Kozma Terentyevich Soldatenkov, who fully financed the construction of the largest medical institution in Moscow and made a huge collection of paintings and published textbooks and other books for many years at his own expense; Gavril Gavrilovich Solodovnikov, who built the largest theater in Moscow at that time and bequeathed all his fortune to the development of Russian provincial schools and colleges. It is obvious that the Russian philanthropic entrepreneurs were united by two other qualities – modesty and selflessness. It was interesting that even abroad considered the Russian patronage a special phenomenon at that time, because they believed that even patronage should generate income. Thus, everyone began to believe that patronage is a very special phenomenon in Russian.

Political writer Yanin notes that Russian business elite was not interested only in making money, the task was to become more than only business people – «to become Creators, Makers of the great Russian Business ... And there could be only one way to turn into an Actor out of a Money maker, ... to step on the path of creation» and to associate themselves with the country and people living in it [15].

Russian businessmen moral qualities of the 21st century: sociability, observation, quick wits, hard work, openness to innovations, faith in one's own strength, lack of template thinking, reasonable risk, own PR, desire «just not to be disturbed».

On the one hand, modern entrepreneurs should continue the traditions of the Russian merchants and take care not only of their own enrichment, but also of their fatherland's economic and spiritual prosperity. On the other hand, the current situation always does not con-

In modern economic conditions, every individual has equal opportunities to succeed in increasing wealth. Modern economy creates the most favorable conditions for entrepreneurship development [11]. But the best results are achieved by the one who is able to combine knowledge, business acumen and moral principles.

1. Bezobrazov, V. P. (1828–1889) *Narodnoye khozyaystvo Rossii. Moskovskaya (tsentral'naya) promyshlennaya oblast* [People's economy of Russia. Moscow (central) industrial region]. Researched by V. P. Bezobrazova. SPb., Vol. 3, 146 p. (In Russ.).

- Интеллект. Инновации. Инвестиции / Intellect. Innovations. Investments • № 5, 2020

dunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Problems of management of socio-economic systems: theory and practice. Materials of the VII International Scientific and Practical Conference]. Pp. 103–107. (In Russ.).

14. Trifonova, V. V. (2017) [Features of teaching the history of Russian entrepreneurship in the framework of the competence-based approach]. *Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk* [Actual problems of the humanities and socio-economic sciences]. Vol. 11, No. S2, pp. 79–81. (In Russ.).

15. Yanin, I. T. (1999) *Kul'tura protiv krizisa, ili Iskustvo zhit' v Rossii* [Culture Against Crisis, or The Art of Living in Russia]. Kaliningrad: Amber Story, 192 p.

Information about the authors:

Andrei Borisovitch Ilin, Ph. D in Economics, Associate Professor of the Department of Innovative Entrepreneurship, Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0002-4055-1814, **Researcher ID:** M-5928-2016

e-mail: ilandeducation@yandex.ru

Yulia Sergeevna Sizova, Ph.D in Economics, Associate Professor of Humanitarian Training Centre, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-002-7760-6436

e-mail: Sizova.YS@rea.ru, ju-si@mail.ru

The paper was submitted: 10.04.2020

Accepted for publication: 19.08.2020.

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация об авторах:

Андрей Борисович Ильин, кандидат экономических наук, доцент кафедры инновационного предпринимательства, Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет), Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0002-4055-1814, **Researcher ID:** M-5928-2016

e-mail: ilandeducation@yandex.ru

Юлия Сергеевна Сизова, кандидат экономических наук, доцент Центра гуманитарной подготовки, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-002-7760-6436

e-mail: Sizova.YS@rea.ru, ju-si@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 10.04.2020; принята в печать: 19.08.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

ТЕОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПОДХОДОВ НА ОСНОВЕ КРИТЕРИЕВ ВЗАИМОСВЯЗИ ЕГО РАЗВИТИЯ СО СТРУКТУРНЫМИ ИЗМЕНЕНИЯМИ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

М. В. Кудина¹, М. А. Сухарева²

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

¹e-mail: Kudina@spa.msu.ru

²e-mail: SuharevaMA@spa.msu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу теоретических подходов теории человеческого капитала и его определений, которой предполагает охват концепций в исторической ретроспективе. Актуальность исследования обусловлена значительным разрастанием терминологического поля, что затрудняет дальнейшее концептуальное развитие теории. Целью статьи является систематизация существующих подходов и основных концепций человеческого капитала с учетом структурных изменений в мировой экономике. В качестве теоретической базы учета структурных изменений была использована теория технологических укладов.

Методология исследования базируется на использовании контент-анализа, исторического и структурного подходов. Базой исследования являются преимущественно классические исследования теории человеческого капитала, а также работы российских ученых за последние десять лет. После завершения сбора научных работ, представляющих концептуализацию теорий человеческого капитала, были проанализированы выборочные работы (выбор производился экспертным путем), представляющие интерес для систематизации и соотнесения концепций человеческого капитала с теорией технологических укладов.

В статье посредством контент-анализа создана многоосевая карта восприятия понятий «человеческого капитала», сформированных с середины XX века по настоящий момент, в результате которых была выявлена логика построения и развития понятия «человеческого капитала», учитываемая в дальнейшем сопоставлении теории человеческого капитала с технологическими укладами. Были разработаны и описаны такие параметры технологических укладов, как «тренды, влияющие на рынок и характер труда» и «образование», так как технологические изменения провоцируют резкие изменения на рынке труда и требований к человеческому капиталу. Описываемые параметры легли в основу соотнесения структурных изменений в мировой экономике и генезиса теории человеческого капитала. В результате предложена систематизация концепций человеческого капитала на основе критериев взаимосвязи со сменой технологических укладов.

Данное исследование может служить основой для дальнейшего исследования человеческого капитала в контексте технологических и мирохозяйственных укладов.

Ключевые слова: человеческий капитал, технологические уклады, образование, компетенции, многоосевая карта восприятия, систематизация теорий человеческого капитала, периодизация теорий человеческого капитала.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07449.

Для цитирования: Кудина М. В., Сухарева М. А. Теория человеческого капитала: систематизация подходов на основе критериев взаимосвязи его развития со структурными изменениями в мировой экономике // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 5. – С. 59–71. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-59.

HUMAN CAPITAL THEORY: SYSTEMATIZATION OF APPROACHES BASED ON THE CRITERIA FOR THE RELATIONSHIP OF ITS DEVELOPMENT WITH STRUCTURAL CHANGES IN THE WORLD ECONOMY

М. V. Kudina¹, M. A. Sukhareva²

Lomonosov State University, Moscow, Russia

¹e-mail: Kudina@spa.msu.ru

²e-mail: SuharevaMA@spa.msu.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the theoretical approaches of the theory of human capital and its definitions involving the coverage of concepts in historical retrospective. The relevance of the issue is due to a rather serious growth of the terminological field, which complicates the further theoretical conceptual development. Therefore, the aim of the article is to systematize existing approaches and basic concepts of human capital based on changes caused by interchangeable technological structures.

The research methodology is based on the use of content analysis, historical and structural approaches. The research basis is classical studies of the theory of human capital as well as the work of Russian scientists over the past ten years. After the collection of scientific papers representing the conceptualization of theories of human capital was completed, selective work was analyzed (the selection was made by experts), which are of interest for systematizing and correlating the concepts of human capital with the theory of technological structures.

Through content analysis, a multi-axis map of the «human capital» perception formed from the middle of the 20th century to the present moment was constructed. Such technological arguments were developed and described as «trends affecting the market and the nature of labor» and «education», as technological changes provoke sharp changes in the labor market and requirements for human capital. Moreover, the factors of its genesis and accumulation are changing. As a result, a systematization of human capital concepts was also proposed based on the criteria for interconnection with a change in technological patterns.

This study can serve as the basis for further research on human capital in the context of technological and world economic structures. As an option to deepen this direction, we can offer an analysis of existing concepts of human capital based on the criteria for the relationship of its development with structural changes in the global economy.

Key words: human capital, technological structures, education, competencies, multi-axis map of perception, systematization of human capital theories, periodization of human capital theories.

Acknowledgements. The research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of scientific project № 19-29-07449.

Cite as: Kudina, M. V., Sukhareva, M. A. (2020) [Human capital theory: systematization of approaches based on the criteria for the relationship of its development with structural changes in the world economy] *Intellect. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 59–71. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-59.

Введение

В современной экономике человеческий капитал является главным стратегическим ресурсом развития, оказывающим непосредственное влияние на экономический рост и общественное благосостояние, поэтому все большее внимание мировой экономической литературы посвящено его генерированию и развитию. Однако актуальность разработки различных элементов теории породило достаточно серьезное разрастание терминологического поля, что затрудняет дальнейшее концептуальное развитие теории. Поэтому целью статьи является систематизация существующих подходов и основных концепций человеческого капитала на основе изменений, вызванных сменной технологических укладов.

Методология исследования базируется на использовании контент-анализа, исторического и структурного подходов. Базой исследования являются преимущественно классические исследования теории человеческого капитала, а также работы российских ученых за последние десять лет. После завершения сбора научных работ, представляющих концептуализацию теорий человеческого капитала, были проанализированы выборочные работы (выбор производился экспертным путем), представляющие интерес для систематизации и соотнесения концепций человеческого капитала с теорией технологических укладов.

Анализ определений человеческого капитала

Анализ определений человеческого капитала призван выявить сущностные элементы человеческого капитала для выделения тенденций трансформации концептуализации человеческого капи-

тала. Для определения сущностных дефиниций в содержании человеческого капитала был проведен контент-анализ и построена многоосевая карта восприятия (рисунок 1).

По ходу анализа были выявлены тенденции изменений в содержании человеческого капитала в процессе развития теории. Первоначально делался акцент на том, что человеческий капитал – это совокупность знаний, навыков, опыта, компетенций, способностей: использовались различные комбинации этих элементов в дефиниции. В части исследований учитываются только приобретенные способности [33], другие учитывают и врожденные [32]. Знания и навыки в определениях не конкретизируются. Зато в более современных работах начинают конкретизироваться компетенции и способности: «исследовательские компетенции», «инструментальная грамотность», «кооперация», «универсальные «компетенции XXI века», «организаторские способности», «предпринимательские способности», «производительные способности», «способности к труду», «способность к непрерывному обучению» и др. Данная тенденция объясняется изменениями, происходящими в подходах к измерению человеческого капитала: для разнообразия количественных параметров и получения более точной информации о качестве человеческого капитала исследователи ищут качественные параметры, в том числе показатели оценки компетенций и способностей. Если первоначально речь шла преимущественно о когнитивных компетенциях, например, в исследованиях Э. Ханушкена, который использует результаты тестов TIMMS и PISA как индикаторы когнитивных навыков [24], то сегодня предлагается использо-

вать некогнитивные компетенции – экстраверсию, доброжелательность, добросовестность, эмоциональную устойчивость, открытость новому опыту [25], а также универсальные – креативность, критическое мышление, переобучаемость, организованность – в определении качества человеческого капитала [11]. Более того, все чаще в дефинициях человеческого капитала можно встретить упоминание иных личностных характеристик, помимо

вышеперечисленных: «персональные характеристики», «репутация», «социальный интеллект», «эмоциональный интеллект» и др. Все большее значение начинает приобретать креативные способности. Также все чаще можно встретить упоминание культурного компонента человеческого капитала. Как видно, общей тенденцией является гуманизация, которая затрагивает методологию теории человеческого капитала [10, с. 16].

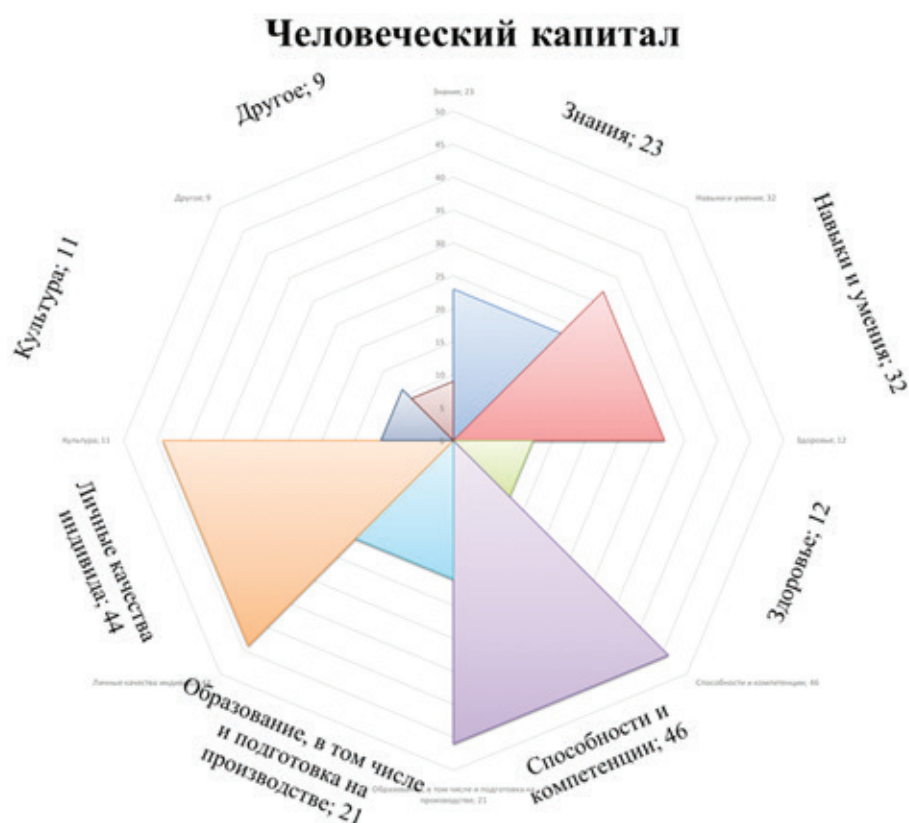

Рисунок 1. Многоосевая карта восприятия понятия «человеческого капитала»

Все эти компоненты приобретаются и развиваются в результате формального и неформального образования, обучения в процессе экономической деятельности на производстве. При этом можно констатировать, что непосредственное упоминание образования встречается далеко не во всех определениях, в некоторых оно рассматривается как саморазумеющееся явление.

Периодически в понятие включается компонент здоровья или здравоохранение. Современной тенденцией является подразделение здоровья на физическое и морально-психологическое [3].

В определении также периодически встречается упоминание целесообразности его использования: влияние на повышение производительности труда [6] и продуктивность индивида, источник создания новой стоимости, увеличение благосостояния, как общества, так и отдельного индивида

[8, с. 82], источник дохода [1].

Главным элементом в каждом определении человеческого капитала является его сущностная характеристика – человеческий капитал как инвестиция, человеческий капитал как совокупность расходов, человеческий капитал как поток доходов, которая является отображением типов методологии его измерения.

Все вышеперечисленное относится к теории человеческого капитала, основателями которой являются Г. Беккер [22] и Т. Шульц [32]. Классические и более современные определения человеческого капитала строятся по следующей логике: определяется сущностная характеристика, зная которую можно предположить последующий метод оценки человеческого капитала, далее, идут содержательные компоненты, которые, во-первых, можно свести к совокупности знаний, навыков и компетенций,

полученных в результате образовательной деятельности и обучения на производстве, во-вторых, различные уточнения основных элементов, которые являются отображением тенденций, или «мейнстримов», в экономической науке. Логику построения современных дефиниций человеческого капитала необходимо учесть при выработке понятий необходимых для сопоставления со структурными изменениями. Также построение такой системы подразумевает учет генезиса теории человеческого капитала.

Генезис теории человеческого капитала

Истоки теоретических исследований, посвященных человеческому капиталу, а именно производительным силам индивида, можно найти в работах классиков экономики: А. Смита, К. Маркса, А. Маршалла и др. В классической школе человеческий капитал выступает как приобретенные способности, которые используются как средство, реализуемое в процессе труда с целью увеличения производительности. А. Смит считал, что «увеличение производительности полезного труда зависит, прежде всего, от повышения ловкости и умения рабочего, а затем от улучшения машин и инструментов, с помощью которых он работает» [15, с. 490]. Также, не выделяя как самостоятельное явление, К. Маркс рассматривал человеческий капитал, но уже в контексте соотношения свободного времени: «Время – это простор для развития способностей» [13, с. 264], именно оно ведет к дальнейшему развитию человеческого интеллекта, и как результат, производительных сил, являющихся «овеществленной силой знаний» [13, с. 213–214, 274].

В начале XX века генезис теории человеческого капитала шел в нескольких, ранее не связанных, направлениях. Во-первых, теория человеческого капитала, а именно человеческого капитала рабочих, была воплощена в теориях управления: тейлоризм, фордизм. Индивид, а точнее его действия, становятся предметом этих теоретических концепций: наблюдается максимальная специализация труда, упрощение трудовых операций, новая организация труда, отделение производства от управления, спрос на низкоквалифицированный труд. В 30-х годах после автоматизации производства появляется необходимость в квалифицированных работниках, изучается их мотивация, факторы, влияющие на повышение производительности труда [14]. Для того характерна концентрация внимания менеджмента на работнике, а не его способностях.

Во-вторых, в XX веке активно развивается та область экономических исследований, которая посвящена изучению человеческого капитала. До формирования целостной концепции, неоклассическая

школа в лице А. Маршалла рассматривала его преимущественно на микроуровне и определяла человеческий капитал как «персональный капитал» – накопления в виде вкладов в образование [29, р. 619]. Неокейнсианское направление расширяет определение человеческого капитала, детерминируя его как «меру воплощенной в человеке способности приносить доход» [17]. Эта способность включается в себя как врожденные навыки и особенности, так и приобретенные в виде образования и квалификации [17]. Работы этого периода рассматривали в качестве человеческого капитала индивида его производственные способности, которые задействуются в трудовом процессе.

В-третьих, параллельно с этим происходит зарождение и распространение массового образования. В США и Европе это было связано с технологическим и инновационным развитием. Одновременно с упрощением трудовых операций простых рабочих и автоматизацией труда экономика нуждалась в квалифицированной рабочей силе для налаживания такого производства и для создания и обеспечения инновационной деятельности. В этой связи можно вспомнить Й. Шумпетера и его концепцию предпринимательства, в соответствии с которой ключевой фигурой в инновационном процессе является предприниматель: «Предпринимателями же мы называем хозяйственных субъектов, функцией которых является как раз осуществление новых комбинаций и которые выступают как его [предприятия] активный элемент» [21, с. 142].

В СССР, в первую очередь, образование стало основой социальной дифференциации: ускорение мобильности в сфере высшего образования одних социальных групп и торможение других. При этом советская экономика также нуждалась в профессиональных кадрах для обеспечения экономического роста. Это привело к активному распространению массового образования в Советском пространстве.

Формирование теории человеческого капитала как самостоятельной концепции происходит в период становления и развития теорий о постиндустриальном обществе, вызванных изменениями в общественно-экономической системе, результатом которых стал поворот общественных наук к «реальному» человеку (таблица 1):¹

- автоматизация производства;
- переход от занятости в промышленности к занятости в сфере услуг;
- изменения в характере труда;
- высокий темп развития информационно-коммуникативной сферы;
- потребность в специфическом человеческом капитале.

¹ Появление экономической психологии, экономической социологии, поведенческой экономики и др.

В сервисной экономике, информационной экономике, экономике знаний и др. концепциях человеческий капитал становится одним из ключевых элементов постиндустриального общества.

Так, в 60-х годах в связи с переходом на новый технологический уклад для обеспечения устойчивого экономического роста, в котором особую роль играет человеческий капитал, начинает признаваться его ценность и происходит его концептуализация. Т. Шульц исследует человеческий капитал с позиции выявления сложных закономерностей на макроуровне в социально-экономическом развитии. Г. Беккер изучает взаимозависимость доходов индивида и организации от знаний, способностей, здоровья и других характеристик человека, рассматривая расходы на человеческий капитал как инвестиции. Классическая теория человеческого капитала предполагает, что индивид получает образование, повышает свою квалификацию, то есть вкладывает время и деньги в развитие своих врожденных способностей и приобретенных навыков с учетом соотношения экономической отдачи от этих действий с альтернативной стоимостью затраченных усилий. Он осуществляет инвестирование в себя с целью получения повышенного дохода в будущем. По мнению Ф. Махлупа, именно усовершенствования, которые осуществляется индивидом за счет этих вложений, направленных на увеличение физических и умственных способностей, составляют человеческий капитал [28, р. 419]. Неоклассическая теория придерживается подхода, в соответствии с которым человеческий капитал – это «приведенная стоимость прошлых инвестиций в навыки людей, а не ценность людей самих по себе» [23, р. 19].

Во второй половине XX века наблюдается развитие методологии оценки человеческого капитала: помимо сопоставления уровней образования и доходов, появляются методы межстрановых сопоставлений и метод оценки эффективности образования с точки зрения «требований производства» [19, с. 12]. Происходит постепенная смена фокуса с исследований общего человеческого капитала на изучение специфического. Как пример, Дж. Минсера и Н. Хигучи писали о том, что дополнительные инвестиции организации в специфический человеческий капитал приводит к снижению географической мобильности, повышению уровня доходов индивида [30]. Далее, исследователи – Дж. Минсер, Г. Псахаропулос, Т. Шульц и др. – сформировали идею о необходимости управления образованием и повышением квалификации на макро- и микроуровне [19, с. 12, 14], определив тем самым общее последующее направление исследований человеческого капитала.

К концу XX века – началу XXI века внимание ученых переносится на исследования челове-

ского капитала в профессиональном и отраслевом разрезах. В первую очередь, такое перенос был вызван достаточно быстрым формированием среднего класса, состоящего из квалифицированных управленцев и работников умственного труда, получающих большую отдачу от вложений в образование [31], [34]. Впоследствии начинаются исследования накопления и распределения человеческого капитала в профессионально-отраслевом срезе с точки зрения неравенства или его неравномерного распределения [26], [27], в том числе в межстрановом анализе [2], [28].

Как итог, в XX веке человеческий капитал рассматривается с позиции инвестиций в него и их влияния на доходы индивида и оценивается преимущественно в количественных показателях.

В России теория человеческого капитала как самостоятельная концепция получила свое развитие только в 90-х годах с начала формирования постиндустриального общества [5], [9], хотя интерес к индивиду наблюдался и до этого [2, с. 132–133]. Однако исследования непосредственно человеческого капитала в российской действительности связан, прежде всего, с формированием рыночной экономики на ее территории. Тогда как классические теории рассматривают человеческий капитал с точки зрения инвестиций в образование и здравоохранение, в экономической мысли советского периода человеческий капитал не мог рассматриваться как предмет исследования так предмет исследования не мог быть поставлен вследствие отсутствия рынка труда и капитала. В постсоветский период появляются начинают формироваться взгляды на природу человеческого капитала. Так, С. Дятлов рассматривал человеческий капитал как запас здоровья, знаний, умений, который используется в общественном производстве, образуется за счет инвестиций и который влияет на производительность труда и доходы человека [7, с. 83]. Р. Капелюшников также использует «классическое» определение человеческого капитала, представляя его как запас знаний, способностей и мотивации, который закладывает основу для повышения производительности и доходов индивида в будущем, но вводя при этом такую характеристику капитала как формирование его за счет отвлеченных средств от текущего потребления [8, с. 4].

Помимо этого, в российской науке ведутся исследования человеческого капитала в профессионально-отраслевом срезе, однако носит преимущественно проблемный характер: неактивность российских рабочих в дополнительном образовании [12], проблемы здравоохранения российских рабочих [16], социальная мобильность ученых [20], человеческий капитал современного российского села [18].

В настоящее время теория человеческого капитала призвана ответить на новые вызовы современ-

ного общества, в первую очередь, продиктованные технологическими изменениями. Так, современный этап экономического развития характеризуется следующими процессами на рынке труда (таблица 1):

- воздействие новых технологий на занятость;
- «экономика свободного заработка»;
- цифровизация экономики;
- формирование и распространение цифровых платформ;
- развитие социальных сетей;
- автоматизация.

В результате, как говорилось ранее, происходит гуманизация теории человеческого капитала: все большее значение приобретают качественные показатели, характеризующие навыки и компетенции индивида, наука стремится создать наиболее правдоподобную модель индивида, ведется активная дискуссия о содержании универсального набора компетенций, который позволит успешно функционировать на рынке труда в нынешних условиях. Проблема аккумуляции и актуализации человеческого капитала переходит в область национального развития: качество человеческого капитала оказывает первостепенное влияние на экономическое развитие страны.

Под воздействием новых технологий актуализируются вопросы занятости в связи с появлением новых профессий, резкое снижение спроса на некоторые старые профессии или их трансформация с учетом новых реалий. Иными словами, происходит сокращение занятости в традиционном секторе, но появляется спрос в новых. Рынок труда трансформируется в результате технологического прогресса, демографических сдвигов, процессов урбанизации и интеллектуализации экономики. Уже сегодня происходит автоматизация монотонных типовых процессов² и признан дефицит когнитивных навыков высокого порядка, социальных и поведенческих навыков компаниями на рынке труда, чего не было еще пару десятилетий назад³. Современные реалии требуют новых подходов к оценке и развитию человеческого капитала, которые сегодня активно разрабатываются научным сообществом.

Все описываемые этапы развития консолидируются в систему периодизации генезиса теории человеческого капитала. За основу периодизации этапов генезиса теории человеческого капитала можно взять вариант В. А. Аникина, который выделил пять этапов развития:

- доиндустриальный этап (до конца XVIII века);

- этап массового обучения (XIX – первая половина XX века);

- позднеиндустриальный этап (1960–1970-е гг.);

- первый постиндустриальный этап (1980–2000-е гг.);

- второй постиндустриальный этап (2000–2010-е гг.) [3].

Эта периодизация осуществлена на базе господствующего типа хозяйствующей системы, характера общественных отношений и степени внимания к исследованию человеческого капитала. Она достаточно близка к построению единой модели генезиса концепций человеческого капитала на основе изменений, вызванных сменной технологических укладов, однако, ее все же стоит назвать трамплином для построения более полной модели генезиса в соотнесении со структурными изменениями из-за смены технологических укладов, затрагивающими человеческий капитал.

Систематизация концепций человеческого капитала на основе критериев взаимосвязи его развития со структурными изменениями в мировой экономике

Теория технологических укладов была сформирована и разработана С. Ю. Глазьевым [4], в соответствии с которой технологические революции делят период с конца XVIII века на шесть этапов, каждый из которых характеризуется единым технологическим уровнем производства. Новые технологии оказывают влияние не только на социально-экономическую среду – основные экономические институты, международные режимы экономического регулирования и другое, но и на рынок труда и организацию инновационной деятельности. В результате, изменения, вызванные вначале переходом к новому технологическому укладу, а затем и социально-экономическим развитием определяют тренды, влияющие на рынок и характер труда. Поэтому в качестве варианта дальнейшего развития теории человеческого капитала предлагается соотнести ее с теорией технологических укладов, что позволит более концептуально и предметно исследовать и оценивать человеческий капитал стран и регионов. Во-первых, в таблице 1 приводятся дополнительные характеристики технологических укладов, затрагивающие элементы теории человеческого капитала. Во-вторых, на основе синтеза приведенной выше периодизации генезиса теории человеческого капитала и технологических укладов была составлена в таблице 2 их соотнесения.

² Аналитический доклад: «Будущее рынка труда. Противоборство тенденций, которые будут формировать рабочую среду в 2030 году» [Электронный источник] / PWC. – 2018. – 40 с. Режим доступа: <https://www.pwc.ru/ru/publications/workforce-of-the-future-rus.pdf> (дата обращения: 03.06.2020).

³ Развитие навыков для инновационного роста в России. – М.: «Алекс», 2015. – С. 44.

Таблица 1. Теория человеческого капитала в рамках технологических укладов

Характеристика уклада	Номер технологического уклада				
	1	2	3	4	5
Период доминирования	1770–1830 годы	1830–1880 годы	1880–1930 годы	1930–1980 годы	от 1980–1990 годов до 2030–2040 (?) годов
Ключевой фактор	Текстильные машины	Паровой двигатель, станки	Электродвигатель, сталь	Двигатель внутреннего сгорания, нефтехимия	Микроэлектронные компоненты
Организация инновационной активности в странах-лидерах	Организация научных исследований в национальных академиях и научных обществах, местных научных и инженерных обществах. Индивидуальное инженерное и изобретательское предпринимательство и партнерство.	Формирование научно-исследовательских институтов. Формирование национальных и международных систем охраны интеллектуальной собственности.	Создание внутрифирменных научно-исследовательских отделов. Использование ученых инженеров с университетским образованием в промышленности. Национальные институты и лаборатории.	Специализированные научно-исследовательские (НИ) отделы в большинстве фирм. Гос. субсидирование военных НИ и ОКР. Вовлечение государства в сферу гражданских НИОКР. Передача технологий посредством лицензий и инвестиций транснациональными корпорациями.	Горизонтальная интеграция НИОКР, проектирования производства и обучения. Вычислительные сети и совместные исследования. Гос. поддержка новых технологий и университетско-промышленное сотрудничество. Новые режимы собственности для программного продукта и биотехнологий.
Тренды, влияющие на рынок и характер труда	Спрос на неквалифицированный рабочий труд; Спрос на навыки ручного труда; Мелкосерийное производство на базе универсальных машин; Простое разделение труда; Интенсивность труда определяется самими рабочими.	Спрос на неквалифицированный рабочий труд; Спрос на навыки ручного труда; Спрос на навыки ручного труда; Потребность в базовом человеческом капитале.	Усиление специализации труда; Автоматизация производства; Спрос на навыки ручного труда; Потребность в базовом человеческом капитале.	Усиление специализации труда; Автоматизация производства; Спрос на навыки ручного труда; Потребность в базовом человеческом капитале.	Автоматизация производства; Высокая доля сферы услуг в структуре национальной экономики; Переход от занятости в промышленности к занятости в сфере услуг; Изменения в характере труда (если раньше труд выступал как взаимодействие человека с природой, то в постиндустриальном обществе он становится взаимодействием между людьми); Высокий темп развития информационно-коммуникативной сферы Информатизация – Web 1.0-3.0; Потребность в специфическом человеческом капитале; Процессы экономической, технологической и культурной глобализации; Изменение роли женщин: они впервые получают надежную основу для экономической независимости; Женщины в сфере услуг; Наличие значительных инвестиций в образовательную и научную сферы; Развитие системы современного образования.
					Переход к непрерывному инновационному процессу и образованию. Коммерциализация науки и научно-производственная интеграция, компьютерное управление жизненным циклом продукции. Экономика знаний.
					Воздействие новых технологий на занятость; «Экономика свободного заработка»; Цифровизация экономики; Цифровые платформы; Процессы экономической, технологической и культурной глобализации; Социальные сети; Автоматизация повышает ценность когнитивных навыков высшего порядка; растет спрос на когнитивные и социально-поведенческие навыки, не связанные с рутинным трудом; Web 4.0; Индустрия 4.0; Рост продолжительности жизни; Рост уровня урбанизации; Изменение модели детства.

Продолжение таблицы 1

Характеристика уклада	Номер технологического уклада					
	1	2	3	4	5	6
Образование	Профессиональное обучение кадров с отрывом и без отрыва от производства.	Ускоренное развитие профессионального образования и его интернационализация.	Элитарное образование ² ; Начало образовательной модернизации - экстенсивное расширение образования (рост количественных показателей образовательного уровня населения: увеличение среднего количества лет обучения во всех странах происходило главным образом за счет начального и частично среднего образования); Всеобщее начальное образование. Начало специализации в высшем образовании; Доля профессионального образования, где качество имеет существенное значение, сравнительно невелика. Россия: образование как эффективный инструмент классовой борьбы и классового господства: ускорение мобильности в сфере высшего образования одних социальных групп и торможение других.	Массовое образование - индустриальная модель массового образования как средство удовлетворения потребности промышленной революции в рабочей силе, необходимости для работы в промышленности или в государственном бюрократическом аппарате: накопление человеческого капитала посредством бурного развития системы массовых и институционализированных форм образования ³ .	Массовое образование; Образование «Один раз и на всю жизнь»; Начало построения взаимодействия университетов с бизнесом и государством – формирование «тройной спирали».	Образование в течение всей жизни; Цифровизация образования; Усиление международной академической мобильности; Персонализация образования; Построение индивидуальных образовательных траекторий; Создание цифровых профилей компетенций.

Примечание: составлено автором с использованием [4], [14].

Таблица 2. Систематизация теорий человеческого капитала с учетом технологических укладов

Характеристика теории ЧК	Номер технологического уклада				
	1	2	3	4	5
Период доминирования уклада	1770–1830 годы	1830–1880 годы	1880–1930 годы	1930–1980 годы	от 1980–1990 годов до 2030–2040 (?) годов
Представители	Пети У. Рикардо Д. Смит А.	Маркс К.	Тейлор Ф. Граммши А. Маршалл А. Шумпетер Й.	Беккер Г. Шульц Т. Минсер Дж. Кендрик Дж. Гелбрейт Дж.	Вейл Д. Добринин, А. И. Дятлов С. А. Капелюшников Р. И. Кларк Г. Корчагин Ю. А. Критский, М. М. Мау В. А. Минсера Дж. Псахаропулос Г. Хигучи Н.
Сущность ЧК	Производительные силы индивида, приобретенные способности, реализуемые в процессе труда.	Производительные силы индивида, процесс общественного производства.	Производительные способности, которые задействуются в трудовом процессе.	Приведенная стоимость прошлых инвестиций в навыки людей, а не ценность людей самих по себе.	Инвестиции в ЧК и влияния их на доходы индивида, оцениваются преимущественно в количественных показателях.
Предмет исследования	Производительность труда.	Производительность труда.	Производительность труда. Исследования на микроуровне.	Общий человеческий капитал. Исследования на макроуровне.	Специфический человеческий капитал. Особенности в профессионально-отраслевом срезе.
Факторы, влияющие на развитие теории человеческого капитала	Исследование факторов благосостояния народа: благосостояние народа определяется главным образом числом рабочих и качеством их навыков.	Проблема экономического принуждения и эксплуатации наемного труда.	Появление разграничения в экономической науке экономического роста и развития, появление теории предпринимательства.	Изменения в социальной политике государства: увеличение вложений государства в человеческий капитал.	Выявление различий разных групп человеческого капитала и необходимость его расчета. Идея преодоления социально-экономического неравенства.
Основной вклад	Основы воспроизводства человеческого капитала: человеческий фактор включает не только труд, но и научные знания и квалификацию.	Концепция стоимости рабочей силы.	Предпринимательская способность как четвертый фактор производства.	Расходы на образование как инвестиции.	Появление различных методик оценки человеческого капитала.
					Абалкин, Л. И. Аникин, В. А. Гимпельсон В. Е. Капелюшников Р. И. Каравай, А. В. Карц Т. Кузьминов Я. Лагова, Н. В. Нуреев, Р. М. Сорокин П. Фрумин И. Ханушек Э. Вейл Д. Хемман Дж. Запас знаний, способностей и компетенций, способствующих повышению производительности и доходов индивида в будущем. Общий и специфический человеческий капитал в количественной и качественной оценке. Высвобождение большого объема рабочей силы из традиционных областей и высокий спрос в новых. Автоматизация и роботизация приводят к спросу такого набора квалификаций, который не мог бы быть заменен технологиями. Расширение понятия человеческого капитала и появление новых подходов.

Заключение

Теория человеческого капитала существовала в том или ином виде на протяжении всей истории экономической мысли, но ее бурное развитие началось со второй половины XX века. Как результат, в настоящее время в экономической науке существует расширенное терминологическое поле, которое нуждается в систематизации, а реалии современного мира, детерминированные высокими темпами технологического развития и переходом к шестому технологическому укладу, порождают необходимость рассмотрения человеческого капитала в контексте технологических укладов, что позволяет наиболее четко соотнести концепции со структурными изменениями в мировой экономике.

В статье была выявлена логика построения и развития понятия «человеческого капитала», которая учитывается в дальнейшем сопоставлении теории человеческого капитала с технологическими укладами. Были разработаны и описаны такие параметры технологических укладов, как «тренды, влияющие на рынок и характер труда» и «образование», так как технологические изменения провоцируют резкие изменения на рынке труда и требований к человеческому капиталу. Более того, меняются факторы его генезиса и накопления, что позволило положить в основу систематизации концепций человеческого капитала идею технологических укладов и соотнести их с тенденциями структурных изменений в мировой экономике.

Литература

1. Абалкин Л. И. Парадоксы измерения человеческого капитала // Вопросы экономики. – 2009. – № 9. – С. 51–70.
2. Аникин В. А. Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки // Экономическая социология. – 2017. – № 4. – С. 120–156.
3. Ворожбит О. Ю., Даниловских Т. Е., Кузьмичева И. А., Уксуменко А. А. Человеческий капитал организации в разрезе стоимости бизнеса: монография / Под общей научной редакцией д-ра экон. наук О. Ю. Ворожбит. – Владивосток: изд-во ВГУЭС, 2017. – 129 с.
4. Глазьев С. Ю. Новый мирохозяйственный уклад. Модель для сборки // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2018. – Т. 210. – № 2. – С. 240–246.
5. Добрынин А. И., Дятлов С. А., Коннов В. А., Курганский С. А. Производительные силы человека: структура и формы проявления. – СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1993. – 163 с.
6. Добрынин А. И., Дятлов С. А., Цыренова Е. Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. – СПб.: Наука, 1999. – 312 с.
7. Дятлов С. А. Теория человеческого капитала. – СПб: изд-во СПбГУЭФ, 1994. – 141 с.
8. Капелюшников Р. И. Концентрация человеческого капитала. Критика современной буржуазной политэкономии. – М.: Наука. – 1977. – 582 с.
9. Клинова М. В., Сидорова Е. А. Человеческий капитал в Европейском союзе: государственный и наднациональный контексты // Вопросы экономики. – 2012. – № 8. – С. 80–97.
10. Кудина М. В., Сухарева М. А. Социально-гуманитарное образование в экономике знаний // Государственное управление. Электронный вестник. – 2017. – № 65. – С. 5–22.
11. Кузьминов Я., Сорокин П., Фрумин И. Общие и специальные навыки как компоненты человеческого капитала: новые вызовы для теории и практики образования // Форсайт. – 2019. – Т. 13. – № 2. – С. 19–41.
12. Латова Н. В. Российские рабочие сквозь призму теории человеческого капитала // Общественные науки и современность. – 2018. – № 3. – С. 33–50.
13. Маркс К. Капитал. Соч. – 2-е изд. – Т. 46. – 618 с.
14. Нуреев Р. М., Карапаев О. В. Три этапа становления цифровой экономики // Journal of Economic Regulation. – 2019. – Т. 10. – № 2. – С. 6–27.
15. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 490 с.
16. Тихонова Н. Е. Особенности здоровья и возрастная структура российских рабочих – традиции против изменений // Журнал исследований социальной политики. – 2018. – Т. 16. – № 2. – С. 311–326.
17. Флек М. Б., Заковоротный В. Л., Угнич Е. А. Синергетический подход к оценке человеческого капитала предприятия // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – 2019. – Т. 12. – № 6. – С. 161–173.
18. Хагуров А. А. Человеческий капитал современного российского села. // Модернизация социальной структуры российского общества / Отв. ред. З.Т. Голенкова. – М.: Институт социологии РАН. – 2008. – С. 195–220.
19. Цыренова А. А. Развитие человеческого капитала в условиях трансформации и институциональной среды. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2006. – 170 с.
20. Шматко Н. А. Научный капитал как драйвер социальной мобильности ученых // Форсайт. – 2011. – Т. 5. – № 3. – С. 18–32.

21. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс. – 1982. – 455 с.
22. Becker G. S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. Chicago and London: The University of Chicago Press. – 1993. – 418 p.
23. Blaug M. An Introduction to the Economics of Education. London. – 1970. – 363 p.
24. Hanushek E. A., Wosmann L. The Role of Education Quality in Economic Growth // World Bank Policy Research WP. – 2007. – № 4122. [Электронный источник]. – Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/en/260461468324885735/pdf/wps4122.pdf> (дата обращения: 27.01. 2020).
25. Heckman J. J., Kautz T. (2012) Hard Evidence on Soft Skills. Labour Economics. – Vol. 9. – № 4. – pp. 451–464.
26. Kambourov G., Manovskii I. Occupational Specificity of Human Capital. International Economic Review. – 2009. – № 50 (1). – pp. 63–115.
27. Lerman R. I. Skill Development in Middle Level Occupations: The Role of Apprenticeship Training. IZA Policy Paper. – 2013. – №. 61–36 p.
28. Machlup F. The Economics of information and Human Capital / F. Machlup. – Princeton, 1984.
29. Marshall A. Principles of Economics / A. Marshall. – London: Macmillan and Co., 1961. – 619 p.
30. Mincer J., Higuchi Y. Wage Structures and Labor Turnover the United States and Japan // Journal of the Japanese and International Economics. – 1988. – № 2. – pp. 97–133.
31. Routh G. Occupations of the People of Great Britain, 1801–1981. London: Macmillan Press. 1987. – 84 p.
32. Schulz T.W. Human Resources (Human Capital: Policy Issues and Research Opportunities). New York: National Bureau of Economic Research. 1972. – 84 p.
33. Thurow L. Investment in Human Capital. Belmont. – 1970. – 104 p.
34. Wyatt I. D., Hecker D.E. Occupational Changes During the 20th Century. Monthly Labor Review. – March, 2006. – pp. 35–57.

References

1. Abalkin, L. I. (2009) [Paradoxes of measuring human capital]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics]. Vol. 9, pp. 51–70. (In Russ.).
2. Anikin, V. A. (2017) [Human capital: the formation of the concept and basic interpretations]. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Economic Sociology]. Vol. 4, pp. 120–156. (In Russ.).
3. Vorozhbit, O. Yu. (2017) [The human capital of an organization by business value: monograph]. Vladivostok: VGUES, 129 p.
4. Glaz'ev, S. Yu. (2018) [New peaceful stock. Model for assembly]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Scientific works of the free economic society of Russia]. Moscow: Publishing house of Moscow University. Vol. 210. Issue 2, pp. 240–246. (In Russ.).
5. Dobrynin, A. I., Dyatlov, S. A., Konnov, V. A., Kurganskij, S. A. (1993) *Proizvoditel'nyye sily cheloveka: struktura i formy proyavleniya* [Human productive forces: structure and forms of manifestation]. SPb.: Publishing house of SPbUEF, 163 p.
6. Dobrynin, A. I., Dyatlov S. A., Cyrenova E. D. (1999) [Human capital in a transitive economy: formation, evaluation, use efficiency]. SPb.: Science, 312 p.
7. Dyatlov, S. A. (1994) [Theory of human capital]. SPbGUEF, 141 p.
8. Kapelyushnikov, R. I. (1977) *Kontsentratsiya chelovecheskogo kapitala. Kritika sovremennoy burzhuaiznoy politekonomii* [Concentration of human capital. Criticism of modern bourgeois political economy]. Moscow: Science, 582 p.
9. Klinova, M. V., Sidorova, E. A. (2012) [Human capital in the European Union: state and supranational contexts]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics]. Vol. 8, pp. 80–97. (In Russ.).
10. Kudina, M. V., Suhareva, M. A. (2017) [Social and humanitarian education in the knowledge economy]. *Gosudarstvennoye upravlenie. Elektronnyy vestnik (Elektronnyy zhurnal)* [Public Administration. Electronic Bulletin (Electronic Journal)]. Vbol. 65, pp. 5–22. (In Russ.).
11. Kuz'minov, Ya., Sorokin, P., Frumin, I. (2019) [General and special skills as components of human capital: new challenges for the theory and practice of education]. *Forsajt [Foresight]*. Vol. 13. № 2, pp. 9–41. (In Russ.).
12. Latova, N. V. (2018) [Russian workers through the prism of the theory of human capital]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. Vol. 3, pp. 33–50. (In Russ.).
13. Marks, K. *Kapital* [Capital]. 2nd edition. Vol. 46, 618 p.
14. Nureev, R. M., Karapaev, O. V. (2019) [Three stages of the formation of the digital economy]. *Journal of Economic Regulation* [Journal of Economic Regulation]. Vol. 10. № 2, pp. 6–27. (In Russ.).
15. Smit, A. (1962) *Issledovaniye o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [Research on the nature and causes of the wealth of peoples] Moscow : Socekiz, 490 p.

16. Tihonova, N. E. (2018) [Features of health and age structure of Russian workers – traditions against change]. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki* [Journal of Social Policy Studies]. Vol. 16, № 2, pp. 311–326. (In Russ.).
17. Flek, M. B., Zakovorotnyj, V. L., Ugnich, E. A. (2019) [Synergetic approach to assessment of human capital in enterprises]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki* [St. Petersburg State Polytechnical University journal. Economics]. Vol. 12, No. 6, pp. 161–173. (In Russ.).
18. Hagurov, A. A. (2008) *Chelovecheskiy kapital sovremennogo rossiyskogo sela. Modernizatsiya sotsial'noy struktury rossiyskogo obshchestva* [Human capital of the modern Russian village. Modernization of the social structure of Russian society]. Moscow: Institut sociologii RAN, pp. 195–220.
19. Cyrenova, A. A. (2006) *Razvitiye chelovecheskogo kapitala v usloviyakh transformatsii i nstitutsional'noy sredy* [The development of human capital in a transformational and institutional environment]. Ulan-Ude: Publ. house VSGTU, 170 p.
20. Shmatko, N. A. (2011) [Scientific capital as a driver of social mobility of scientists]. *Forsajt. [Foresight]*. Vol. 5, № 3, pp. 18–32. (In Russ.).
21. Shumpeter, J. (1982) *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya* [Theory of economic development]. Moscow: Progress, 455 p.
22. Becker, G. S. (1993) Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. *Chicago and London: The University of Chicago Press*, 418 p.
23. Blaug, M. (1970) An Introduction to the Economics of Education. *London*, 363 p.
24. Hanushek, E. A., Wosmann, L. (2007) The Role of Education Quality in Economic Growth // World Bank Policy Research WP, Vol. 4122. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/260461468324885735/pdf/wps4122.pdf> (accessed: 27.01. 2020) (In Engl.).
25. Heckman, J. J., Kautz, T. (2012) Hard Evidence on Soft Skills. *Labour Economics*. Vol. 9, № 4, pp. 451–464. (In Engl.).
26. Kambourov, G., Manovskii, I. (2009) Occupational Specificity of Human Capital. *International Economic Review*. Vol. 50 (1), pp. 63–115. (In Engl.).
27. Lerman, R. I. (2013). Skill Development in Middle Level Occupations: The Role of Apprenticeship Training. IZA Policy Paper. Vol. 61 Bonn: Institute for the Study of Labor. IZA Policy Paper, 36 p.
28. Machlup, F. (1984) The Economics of information and Human Capital. Princeton, 419 p.
29. Marshall, A. (1961) Principles of Economics. *London: Macmillan and Co*, 619 p.
30. Mincer J., Higuchi Y. (1988) Wage Structures and Labor Turnover the United States and Japan. *Jornal of the Japanese and International Economics*. Vol. 2, pp. 97–133 p. (In Engl.).
31. Routh, G. (1987). Occupations of the People of Great Britain, 1801–1981. London: *Macmillan Press*, 84 p.
32. Schulz, T.W. (1972) Human Resources (Human Capital: Policy Issues and Research Opportunities). *New York: National Bureau of Economic Research*, 84 p.
33. Thurow, L. (1970) Investment in Human Capital. *Belmont*, 140 p.
34. Wyatt I. D., Hecker D. E. (2006). Occupational Changes During the 20th Century. *Monthly Labor Review*, pp. 35–57. (In Engl.).

Информация об авторах:

Марианна Валерьевна Кудина, доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономики инновационного развития, факультет государственного управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

SPIN-код РИНЦ: 5515-5825

e-mail: Kudina@spa.msu.ru

Мария Алексеевна Сухарева, стажер-исследователь, факультет государственного управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

SPIN-код РИНЦ: 8497-1283

e-mail: SuharevaMA@spa.msu.ru

Статья поступила в редакцию: 16.06.2020; принята в печать: 19.08.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Marianna Valerievna Kudina, Doctor of Economics, Head of the Department of Economics of Innovative Development, Faculty of Public Administration, Lomonosov State University, Moscow, Russia

SPIN RSCI: 5515-5825

e-mail: Kudina@spa.msu.ru

Maria Alekseevna Sukhareva, Research Assistant, Faculty of Public Administration, Lomonosov State University, Moscow, Russia

SPIN RSCI: 8497-1283

e-mail: SuharevaMA@spa.msu.ru

The paper was submitted: 16.06.2020.

Accepted for publication: 19.08.2020.

The authors have read and approved the final manuscript.

СТОИМОСТНЫЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ БИЗНЕСОМ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

А. Г. Мнацаканян¹, А. Г. Харин²

Калининградский государственный технический университет, Калининград, Россия

¹e-mail: mag@klgtu.ru

²e-mail: aleksandr.harin@klgtu.ru

Аннотация. Цифровая экономика играет все более значимую роль в процессах социально-экономического развития. Поддержка этой тенденции и повышение вклада цифровизации для роста частного и общественного благосостояния возможны путем совершенствования методов и практик корпоративного управления. Одним из распространенных способов управления бизнесом является управление, основанное на стоимости. Однако в случае цифровой экономики применение стоимостных моделей управления компаниями сопряжено с определенными трудностями. Существует два типа проблем при реализации стоимостного управления цифровым бизнесом. Они обусловлены несовершенством методологии измерения, а также труднодоступностью и несопоставимостью информации.

Целью статьи является выработка подходов к управлению компаниями в условиях цифровизации экономики на основе их стоимости. Для этого выявляются и анализируются ключевые проблемы, возникающие в процессе применения в бизнесе цифровых технологий, рассматриваются особенности различных методов измерения стоимости и предлагаются пути совершенствования методологии оценки и управления стоимостью компаний, отражающие сущность цифрового бизнеса.

Научную основу работы составляют эмпирические и теоретические методы экономических исследований. В статье используются результаты работ аналогичной тематики и собственные разработки авторов, анализ и обобщение которых позволило получить новый взгляд на решение проблемы.

Результатом анализа стал вывод, что в эпоху цифровизации подходы к оценке и управлению стоимостью бизнеса претерпевают значительные изменения. Роль детерминант стоимости переходит к факторам, имеющим неосязаемую форму. Поэтому ключевым источником создания стоимости, роста богатства и благосостояния является способность компаний использовать возможности цифровых технологий, не забывая при этом об устойчивости бизнеса. Наилучшим решением является разработка такой системы управления, которая, с одной стороны, охватывала бы все основные операционные, финансовые и социальные аспекты деятельности компании, а с другой, учитывала особенности цифрового бизнеса. Сконструированная с учетом данных требований система предоставит в распоряжение менеджеров эффективный инструмент управления, обеспечивающий устойчивое развитие компании.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая экономика, стоимость, методы управления, модели оценки стоимости.

Для цитирования: Мнацаканян А. Г., Харин А. Г. Стоимостный подход к управлению бизнесом в эпоху цифровизации // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 5. – С. 72–82. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-72.

VALUE-BASED MANAGEMENT IN THE AGE OF DIGITIZATION

A. G. Mnatsakanyan¹, A. G. Kharin²

Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia

¹e-mail: mag@klgtu.ru

²e-mail: aleksandr.harin@klgtu.ru

Abstract. The digital economy has a growing role in the processes of socio-economic development. To support this trend and the growing contribution of the digital economy to the growth of private and public welfare, it is necessary to improve corporate governance methods and practices. Among modern business management methods, an important place belongs to value-based management. However, in the case of companies in the digital economy, the application of this management model is difficult. There are two types of digital business value-based management issues. They are due to the imperfection of the measurement methodology, as well as to the inaccessibility and incompatibility of information.

The purpose of this paper is to formulate approaches to value-based management of digital economy compa-

nies. We analyze the key problems that arise in the process of managing a digital business, consider various methods for measuring the value of digital companies, and suggest ways to improve their value-based management.

The scientific basis of our work is empirical and theoretical research methods. This paper uses the results of similar topics and the authors' own developments. Analysis and generalization of this material made it possible to synthesize new approaches to solving the problem of digital business management.

We conclude that value-based management changes significantly at the digitalization stage. The role of the determinants of value goes to factors that have an intangible form. Therefore, the key source of value creation, wealth growth is the ability of companies to use the capabilities of digital technology, while not forgetting the sustainability of the business. We think that the best solution to this problem is to create a management system that, on the one hand, covers the main operational, financial and social aspects of the company, and on the other, takes into account the features of digital business. A system that is designed to meet these requirements will provide managers with an effective tool for managing the company, which will ensure its sustainable development.

Keywords. digitalization, digital economy, value, management methods, value assessment models.

Cite as: Mnatsakanyan, A. G., Kharin, A. G. (2020) [Value-based management in the age of digitization]. *Intellect. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 72–82. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-72.

Введение

Понятие стоимости является одним из ключевых в современной экономической теории и практике. Оно служит объяснению многих экономических процессов и явлений. Стоимость также широко используется для решения задач управления на всех его уровнях, выступая эффективным инструментом планирования и контроля экономической деятельности. Не является исключением и цифровая экономика, в понимании результатов развития которой стоимость играет столь же важную роль, как и в традиционной экономике. Вместе с тем, оценка стоимости, как и в целом любые измерения цифровой экономики, сопряжена с большими трудностями. Причины этих трудностей разнообразны, они носят фундаментальный и технический характер. Приведем лишь некоторые из них. Во-первых, до сих пор не сформулировано общепринятое определение цифровой экономики, нет также ясного понимания ее состава и границ. Во-вторых, не выработана общепринятая методология оценки стоимости в цифровой экономике, охватывающая все значимые аспекты ее деятельности (в том числе, бесплатные или условно бесплатные услуги), удобная для практического применения. В-третьих, отсутствуют надежные статистические данные о ключевых сторонах деятельности и результатах цифровой экономики, особенно в развивающихся странах¹. В результате существующие способы оценки стоимости в цифровой экономике могут давать различные результаты.

Проблемы управления связанные с цифровизацией бизнеса

В настоящее время почти не подвергается сомнению тезис, что цифровизация становится одним из ключевых факторов экономического развития и роста благосостояния. Между тем, процесс цифровизации в его современном виде порождает ряд

фундаментальных проблем. К числу таких проблем, прежде всего, относится концентрация цифровых новаций и выгод от них в рамках узкого круга стран, компаний и частных лиц, усиливающая экономическое неравенство и социальную сегрегацию. В силу разных причин существует значительная неоднородность протекания процесса цифровизации на межгосударственном, межотраслевом и внутриотраслевом уровнях. Результатом этого являются серьезные диспропорции, создающие новые угрозы как для стран, так и для компаний. Устранению указанного недостатка – сглаживанию неравномерности цифрового развития в различных сегментах общественной жизни и расширению круга его выгодоприобретателей служит поиск эффективных направлений и способов реализации потенциала цифровизации. Такой поиск требует не только творческого мышления, но и ясного понимания основ и движущих сил формирования ценности в условиях цифровой экономики.

Одной из основополагающих категорий современной экономики является понятие стоимости, обычно рассматриваемой как частный случай, денежный эквивалент экономической ценности. Олицетворяя богатство, стоимость может выступать одновременно и целью и инструментом управления. В том случае, когда показатель стоимости служит индикатором оценки эффективности экономического развития [2], речь идет о т. н. «стоимостном управлении» или «управлении, базирующемся на стоимости» (Value-based management). Хотя многие принципы и технологии данной концепции управления универсальны и не зависят от степени цифровизации экономики, тем не менее, имеется ряд особенностей, определяющих различия в стоимостном управлении в рамках традиционного и цифрового бизнеса. Но прежде чем приступить к рассмотрению этих различий, следует определить смысл, вкладываемый в понятие ценность/стоимость в цифровой экономике.

¹ International Monetary Fund (2018). *Measuring the Digital Economy*. Washington, D.C. International Monetary Fund, 48 p

Как отмечалось выше, расширение сферы цифровой экономики создает новые экономические возможности. Использование цифровых инноваций и технологий становится дополнительным драйвером, обеспечивающим рост производительности, способствует выпуску новых или более качественных старых товаров и услуг, снижению затрат на их производство. Благодаря достижениям цифровой экономики, например, таким как цифровые платформы, облегчаются транзакции и расширяются возможности для обмена информацией между участниками рынка. Все это, в конечном счете, улучшает результаты экономической деятельности и ведет к росту создаваемой стоимости.

Вызванные цифровизацией, глубокие структурные изменения трансформируют цепочки создания стоимости и открывают новые способы создания добавленной стоимости. Однако положительный эффект от цифровизации не гарантирован всем участникам рынка и не возникает автоматически. Хотя цифровизация и обладает высоким потенциалом, способным поддерживать экономическое развитие, существует пока не до конца осознанная проблема вольного или невольного участия в создании и потреблении создаваемых ею благ. Даже если отдельные лица, фирмы и страны ограничивают свое участие в цифровой экономике, они косвенно, помимо своей воли, являются объектами ее влияния. Так, например, работники, не владеющие или плохо владеющие цифровыми навыками, могут оказаться в невыгодном положении по сравнению с теми, кто лучше подготовлен к требованиям цифровой экономики, слабо цифровизированные фирмы могут оказаться не готовыми к конкуренции с более продвинутыми компаниями. Аналогичные проблемы также возможны на региональном и межстрановом уровнях. Все это нивелирует возможности, открывающиеся в связи с цифровизацией общественной и деловой среды, вплоть до отрицательного влияния цифровизации на процессы создания стоимости на всех уровнях экономики.

Воздействие цифровизации на создание и распределение стоимости можно рассматривать в разных экономических аспектах (например, анализировать ее влияние на добавленную стоимость, на доход, производительность, занятость и пр.), с точки зрения различных субъектов (влияние на работников, на фирмы, правительство), а также с позиций различных трактовок понятия цифровой экономики (влияние на ядро цифрового сектора, узко или широко трактуемую сферу цифровой экономики). Пример такого разностороннего анализа влияния цифровой экономики на создаваемую стоимость

можно найти обзорном отчете ЮНКТАД, опубликованном в 2019 г.² Авторами этого отчета выделяется ряд возможных последствий роста цифровой экономики, как позитивного, так и негативного характера. В частности, к ключевым позитивным результатам цифровизации они относят: ускорение экономического роста, модификацию или создание новых цепочек ценности, приводящие к росту эффективности и добавленной стоимости, создание рабочих мест в цифровом секторе. Негативные же последствия, в основном сосредоточены в слабо оцифрованных отраслях и в целом сводятся к утрате конкурентоспособности и вытеснению с рынка «нецифровых» фирм, вплоть до разрушения отдельных отраслей в экономиках отстающих стран.

Поскольку ранее успешно применявшиеся бизнес-модели зачастую оказываются несостоятельными в условиях массового внедрения принципиально новых продуктов и услуг, кардинального изменения структуры затрат, снижения входных барьеров и прочих последствий цифровизации, влекущих за собой изменения в цепочках создания стоимости, требуется переосмысление того, как создается, распространяется и фиксируется стоимость в этих новых реалиях. Данное требование означает необходимость использования методов управления бизнесом, базирующихся на идеях, принципах и технологиях цифровой экономики.

Основой для принятия любых управленческих решений, особенно если речь идет об управлении бизнесом на основе его стоимости, является измерение величины стоимости. Однако обозначенные выше особенности нынешнего этапа развития цифровой экономики обуславливают ряд проблем, неизбежно возникающих при попытке как-либо количественно оценить цифровой бизнес. Укрупненно выделяют два типа проблем. Они связаны, во-первых, с несовершенством методологии измерения и, во-вторых, с недоступностью и несопоставимостью информации [11]. Несмотря на различия в природе возникновения этих проблем, их общей фундаментальной причиной можно считать незавершенный характер теоретической концепции цифровой экономики, обуславливающий отсутствие ясного понимания того, что должны измерять показатели стоимости, чтобы адекватно отражать специфику цифрового бизнеса и обеспечивать эффективное управление им. Для устранения этой причины, помимо ликвидации теоретических пробелов в описании механизмов функционирования цифровой экономики, также необходимо улучшение существующих и разработка новых методов оценки стоимости, адаптированных к особенностям цифрового

² UNCTAD (2019). Digital Economy Report 2019. Value Creation and Capture: Implications for Developing Countries. Geneva. United Nations. UNCTAD, 22 p

бизнеса. Очевидно, что фундаментальность указанной задачи обуславливает сложность ее решения. Избегая методологических сложностей можно предложить ряд направлений улучшения качества управления цифровым бизнесом в рамках существующих подходов к управлению стоимости. Одним из первых шагов на этом пути должна стать систематизация инструментария, способного служить измерению стоимости бизнеса в условиях перехода экономики к цифровому этапу развития.

В том случае, когда речь идет об управлении бизнесом на основе его стоимости, почти безальтернативной остается концепция экономической ценности. И хотя в последнее время эта концепция часто критикуется за утрату способности выявлять реальную стоимость современного бизнеса и некоторых его активов, особенно элементов неосязаемого капитала, благодаря универсальности и гибкости показателя стоимости потенциал концепции не исчерпан. Наиболее простым (хотя и не всегда оптимальным) решением является модернизация существующих методов измерения стоимости с тем, чтобы вернуть этому показателю способность адекватно оценивать все блага, создаваемые цифровой экономикой. При этом для того, чтобы модифицированный показатель стоимости лучше отражал специфику управленческих процессов в цифровом бизнесе, его методология должна учитывать ряд новых обстоятельств и факторов. К числу таких факторов, влияющих на стоимость бизнеса в условиях цифровизации, относятся:

1. *Изменения в структуре производства.* Достижения в области цифровых технологий радикально меняют структуру себестоимости конечной продукции, для которой становится типичной относительно низкая доля компонентов издержек, обычно относимых к категории постоянных. Как следствие, для такого бизнеса по мере роста объемов производства характерно быстрое снижение предельных издержек. Подобный эффект от масштаба проявляется, в первую очередь, в отраслях, активно использующих цифровые технологии и иные технологические новации. Фирмы, пользующиеся эффектом экономии от масштаба, как правило, обладают какими-либо активами с уникальными свойствами, позволяющими доминировать на рынке, получать монопольную прибыль и, следовательно, создавать более высокую относительно конкурентов новую стоимость. В тоже время, хотя новые технологии и приводят к консолидации бизнеса, компаниям цифровой экономики редко удается сохранять свою монопольную власть надолго [15]. Удержание доминирующих позиций

в столь динамичной среде, какой является рынок цифровых товаров и услуг, оказывается невозможным для большинства компаний.

2. *Особенности спроса.* Более трудным, чем в случае предприятия, использующего цифровые технологии для модернизации производства является определение реальной стоимости компаний, весь бизнес которых строится на предоставлении коллективного доступа к различного рода сетевым цифровым продуктам (онлайн-платформы, социальные сети, справочно-информационные базы данных, электронные почтовые сервисы и т. д.). Поскольку на цифровых рынках полезность товара или услуги часто зависит от количества и от активности потребителей, имеют место т.н. «прямые» и «косвенные сетевые эффекты»³, приводящие к тому, что на стоимость цифрового бизнеса сильное влияние оказывают клиенты – потребители его услуг. С одной стороны, возникает своего рода эффект от масштаба рынка, когда полезность услуги непосредственно зависит от размеров рынка (например, от количества участников сети). С другой стороны, в условиях многосторонних рынков посредством центрального элемента сетевой инфраструктуры – онлайн-платформы – между клиентами формируются сложные связи, помогающие им извлекать выгоду из такого взаимодействия. Таким образом, цифровизация меняет психологию пользователей, предоставляя им возможность прямо или косвенно участвовать в процессе создания стоимости.

3. *Быстрое устаревание производственных и нематериальных активов.* Известно, что активы и продукты ИКТ, олицетворяющие технологические знания, со временем устаревают и теряют свою стоимость быстрее, чем многие другие товары. Темпы амортизации столь эфемерного объекта, каким являются знания, довольно трудно точно измерить, поэтому часто сложно установить достоверную величину стоимости того или иного актива или продукта ИКТ в конкретный момент времени. Как правило, на скорость амортизации объектов ИКТ их внутренние характеристики (например, такие как, интенсивность использования или возраст), оказывают меньшее влияние по сравнению с изменениями во внешних условиях (например, появление новых технологий, изменение условий конкуренции или спроса). Данная особенность имеет существенное значение как при оценке стоимости активов предприятия, так и при определении величины создаваемой ими добавленной стоимости.

4. *Независимость бизнеса от его местоположения.* В течение долгого времени географическое расположение предприятия рассматривалось как

³ OECD (2018). Tax Challenges Arising from Digitalisation – Interim Report 2018. OECD/G20 Base Erosion and Profit Shifting Project. Available at: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/9789264293083-en/index.html?itemId=/content/publication/9789264293083-en> (дата обращения: 12.04.2020.)

один из ключевых факторов успеха деятельности и величины его стоимости. В основе принятия решений в традиционной экономике лежал принцип выбора выгодного местоположения, которое обеспечивает компании относительно ее конкурентов такие преимущества, как возможность получения дохода, низкие удельные затраты, высокий уровень прибыли, доступ к ресурсам и к рабочей силе. Однако в цифровой экономике этот фактор быстро утрачивает свое значение. Одной из особенностей цифровой экономики является денационализация бизнеса, обуславливающая тенденцию снижения трансграничных барьеров, размещения отдельных частей единого производственного процесса в разных странах и регионах. Благодаря использованию технологий удаленного доступа для многих предприятий открываются возможности для экономического присутствия и наращивания масштабов своего бизнеса одновременно на рынках многих стран без сколько-либо существенного физического присутствия в этих странах. Таким образом, цифровизация нивелирует зависимость бизнеса от местоположения производства и клиентов и даже от расстояния между ними. В силу этого географическое расположение предприятия не может рассматриваться в качестве значимого фактора, влияющего на стоимость бизнеса, основанного на цифровых технологиях.

5. *Дифференциация продукта и цены.* Цифровые технологии обеспечивают широкие возможности для дифференциации и адаптации к потребностям клиентов, выпускаемых фирмами товаров и услуг. Более того, некоторыми исследователями делается вывод, что расширенные возможности сбора данных о поведении потребителей позволяют компаниям индивидуализировать продукты и услуги в соответствии со специфическими потребностями каждого клиента⁴. В результате фирмы могут дополнительно получать часть излишка потребителей и, тем самым, создавать дополнительную стоимость. Отметим, однако, что пока нет эмпирических исследований, однозначно подтверждающих данное утверждение, поэтому остается открытым вопрос о конкурентных преимуществах индивидуализированного бизнеса по сравнению с массовым производством [15]. Тем не менее, в ряде случаев учет данного фактора необходим для адекватной оценки бизнеса.

6. *Особая роль интеллектуальной собственности и прочих неосязаемых активов.* Значимым фактором, влияние которого на стоимость бизнеса постоянно возрастает, являются неосязаемые ак-

тивы. Исследования показывают устойчиво растущую долю нематериальных активов в финансовых отчетах фирм в течение, как минимум, последних полутора десятков лет [9]. В этот период общее количество заявок на права интеллектуальной собственности в мире ежегодно увеличивалось в среднем на 7%⁵. Важность нематериальных активов в создании стоимости подтверждается непосредственной связью между величиной нематериальных активов и экономическим ростом в ведущих промышленно развитых странах [10]. Таким образом, сильная зависимость современного бизнеса от неосязаемых активов определяет необходимость рассмотрения этого рода активов в качестве одного из ключевых драйверов стоимости. Хотя пока нерешенной остается проблема адекватной стоимостной оценки данного типа активов [4], их использование в моделях управления бизнесом в настоящее время не оспаривается [3].

Вышеназванные обстоятельства довольно убедительно указывают на то, что в эпоху цифровых технологий подходы к оценке и управлению стоимостью бизнеса претерпевают значительные изменения. Если в традиционной экономике основными детерминантами стоимости были внутренние свойства товаров и их дефицитность, а относительная важность знаний в основном ограничивалась их вкладом в процесс производства, то в цифровой экономике детерминантами стоимости выступают трудноуловимые обстоятельства и факторы, многие из которых имеют неосязаемую форму. Стоимость все большего числа товаров и услуг определяется главным образом используемыми для их производства или содержащимися в них идеями и знаниями. Поэтому в новой экономике ключевым источником создания стоимости, роста богатства и благосостояния является способность бизнеса к инновациям.

Изменение детерминант формирования стоимости, а также обусловленные этими изменениями сложность и неопределенность измерения стоимости цифрового бизнеса и многих его активов имеют не только экономические, но и социально-политические последствия.

Во-первых, бурный рост компаний цифрового сектора в сочетании с перманентной нестабильностью современной мировой экономики обуславливают дефицит безопасных с точки зрения инвестирования активов. В результате инвесторы испытывают значительные трудности в поиске надежных инструментов и объектов для вложений капитала. Отсутствие безопасности само по себе усиливает

⁴ OECD (2015). OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2015: Innovation for growth and society. OECD Publishing. Available at: https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/sti_scoreboard-2015-en.pdf?expires=1588687937&id=id&accname=guest&checksum=0E4520594F0FF92C43BF39FAB182D627 (дата обращения: 12.04.2020.).

⁵ WIPO (2016). WIPO IP Facts and Figures. 2016. Available at: http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_943_2016.pdf (дата обращения: 12.04.2020.).

неопределенность и риски. Более того, опыт показывает, что дефицит безопасных активов способен быть одной из причин финансовых кризисов.

Во-вторых, цифровые технологии кардинально меняют принципы функционирования экономики, что определяет приоритетность задачи совершенствования методов управления как на корпоративном, так и на национальном уровнях. Межсекторальный характер цифровизации обуславливает важность разработки и реализации общегосударственной политики в области цифровых технологий. Кроме того, поскольку цифровые технологии легко пересекают национальные границы, существует необходимость поиска новых форм международного сотрудничества в области регулирования деятельности фирм, активно использующих эти технологии.

В-третьих, поскольку практически все основные теоретические положения концепции управления на основе стоимости были разработаны в доцифровую эпоху, по мере развития цифровой экономики они утрачивают способность выступать в роли научного базиса эффективного управления бизнесом. Немаловажным недостатком существующих подходов к управлению на основе стоимости также является доминирование интересов одной группы стейкхолдеров – собственников и акционеров, что не отражает характер цифрового бизнеса и затрудняет принятие оптимальных решений о распределении произведенной стоимости в интересах обеспечения социальной справедливости и общественного благосостояния. В силу этого, существует необходимость в прикладных и фундаментальных исследованиях, нацеленных на формирование новых научных взглядов, в полной мере отражающих реалии и перспективы цифровой экономики.

Отмеченные аспекты, как представляется, должны определять магистральные направления развития теории и методологии управления стоимостью бизнеса в условиях цифровизации всех сторон общественной и деловой жизни. С другой стороны, анализ и систематизация существующих инструментов и методов управления стоимостью позволяет выделить среди них потенциально эффективные и легко адаптируемые к специфике и потребностям цифровой экономики.

Методы оценки стоимости цифрового бизнеса: анализ и выводы

Пожалуй, одной из центральных проблем управления стоимостью бизнеса является оценка величины стоимости. Существуют два основных подхода

к измерению этой величины. Во-первых, оценка, основанная на внешних по отношению к бизнесу источниках, того, насколько высоко ценят бизнес рынок и общество. Во-вторых, оценка внутренних свойств бизнеса, главным образом, сводящихся к его способности генерировать достаточный по величине и устойчивый денежный поток. При этом следует учитывать, что объективная экономическая ценность бизнеса не может быть установлена только одним способом, каким бы убедительным он не выглядел. Выбирая метод измерения стоимости, следует также помнить о предназначении данного показателя – обеспечивать принятие управленческих решений. Исходя из этого, важным качеством используемого показателя стоимости, как части системы управления бизнесом является его способность удовлетворять требованиям оперативности и гибкости. Это означает несложность расчетов и простоту интерпретации данного показателя.

Учитывая переходной характер этапа цифровизации экономики, обеспечить одновременное выполнение названных выше требований к оценке, с одной стороны, объективности и всесторонности, а с другой, простоты и оперативности, довольно сложно. Имеется ограниченное количество методов, в разной мере удовлетворяющих этим требованиям. Перечислим некоторые из них, имеющие, на наш взгляд, перспективы для измерения стоимости цифрового бизнеса в целях управления.

1. Классические модели оценки.

Наш обзор следует начать с универсального инструмента оценки бизнеса – DCF-модели, которая, несмотря на солидный «возраст», по-прежнему способна давать хорошие результаты в самых сложных случаях, в том числе, при оценке бизнеса, использующего цифровые технологии. Но в отличие от традиционного бизнеса, измерение стоимости компаний цифровой экономики с помощью классической DCF-модели может оказаться довольно трудной задачей. Современный бизнес тесно связан с быстро развивающимися технологиями, имеющими весьма неопределенное и трудно прогнозируемое будущее. В частности, исследование, MIT Sloan Management Review, показало, что более 78% руководителей компаний цифрового сектора считают невозможным точное экономическое обоснование планов развития своего бизнеса, таким образом, ставя под сомнение целесообразность использования DCF-модели⁶. Другой существенный недостаток модели – сложность определения многих ее компонентов при описании цифрового бизнеса, особенно, ведущегося в социальных сетях. В результате оценка цифровых

⁶ Fitzgerald M., Kruschwitz N., Bonnet D., Welch M. (2013). Embracing Digital Technology: A New Strategic Imperative. Capgemini Consulting and MIT Sloan Management Review. Available at: https://www.capgemini.com/wpcontent/uploads/2017/07/embracing_digital_technology_a_new_strategic_imperative.pdf (дата обращения: 12.04.2020.)

предприятий с помощью классической DCF-модели часто оказывается малопродуктивной.

Для решения проблемы ограниченной функциональности DCF-модели в случае оценки бизнеса, основанного на цифровых технологиях, предлагаются различные подходы. Один из них состоит в попытке нивелировать неопределенность, неизбежную при описании быстрорастущих компаний цифровой экономики посредством разработки и анализа взвешенных по вероятности сценариев. Авторы данного решения полагают, что даже разработка всего нескольких сценариев значительно повышает качество DCF-моделей по сравнению с другими методами моделирования, позволяет ясно понять, что определяет ценность современного бизнеса, основанного на цифровых технологиях [12].

2. Альтернативные подходы.

Поскольку имеются обоснованные сомнения в способности стандартных моделей стоимостной оценки обеспечивать надежность и гибкость процесса управления, предлагаются альтернативные решения. Одним из таких подходов, призванных нивелировать неопределенность и учесть риски, связанные с цифровизацией бизнеса является использование для принятия управленческих решений теории реальных опционов.

Имеется обширная литература, посвященная применению теории реальных опционов для экономической оценки проектов, связанных с использованием объектов интеллектуальной собственности и ИКТ [7, 18], а также для разработки, оценки и принятия стратегических инвестиционных решений в области цифровых технологий [6, 17]. Применение методов реальных опционов позволяет минимизировать последствия ситуации неопределенности при реализации сложных проектов цифровой трансформации бизнеса. В частности, разработана модификация метода NPV, дополняемого опцией оценки высокорисковых проектов с высокой волатильностью ожидаемых будущих денежных потоков [16]. Подобного рода решения, улучшающие качество традиционных методов оценки бизнеса, отчасти устраняют проблему неопределенности стратегического выбора в случае цифрового бизнеса.

Еще одним простым и, вместе с тем, эффективным способом оценки стоимости, создаваемой цифровым бизнесом, является непосредственное измерение благосостояния потребителей с помощью метода массовых экспериментов. Данный подход призван решать проблему денежной оценки создаваемого бизнесом, использующим цифровые технологии, немонетизируемых продуктов (например, таких как бесплатные цифровые сервисы), непреодолимую

в рамках традиционных технологий экономического анализа. Основу подхода составляет попытка выявить стоимость отказа от использования продукта на определенный период времени. В частности, в одном из исследований, выполненных с помощью этого метода, были проведены крупномасштабные опросы, в которых потребителям предлагалось назвать цену, которая, по их мнению, компенсирует потерю доступа к ряду популярных бесплатных онлайн-сервисов. Авторы метода полагают, что анализ потребительского излишка – разницы между суммой, которую потребители готовы платить за товар или услугу, и тем, сколько они фактически платят, приблизительно, но, тем не менее, адекватно измеряет стоимость многих цифровых товаров. Поскольку «лучший способ оценить цифровые товары – обратиться к людям напрямую и спросить их» [8].

Однако метод оценки потребительского излишка, основанный на опросах людей, имеет ряд известных недостатков. Во-первых, люди склонны скрывать истинную ценность тех благ, которыми они пользуются. Во-вторых, опросы, как правило, не оперативны и дорогостоящи. В-третьих, опросы потребителей позволяют выявить их субъективную готовность платить за какое-то благо, однако непосредственно не раскрывают стоимость этого блага [14]. Учитывая последний недостаток, развитием метода является использование моделей дискретного выбора, сочетающих данные о готовности платить с атрибутами (социально-экономическими характеристиками) респондентов [13]. Такая методология позволяет точнее измерить потребительский излишек, что, в конечном счете, дает более объективную оценку трудно поддающегося стоимостному измерению цифровому бизнесу.

Нетипичный характер цифрового бизнеса, в котором возрастающую роль играют различные проявления и формы человеческого капитала, обуславливает поиск решений, способных соединить в рамках одной многофункциональной модели различные подходы к управлению. В результате появляются комплексные решения, построенные на сочетании методологических подходов и технологий стратегического и финансового менеджмента. Примером такого рода является прикладная методика, разработанная компанией Equidam – поставщиком продуктов для онлайн-оценки бизнеса⁷, которая позволяет оценивать бизнес с разных точек зрения, дающих всестороннее и точное представление о его ценности. Полученные таким образом ключевые показатели эффективности (KPI) делают возможным оперативно оценивать влияние тех или иных цифровых новаций, при не-

⁷ Equidam (2016). Available at: <https://www.equidam.com/resources/Equidam-Valuation-Methodology.pdf> (дата обращения: 12.04.2020.)

обходимости корректируя процесс их внедрения и обеспечивать движение к желаемой цели. Методика допускает использование стандартных метрик, разработанных в «доцифровую» эпоху с тем лишь условием, что эти метрики обеспечивают сбалансированность качественной и количественной оценки. Они также должны соответствовать отраслевой направленности компании и учитывать приоритеты ее стратегии. В качестве таких метрик могут использоваться, в частности, такие известные и хорошо себя зарекомендовавшие инструменты стратегического менеджмента как система сбалансированных показателей (Scorecard Method) и метод контрольного списка (Checklist Method), а также многие методы денежной оценки, например, модифицированные DCF-модели.

Несмотря на заметный прогресс, достигнутый за счет разносторонней оценки, комплексному подходу присущ главный недостаток большинства существующих методов и моделей измерения стоимости – он опирается на старые метрики, изначально сконструированные для традиционного бизнеса. Это дает основания некоторым авторам высказывать мнение, что использование доцифровых KPI для комплексной оценки стоимости бизнеса, в основе которого лежат цифровые технологии, может оказаться «хуже, чем бесполезным»⁸. Использование организацией такой несовершенной кросс-функциональной метрики может приводить к тому, что у каждого структурного подразделения формируется свой набор целей, которые могут противоречить друг другу, что затрудняет измерение или даже снижает стоимость бизнеса.

Кардинальным решением проблемы является разработка такой метрики, которая, с одной стороны, охватывала бы все основные аспекты деятельности компании, а с другой, учитывала особенности бизнеса, активно использующего цифровые технологии. При этом показатели, предназначенные для отслеживания текущего воздействия цифровых преобразований на бизнес должны находиться в тесной взаимосвязи с его окружением и охватывать все ключевые стратегические направления, такие как, улучшение работы фирмы, качество обслуживания клиентов и финансовые результаты. Важными также являются требования непрерывности, преемственности и сбалансированности операционных, социальных и финансовых показателей такой метрики [1]. Сконструированная с учетом данных требований метрика, позволит не только адекватно оценивать цифровой бизнес, но и предоставит

в распоряжение менеджеров эффективный инструмент управления компанией, обеспечивающий ее устойчивое развитие.

Пожалуй, наиболее сложным на пути создания такой методики является учет социальных аспектов. Цифровая трансформация влияет на многие стороны жизни и деятельности людей. Соответственно, для оценки этого влияния необходимы инструменты и методы, позволяющие измерить то, в какой степени цифровые технологии и новые бизнес-модели помогают решению социальных проблем. Решение задачи интеграции социальных аспектов в модели управления стоимостью цифровым бизнесом также осложняется неполнотой или отсутствием статистических данных о том, как цифровизация влияет на благосостояние⁹. Это затрудняет выявление причинно-следственных связей между экономическими результатами цифрового бизнеса и создаваемыми им социальными эффектами в различных областях.

Заключение

Российская экономика находится на начальном этапе цифровой трансформации, в ней набирает силу процесс формирования комплексной информационной инфраструктуры и массового внедрения в практику бизнеса информационных технологий. Цифровизация оказывает возрастающее влияние на воспроизводственные процессы, ведет к трансформации основ осуществления многих видов деятельности как в традиционных, так и в новых отраслях [5]. Все это становится мощным стимулом для внедрения в практику цифровизируемого бизнеса новых методов управления, в том числе, основанных на стоимости.

В настоящее время есть ряд предпосылок, позволяющих реализовать стоимостной подход к управлению бизнесом, базирующимся на цифровых технологиях, используя для этого имеющиеся инструменты и модели, либо модифицируя их. Выбор того или иного способа управления во многом определяется особенностями самого бизнеса, целями и задачами его развития, а также и внешними условиями. Вместе с тем, перспективы стоимостного подхода в управлении бизнесом, преимущественно основанном на использовании цифровых технологий, связаны не с адаптацией и совершенствованием существующих методов, а с разработкой новой методологии управления, в полной мере учитывающей специфику цифровой экономики, как с позиций организации и протекания внутрифирменных процессов, так и с точки зрения интересов общества.

⁸ Overby S. (2020). 3 Digital Transformation Metrics That Work For Everyone. CMO by Adobe. Analytics. Available at: <https://cmo.adobe.com/articles/2017/9/3-digital-transformation-metrics-that-work-for-everyone.html#gs.50kv3l> (дата обращения: 12.04.2020.)

⁹ OECD (2019). A measurement roadmap for the future, in Measuring the Digital Transformation: A Roadmap for the Future. Paris. OECD Publishing. Available at: www.oecd.org/going-digital/measurement-roadmap.pdf (дата обращения: 12.04.2020.)

Несмотря на многочисленные проблемы, имеющиеся на этом пути, перспективы дальнейшего социально-экономического развития нашей страны, как и будущее управления производственными и бизнес-процессами, несомненно, связаны

с цифровизацией. Одним из ее аспектов является рассмотренный нами стоимостной подход – способ управления бизнесом, наиболее точно отражающий специфику цифровой экономики.

Литература

1. Мнацаканян А. Г., Харин А. Г. Принципы устойчивого развития в управлении компанией // Социально-экономические явления и процессы. – 2016. – Т. 11. – № 10. – С. 41–50.
2. Сергеев Л. И. Развитие теоретических положений оценки экономической эффективности в контексте категории стоимости // Балтийский экономический журнал. – 2018. – № 3 (23). – С. 90–100.
3. Харин А. Г. Исследование предпосылок и возможностей для формирования единого ценностно-ориентированного подхода к управлению бизнесом // Экономический анализ: теория и практика. – 2012. – № 42(297). – С. 26–33.
4. Харин А. Г. Теоретические и практические аспекты оценки неосязаемых активов компании // Балтийский экономический журнал. – 2017. – № 1(17). – С. 23–37.
5. Харин А. Г. Цифровая экономика и ее перспективы в рыбной отрасли // Балтийский экономический журнал. – 2019. – № 3(27). – С. 75–86.
6. Angelou G., Economides A. (2008). A real options approach for prioritizing ICT business alternatives: A case study from broadband technology business field. *Journal of the Operational Research Society*. Vol. 59. Issue 10, pp. 1340–1251.
7. Benaroch M., Kauffman R.J. (1999). A case for using real options analysis to evaluate information technology investments. *Information Systems Research*. Vol. 10. No. 1, pp. 70–86.
8. Brynjolfsson E., Collis A. (2020). How Should We Measure the Digital Economy? Hutchins Center on Fiscal & Monetary Policy at Brookings. Working Paper 57. Available at: <https://www.brookings.edu/research/how-should-we-measure-the-digital-economy> (дата обращения: 12.04.2020.)
9. Clausen S., Hirth S. (2016). Measuring the value of intangibles // *Journal of Corporate Finance*. Vol. 40, pp. 110–127.
10. Corrado C. et al. (2012). Intangible Capital and Growth in Advanced Economies: Measurement and Comparative Results. CEPR Discussion Paper. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2153512 (дата обращения: 12.04.2020.)
11. G20 DETF (2018). Toolkit for Measuring the Digital Economy. G20 DETF. Argentina. Available at: https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/g20-detf-toolkit_FINAL.pdf (дата обращения: 12.04.2020.)
12. Goedhart M., Koller T., Wessels D. (2016). Valuing high-tech companies. McKinsey. Available at: <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Business%20Functions/Strategy%20and%20Corporate%20Finance/Our%20Insights/Valuing%20high%20tech%20companies/Valuing%20high-tech%20companies.ashx> (дата обращения: 12.04.2020.)
13. Herzog B. (2018). Valuation of Digital Platforms: Experimental Evidence for Google and Facebook. *International Journal of Financial Studies*. MDPI. Open Access Journal. Vol. 6(4), pp. 1–13. Available at: <https://www.mdpi.com/2227-7072/6/4/87/pdf> (дата обращения: 12.04.2020.)
14. Miller K., Hofstetter R., Krohmer H., Zhang J. (2011). How should consumers' willingness to pay be measured? An empirical comparison of state-of-the-art approaches. *Journal of Marketing Research*. No. 48, pp. 172–184.
15. Papadimitriou P. What has value in the digital and network economy? Foundation for Global Governance and Sustainability (FOGGS). Available at: <https://www.foggs.org/863/what-has-value-in-the-digital-and-network-economy/> (дата обращения: 12.04.2020.)
16. Schneider R., Imai J. (2017). Valuing Investments in Digital Business Transformation: A Real Options Approach. Available at: <http://www.realoptions.org/openconf2018/data/papers/162.pdf> (дата обращения: 12.04.2020.)
17. Tarifa-Fernández J., Sánchez-Pérez A. M., Cruz-Rambla S. (2020). Real Options and Its Suitability in Assessing International Digital Investment. In: *Theoretical and Applied Mathematics in International Business*. Ed. B. Christiansen, F. Shuwaikh, pp. 235–238. Available at: https://www.researchgate.net/publication/331976624_Real_Options_and_Its_Suitability_in_Assessing_International_Digital_Investment (дата обращения: 12.04.2020.)
18. Venkatraman N., Henderson J. C., Oldach S. (1993). Continuous strategic alignment: Exploiting information technology capabilities for competitive success. *European Management Journal*, Vol. 11. No. 2, pp. 139–149.

References

1. Mnatsakanyan, A. G., Kharin, A. G. (2016) [Principles of sustainable development in company management]. *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy* [Socio-economic phenomena and processes]. Vol. 11. No. 10, pp. 41–50. (In Russ.).
2. Sergeyev, L. I. (2018) [Development of the theoretical provisions for evaluating economic efficiency in the context of the category of value]. *Baltiyskiy ekonomicheskii zhurnal* [Baltic Economic Journal]. Vol. 3 (23), pp. 90–100. (In Russ.).
3. Kharin, A. G. (2012) [Study of the prerequisites and opportunities for the formation of a single value-oriented approach to business management]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* [Economic analysis: theory and practice]. Vol. 42(297), pp. 26–33. (In Russ.).
4. Kharin, A.G. (2017) [Theoretical and practical aspects of the valuation of intangible assets of a company]. *Baltiyskiy ekonomicheskii zhurnal* [Baltic Economic Journal]. Vol. 1(17), pp. 23–37. (In Russ.).
5. Kharin, A.G. (2019) [Digital economy and its prospects in the fishing industry]. *Baltiyskiy ekonomicheskii zhurnal* [Baltic Economic Journal]. Vol. 3(27), pp. 75–86. (In Russ.).
6. Angelou, G., Economides, A. (2008) A real options approach for prioritizing ICT business alternatives: A case study from broadband technology business field. *Journal of the Operational Research Society*. Vol. 59. Issue 10, pp. 1340–1251. (In Engl.).
7. Benaroch, M., Kauffman, R. J. (1999) A case for using real options analysis to evaluate information technology investments. *Information Systems Research*. Vol. 10. No. 1, pp. 70–86. (In Engl.).
8. Brynjolfsson, E., Collis, A. (2020) How Should We Measure the Digital Economy? Hutchins Center on Fiscal & Monetary Policy at Brookings. *Working Paper 57*. Available at: <https://www.brookings.edu/research/how-should-we-measure-the-digital-economy> (accessed 12.04.2020).
9. Clausen, S., Hirth, S. (2016) Measuring the value of intangibles. *Journal of Corporate Finance*. Vol. 40, pp. 110–127. (In Engl.).
10. Corrado, C. et al. (2012) Intangible Capital and Growth in Advanced Economies: Measurement and Comparative Results. *CEPR Discussion Paper*. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2153512 (accessed 12.04.2020).
11. G20 DETF (2018) Toolkit for Measuring the Digital Economy. G20 DETF. Argentina. Available at: https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/g20-detf-toolkit_FINAL.pdf (accessed 12.04.2020).
12. Goedhart, M., Koller, T., Wessels, D. (2016) Valuing high-tech companies. McKinsey. Available at: <https://www.mckinsey.com/~/media/McKinsey/Business%20Functions/Strategy%20and%20Corporate%20Finance/Our%20Insights/Valuing%20high%20tech%20companies/Valuing%20hightech%20companies.ashx> (accessed 12.04.2020).
13. Herzog, B. (2018) Valuation of Digital Platforms: Experimental Evidence for Google and Facebook. *International Journal of Financial Studies*. MDPI. Open Access Journal. Vol. 6(4), pp. 1–13. Available at: <https://www.mdpi.com/2227-7072/6/4/87/pdf> (accessed 12.04.2020).
14. Miller, K., Hofstetter, R., Krohmer, H., Zhang, J. (2011) How should consumers' willingness to pay be measured? An empirical comparison of state-of-the-art approaches. *Journal of Marketing Research*. Vol. 48, pp. 172–184. (In Engl.).
15. Papadimitriou, P. What has value in the digital and network economy? Foundation for Global Governance and Sustainability (FOGGS). Available at: <https://www.foggs.org/863/what-has-value-in-the-digital-and-network-economy/> (accessed 12.04.2020).
16. Schneider, R., Imai J. (2017) Valuing Investments in Digital Business Transformation: A Real Options Approach. Available at: <http://www.realoptions.org/openconf2018/data/papers/162.pdf> (accessed 12.04.2020).
17. Tarifa-Fernández, J., Sánchez-Pérez, A.M., Cruz-Rambla, S. (2020) Real Options and Its Suitability in Assessing International Digital Investment. In: *Theoretical and Applied Mathematics in International Business*. Ed. B. Christiansen, F. Shuwaikh, pp. 235–238. Available at: https://www.researchgate.net/publication/331976624_Real_Options_and_Its_Suitability_in_Assessing_International_Digital_Investment (accessed 12.04.2020).
18. Venkatraman, N., Henderson, J. C., Oldach, S. (1993) Continuous strategic alignment: Exploiting information technology capabilities for competitive success. *European Management Journal*, Vol. 11. No. 2, pp. 139–149. (In Engl.).

Информация об авторах:

Альберт Гургенович Мнацаканян, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой отраслевых и корпоративных финансов, Калининградский государственный технический университет, Калининград, Россия

ORCID ID: 0000-0001-8437-9852, **Web of Science Researcher ID:** AAB-7623-2020, **Scopus Author ID:** 0000-0001-8437-9852

e-mail: mag@klgtu.ru

Александр Геннадьевич Харин, кандидат экономических наук, доцент кафедры отраслевых и корпоративных финансов, Калининградский государственный технический университет, Калининград, Россия

ORCID ID: 0000-0002-4375-7666, **Web of Science Researcher ID:** AAF-1199-2019

e-mail: aleksandr.harin@klgtu.ru

Статья поступила в редакцию: 12.05.2020; принята в печать: 19.08.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Albert Gurgenovitch Mnatsakanyan, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Industrial and Corporate Finance, Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia

ORCID ID: 0000-0001-8437-9852, **Web of Science Researcher ID:** AAB-7623-2020, **Scopus Author ID:** 0000-0001-8437-9852

e-mail: mag@klgtu.ru

Alexander Gennadievich Kharin, PhD in Economics, Associate Professor, Department of Industrial and Corporate Finance, Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia

ORCID ID: 0000-0002-4375-7666, **Web of Science Researcher ID:** AAF-1199-2019

e-mail: aleksandr.harin@klgtu.ru

The paper was submitted: 12.05.2020

Accepted for publication: 19.08.2020.

The authors have read and approved the final manuscript.

МИРОВАЯ ПРАКТИКА ОРГАНИЗАЦИИ КОРПОРАТИВНЫХ СТАРТАП-СТУДИЙ

А. Н. Попов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
e-mail: andrevonpopov@gmail.com

Аннотация. Актуальность данного исследования обуславливается необходимостью поиска эффективных моделей развития корпоративных инноваций ввиду низкого уровня цифровизации российского бизнеса, негативной динамики удельного веса инновационных товаров и услуг в общем объеме проданных товаров/услуг. Также необходимость внедрения новых форм открытых инноваций подтверждается наличием таких негативно влияющих факторов, как многоступенчатость корпоративных бизнес-процессов и различие корпоративной и стартап культур.

Цель данного исследования состоит в выявлении преимуществ и ограничений модели корпоративной стартап-студии как новой формы осуществления корпоративных инноваций. Научную новизну составляет авторская классификация видов корпоративных стартап-студий, а также выявление преимуществ и потенциальных ограничений данной модели. В качестве методологической базы исследования были использованы методы на основе системного подхода, применены методы синтеза, индукции и приемы классификации. На основании изучения организации и деятельности 15 корпоративных стартап-студий из Бельгии, Нидерландов, Германии, Франции, Норвегии, Дании, США, Мексики и России была сформирована классификация организационных форм корпоративных стартап-студий в зависимости от структуры владения капиталом и выявлены особенности каждой. Далее в работе была проанализирована ресурсная база, необходимая для создания и развития инновационных проектов внутри корпоративных стартап-студий.

На основании приведенного обзора, анализа и классификации практик организации и деятельности зарубежных корпоративных стартап-студий автор идентифицирует и обосновывает преимущества и ограничения данной модели развития корпоративных инноваций. Результаты данного исследования могут быть использованы в качестве ориентира при внедрении новых моделей корпоративных инноваций. Дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на разработку прикладных моделей бизнес-процессов корпоративных стартап-студий, адаптированных под российские бизнес-реалии.

Ключевые слова: стартап-студия, корпоративная стартап-студия, венчурное строительство, открытые инновации, корпоративные инновации, входящие открытые инновации.

Благодарности. Выражаю благодарность за ценнейшие советы, терпение и сохранение веры в меня научному руководителю, кандидату экономических наук, доценту кафедры экономики инноваций Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова Энговатовой А. А.

Для цитирования: Попов А. Н. Мировая практика организации корпоративных стартап-студий // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 5. – С. 83–92. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-83.

WORLD PRACTICE OF ORGANIZING CORPORATE STARTUP STUDIOS

A. N. Popov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
e-mail: andrevonpopov@gmail.com

Abstract. The relevance of this study is determined by the need to find effective models for the development of corporate innovations due to the low level of digitalization of Russian business, the negative dynamics of the share of innovative goods and services in the total volume of goods / services sold. Also, the need to introduce new forms of open innovation is confirmed by the presence of such negatively influencing factors as multi-stage corporate business processes and the difference between corporate and startup cultures.

The purpose of this study is to identify the advantages and limitations of the corporate startup studio model as a new form of corporate innovation. The author's classification of the types of corporate startup studios, as well as the identification of the advantages and potential limitations of this model, constitutes the scientific novelty of this review. As the methodological base of the study, methods based on a systematic approach were used, methods of synthesis, induction and classification techniques were applied. Based on the study of the organization and activities

of 15 corporate start-up studios from Belgium, the Netherlands, Germany, France, Norway, Denmark, the USA, Mexico and Russia, a classification of organizational forms of corporate startup studios was formed depending on the structure of ownership of capital and the features of each were revealed. Further in the work, the resource base necessary for the creation and development of innovative projects within corporate startup studios was analyzed.

Based on the above review, analysis and classification of the practices of organizing and operating foreign corporate startup studios, the author identifies and justifies the advantages and limitations of this model of corporate innovation development. The results of this study can be used as a guide when introducing new models of corporate innovation. Further research in this area may be directed to the development of applied models of business processes for corporate startup studios adapted to Russian business realities.

Key words: startup studio, corporate startup studio, venture building, open innovation, corporate innovation, outside-in open innovation.

Acknowledgments. I express gratitude for the most valuable advice, patience and preservation of faith in me to the supervisor of studies, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics of Innovation, Lomonosov Moscow State University A. A. Engovatova.

Cite as: Popov, A. N. (2020) [World practice of organizing corporate startup studios]. *Intellect. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 83–92. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-83.

Введение

В современной российской экономике, очевидно, что инновационное развитие является одним из ключевых факторов роста производительности труда и основных средств. Возможность роста ВВП за счет увеличения количества рабочей силы и объема инвестиций в основные средства на текущий момент ограничены [2]. Ввиду того, что доля крупного бизнеса во вкладе в ВВП страны составила 79,8 % в 2018-м году¹, развитие корпоративных инноваций является одной из первоочередных задач.

Низкий уровень цифровизации российского бизнеса и снижающийся удельный вес инновационной продукции на рынке обуславливают потенциал для развития инноваций в корпоративной сфере. В 2018-м году индекс цифровизации российского бизнеса составил 31 (26 место среди 32 стран ЕС и Азии)². Относительно низкие показатели данного индекса демонстрируют невысокий уровень востребованности современной ИТ-инфраструктуры российским бизнесом. Уровень востребованности современной ИТ-инфраструктуры, в свою очередь, обуславливается распространением цифровых, в т. ч. инновационных, технологий. С 2013-го года удельный вес инновационных товаров и услуг в об-

щем объеме реализованной продукции в России имеет негативную динамику, тем самым снизившись с 9,2% до 6,5% в 2018-м году³.

Также аргументом в пользу развития корпоративных инноваций является то, что инновации являются ключевым условием для расширения объективных ограничений роста компании [7]. Наиболее многообещающей формой инноваций в корпоративной сфере является модель открытых инноваций, которая получила свое распространение и среди российских корпораций. Модель открытых инноваций характеризуется двусторонним движением ценностей между корпорацией и другими участниками инновационной системы [4]. Согласно отчету Deloitte, в 2017 году самыми распространенными видами корпоративных инноваций в России являются внутренние и внешняя акселерация, заключение сделок по слиянию и поглощению⁴, что подразумевает тесное взаимодействие со стартапами. Тем не менее, ввиду молодости сферы корпоративных инноваций в России остаются нерешенными множество проблем в интеграции решений стартапов в корпорации. Сложность и многоступенчатость бизнес-процессов⁵ корпорации снижает скорость внедрения и адап-

¹ The Bell. В России упала доля малого бизнеса [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://thebell.io/v-rossii-upala-dolya-malogo-biznesa> (дата обращения: 2.06.2020).

² ИСИЭЗ, НИУ ВШЭ. Цифровизация бизнеса в России и за рубежом 2018 [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/309213798.html> (дата обращения: 6.04.2020).

³ Федеральная служба государственной статистики. Уровень инновационной активности организаций [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://gks.ru/storage/mediabank/innov-n16.xls> (дата обращения: 6.04.2020).

⁴ Исследовательский центр компании «Делойт», СНГ. Москва, 2017 год. Инновации и корпорации. По результатам реализации проекта Tech Days (PBK и Firtma) [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/research-center/TechDays_report_rus.pdf (дата обращения: 6.04.2020).

⁵ Годовой отчет о деятельности Фонда Развития Интернет-Инициатив [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.iidf.ru/upload/iblock/81c/IIDF_Annual_Report_18.pdf (дата обращения: 6.04.2020).

⁶ BCG By Michael Brigl, Stefan Gross-Selbeck, Nico Dehnert, Florian Schmieg, Steffen Simon. “After the Honeymoon Ends: Making Corporate-Startup Relationships Work” [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://www.bcg.com/publications/2019/corporate-startup-relationships-work-after-honeymoon-ends.aspx> (дата обращения: 15.06.2020).

тации инновационных решений стартапов, что может увеличить вероятность прекращения деятельности стартапа ввиду ограниченного бюджета⁷. Также затрудняет взаимодействие сторон отличия корпоративной и стартап-культуры [15] [1], что также снижает эффективность взаимодействия сторон. Таким образом, поиск новых и эффективных моделей осуществления корпоративных инноваций становится крайне актуальной задачей.

Одной из перспективных моделей осуществления открытых инноваций является модель корпоративной стартап-студии⁸, которая уже получает положительный отклик от российских корпораций [9]. Стартап студия – это организация, целью которой является создание и развитие инновационных проектов со стадии идеи через инвестирование финансовых, управленческих и человеческих ресурсов. В качестве предпринимателя инновационные проекты в стартап-студии развивает наемный сотрудник, обладающий необходимыми проектными компетенциями. Корпоративная стартап-студия – это стартап-студия, которая ориентируется на создание и развитие инновационных проектов в интересах корпорации⁹, при этом стартап-студия может не принадлежать корпорации.

Модель стандартной стартап-студии уже подтвердила свою эффективность. Первая созданная в 1994-м году стартап-студия Ideolab¹⁰ «вырастила» 39 успешных инновационных компаний, часть которых осуществили IPO (первичный выпуск ценных бумаг на бирже) или были поглощены более крупными участниками рынка.

Цель данного исследования состоит в выявлении преимуществ и потенциальных ограничений модели корпоративной стартап-студии. В качестве методологической базы исследования были использованы подходы на основе системного подхода, применены методы синтеза, индукции и приемы классификации. Теоретическую основу исследования составляют работы зарубежных и отечественных исследователей посвященным моделям стартап-студий, открытым инновациями и корпоративному росту. В качестве информационной базы исследования были использованы эмпирические исследования в области форм корпоративных инноваций, в частности стартап-студий, GSSN, Sparkling Partners, IESE, BCG, а также публичные данные

функционирования 15 корпоративных стартап-студий из стран Европейского Союза (ЕС), США, Латинской Америки и России.

Также стоит отметить, что ввиду того, что стартап-студия охватывает значительную часть жизненного цикла инновационного проекта от стадии идеи и до масштабирования, то далее в работе такие термины как «стартап», «проект» будут использоваться в качестве синонимов инновационного проекта, созданного внутри корпоративной стартап-студии.

Корпоративные стартап-студии: анализ и классификация зарубежных моделей

Научным сообществом стартап-студии стали рассматриваться сравнительно недавно, и на текущий момент степень научной проработанности стартап-студии остается достаточно низкой. Первые разностороннее рассмотрение различных аспектов стартап-студии было проведено в работе Ребекки Кёлер и Оливера Бауманна [14]. Теоретическое исследование различных лидирующих научных деятелей в области институтов развития инноваций было представлено в 2018 году [11]. В отечественной экономической науке стартап-студии упоминались еще реже [3] и изучались в контексте развития предпринимательского образования [5], [6], [8]. Использование стартап-студии в корпоративной сфере позволило бы наладить систематическое продуктовых инноваций, которые наряду с проникновением на новые рынки, а также развитием кооперативных связей является ключевым стратегическим процессом, позволяющим отыскать наиболее перспективные и быстрореализуемые бизнес-возможности [10].

Корпоративная стартап-студия – это стартап-студия, основной деятельностью которой является создание и развитие инновационных проектов в интересах корпораций¹¹.

При этом степень вовлечения корпорации в создание инновационного проекта может значительно отражаться через структуру владения стартап-студией и инновационных проектов в нем.

В рамках данного исследования автором была проанализирована деятельность 15 корпоративных стартап-студий из Бельгии, Нидерландов, Германии, Франции, Норвегии, Дании, США, Мексики и России. Для анализа использовались данные

⁷ ESE Business School: J. Prats, J. Siota. Oliver Wyman: D. Gillespie and N. Singleto. Organizational agility [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.oliverwyman.com/content/dam/oliver-wyman/v2/publications/2018/april/Organizational_Agility.pdf (дата обращения: 15.06.2020).

⁸ Szigeti A. The emergence of Startup-as-a-Service [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://medium.com/startup-foundation-stories/the-emergence-of-startup-as-a-service-129c552d89e3> (дата обращения: 15.06.2020).

⁹ GSSN. The rise of startup studios. White paper [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://www.gssn.co/media> (дата обращения: 15.06.2020).

¹⁰ Корпоративный сайт «Ideolab» [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://www.gssn.co/media> (дата обращения: 15.06.2020).

¹¹ GSSN. The rise of startup studios. White paper [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://www.gssn.co/media> (дата обращения: 15.06.2020).

с корпоративных сайтов, сайты локальных электронных новостных изданий, в том числе, на местном языке. Исходя из структуры владения капиталом, выделяются следующие виды стартап-студий:

- стартап-студии, которые принадлежат одной корпорации;
- стартап-студия, которая принадлежит нескольким корпорациям;
- независимые корпоративные стартап-студии, которые не имеют среди собственников корпораций.

Следует остановиться подробнее на каждой из них и описать специфику данного вида корпоративной стартап-студии с точки зрения ресурсов, направления деятельности и формата взаимодействия с корпорацией.

Стартап-студия принадлежит одной корпорации. Примерами подобной модели взаимодействия является корпоративная стартап-студия из Франции Nexity¹², принадлежащая одноименной крупной публичной компании из сферы управления и развития недвижимости, а также стартап-студия из Германии Otto Group Digital Solutions¹³, принадлежащая Otto Group, крупной корпорации из области электронной коммерции, корпоративная стартап-студия InMotion Land Rover¹⁴, принадлежащая международному производителю автомобилей Jaguar Land Rover¹⁵, а также один из пионеров в России, корпоративная стартап-студия Admitad Projects¹⁶, принадлежащая крупной компании из области СРА-маркетинга Admitad. В рассматриваемой форме стартап-студий корпорация владеет мажоритарной долей стартап-студии, и соответственно созданными внутри стартапами.

Одной из отличительных особенностей рассматриваемых стартап-студий является узкая ориентация на активы и стратегию развития (или стратегию цифровизации, стратегию инновационного развития) одной корпорации. Наряду с человеческими, управленческими и финансовыми ресурсами, ко-

торые вкладывает стартап-студия, инновационные проекты имеют возможность использовать нефинансовые активы корпорации в долгосрочной перспективе, что позволит инновационному проекту получить сильное конкурентное преимущество на рынке. К примеру, Otto Group предоставляет проектам, созданным в корпоративной стартап-студии, следующие нефинансовые ресурсы в виде каналов привлечения, продаж, такие как: веб-сайт группы компаний Otto, логистическая инфраструктура, множество внутрикорпоративных ноу-хау и бренд корпорации.

Как ранее было отмечено многими бизнес-практиками, инновационные проекты, созданные не в условиях рыночной конкуренции, маловероятно смогут стать конкурентоспособными и успешными в будущем¹⁷. Поэтому в некоторых случаях корпорация предоставляет проекту ресурсы только по мере их надобности, чтобы этапы тестирования основополагающих бизнес-гипотез прошли в условиях максимально приближенных к рыночной действительности.

Стартап-студия принадлежит нескольким корпорациям. Данная модель встречается редко и её примером может служить корпоративная стартап-студия из Латинской Америки InnoHub¹⁸, основанная в 2015-м году в Мексике двумя крупными IT-компаниями в Латинской Америке и далее профинансированной в 2019-м году банковской группой Banco Santander México и финтех компанией Contrapqi¹⁹. Таким образом, вхождение в альянс корпораций, владеющих корпоративной стартап-студией, может быть как в качестве учредителя, так и стратегического инвестора²⁰. Участие нескольких корпораций в организации стартап-студии, дает возможность стартапам использовать ресурсы нескольких корпораций из различных отраслей. Однако, также наличие нескольких корпоративных акционеров потенциально может привести к конфликту интересов в развитии как стартап-студии, так и стартапов.

¹² Nexity [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://www.nexity.fr/en/group/innovation/startup-studio> (дата обращения: 15.06.2020).

¹³ Otto Group Digital Solutions [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://www.ogds.de/ogds/> (дата обращения: 15.06.2020).

¹⁴ InMotion Land Rover [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://www.thefunnel.community/jaguar-land-rover-corporate-startup-studio/> (дата обращения: 15.06.2020).

¹⁵ Jaguar Land Rover [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://techcrunch.com/2016/04/11/jaguar-land-rover-inmotion/> (дата обращения: 15.06.2020).

¹⁶ Admitad Projects [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://admitad.pro> (дата обращения: 15.06.2020).

¹⁷ Viki T. The Myth Of The Innovation Lab [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://www.forbes.com/sites/tendayiviki/2018/04/15/the-myth-of-the-innovation-lab/#1b4da4224125> (дата обращения: 15.06.2020).

¹⁸ InnoHub [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://www.innohubmexico.com/> (дата обращения: 15.06.2020).

¹⁹ Contrapqi [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://www.contxto.com/es/startups-es/innohub-obtiene-mas-de-us13-millones-para-mejorar-la-salud-financiera-de-las-pymes-mexicanas/> (дата обращения: 15.06.2020).

¹⁹ Contrapqi [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://www.contxto.com/es/startups-es/innohub-obtiene-mas-de-us13-millones-para-mejorar-la-salud-financiera-de-las-pymes-mexicanas/> (дата обращения: 15.06.2020).

²⁰ InnoHub obtiene más de US\$13 millones para mejorar la salud financiera de las pymes mexicanas [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://www.contxto.com/es/startups-es/innohub-obtiene-mas-de-us13-millones-para-mejorar-la-salud-financiera-de-las-pymes-mexicanas/> (дата обращения: 15.06.2020).

Отрасль, корпоративные стратегии, корпораций, владеющих стартап-студии, задают направления для создания стартапов. Например, InnoHub фокусируется на создании стартапов в области B2B и финтеха (финансовые технологии). Корпорации, сотрудничающие с InnoHub, могут тестировать новые решения, быстро выходить на новые аудитории, используя собственные ресурсы, такие как: доступ к МСБ (малому и среднему бизнесу)

через банковскую группу Banco Santander México, экспертизе и ресурсам развития финтех продуктов Contraqi (рисунок 1). Подобные меры уже позволили InnoHub запустить несколько финтех-стартапов в области кредитования МСБ Lendinc²¹, автоматизации ежедневных платежей сотрудников компаний Numina²² и сервисами учета финансов МСБ (Avantia²³).

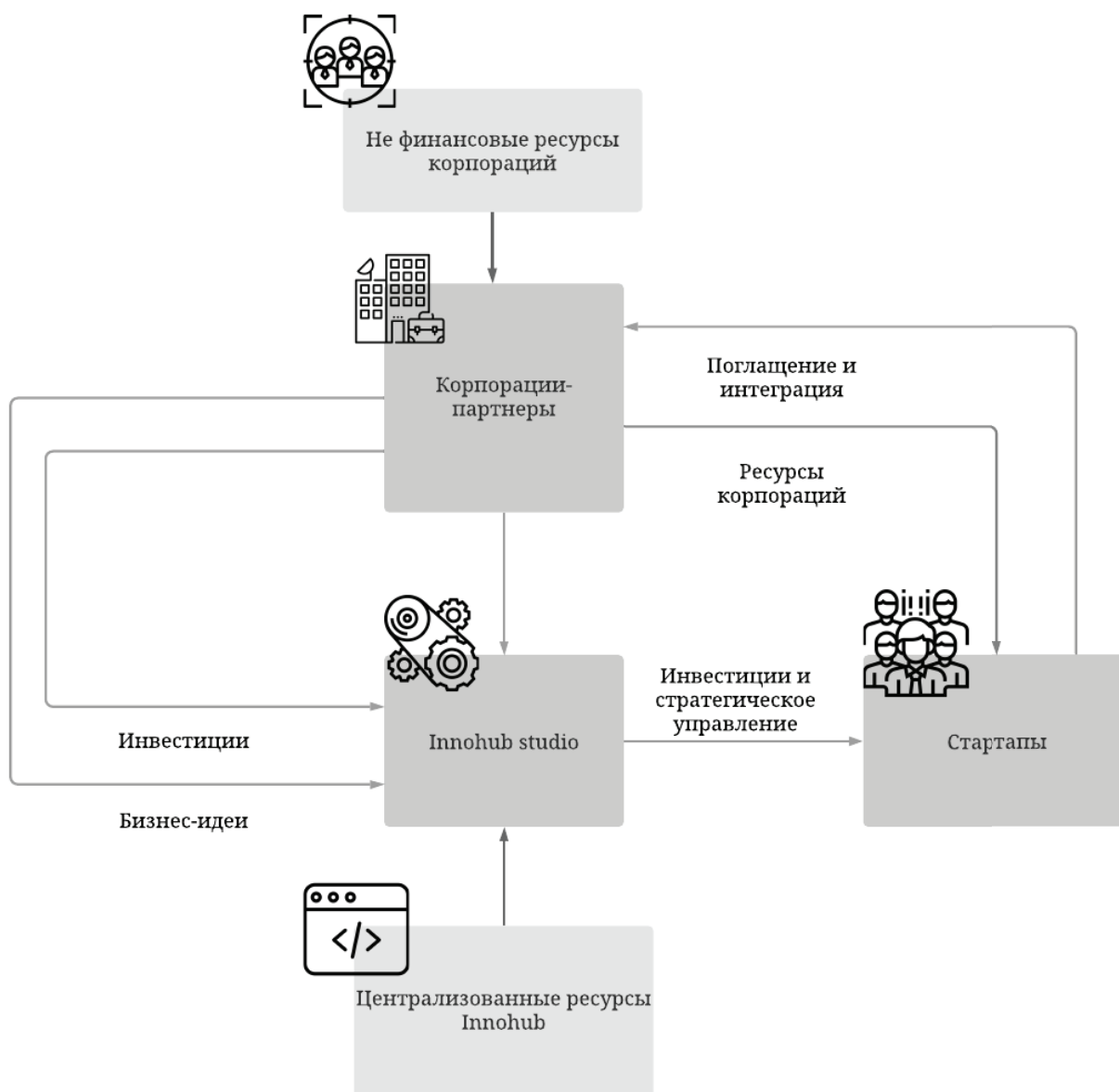

Рисунок 1. Партнерская модель взаимодействия Innohub с корпорациями

Источник: составлено автором на основе публичных материалов о деятельности InnoHub.

²¹ Lendinc [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://lendinc.mx/> (дата обращения: 15.06.2020).

²² Numina [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://www.numina.mx/> (дата обращения: 15.06.2020).

²³ Avantia [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://www.avantia.com> (дата обращения: 15.06.2020).

Независимая корпоративная стартап-студия. Независимая модель корпоративной стартап-студии, создающей самостоятельно инновационные проекты на основе информации о текущих потребностях бизнес-подразделений корпораций, с целью дальнейшего сотрудничества с корпорацией. Отношение рассматриваемых стартап-студий к корпоративным происходит из-за ориентации их деятельности на запросы корпорации, в отличие от структуры владения стартап-студии, как в предыдущих двух вариантах. Примером, может служить корпоративная стартап-студия из Нидерланд Aim For The Moon²⁴, основанная в 2013-м году, корпоративная стартап-студия из Бельгии Barefoot&Co²⁵.

Также показательным примером может быть независимая стартап-студия из США Techstars Studio²⁶, созданная Techstars в 2019-м году²⁷, в рамках которой будут создаваться по 4 стартапа в год.

В настоящий момент Techstars уже подписал контракт с 25 корпорациями в США. Модель их работы с корпорациями заключается в предоставлении раннего доступа к проектам студии за фиксированную годовую плату. Стоит также отметить, что новые компании будут создаваться, в частности, базируясь на идеях исходящих от корпоративных партнеров. Таким образом, корпорации будут тестировать и реализовывать собственные идеи со скоростью стартапа и опытом серийного предпринимателя, а также получать обратную связь по собственным идеям и новым проектам от обширной сети предпринимателей Techstars. Techstars studio замыкает на себе множество процессов работы с создаваемыми проектами, то есть создает проекты «под ключ». Данная характеристика прослеживается на графическом изображении модели работы Techstars Studio с корпорацией (рисунок 2).

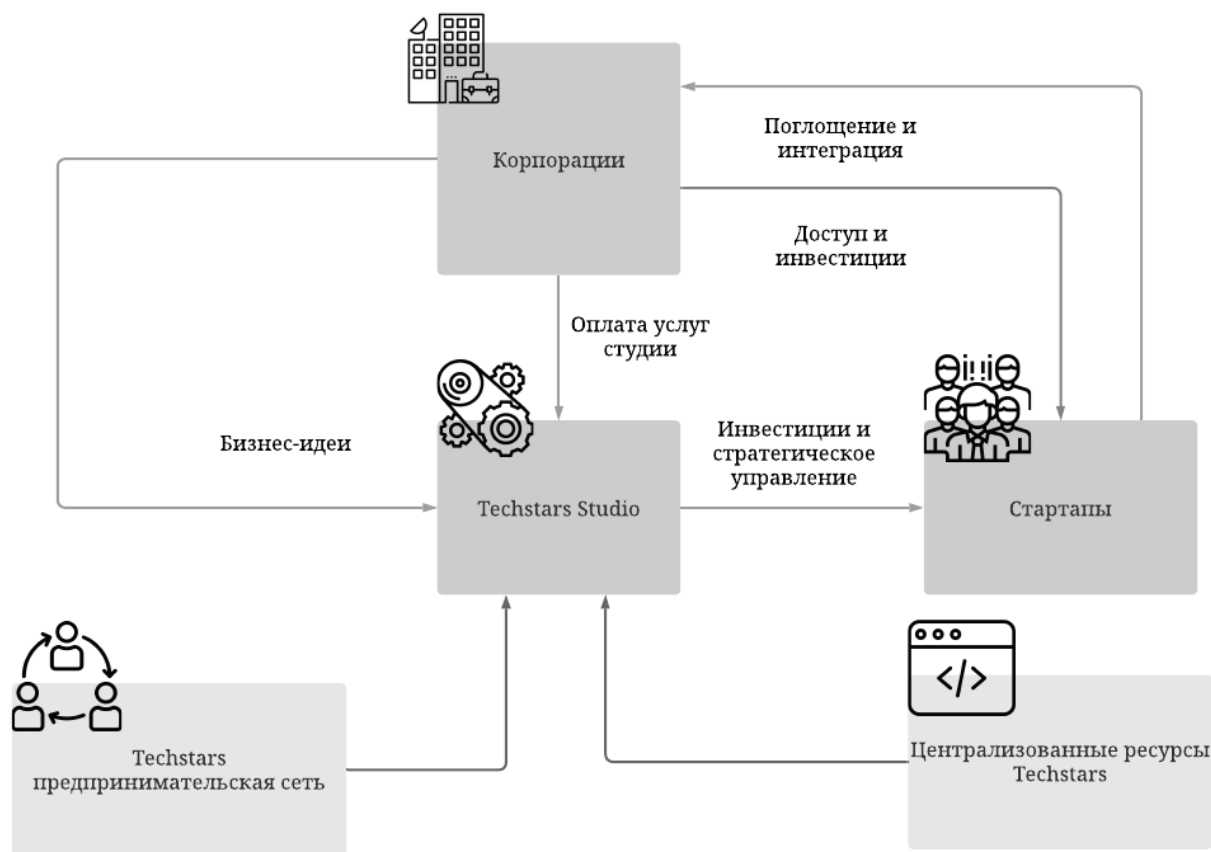

Рисунок 2. Сервисная модель взаимодействия Techstars Studio с корпорациями

Источник: составлено автором на основе публичных материалов о деятельности Techstars Studio.

²⁴ Aim For The Moon [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://www.aimforthemoon.com/> (дата обращения: 15.06.2020).

²⁵ Barefoot&Co [Электронный источник]. – Режим доступа: <http://www.barefootandco.com/> (дата обращения: 15.06.2020).

²⁶ Techstars Studio [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://studio.techstars.com/info/> (дата обращения: 15.06.2020).

²⁷ Techstars will build and launch startups with new venture studio [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://techcrunch.com/2019/01/16/techstars-will-build-and-launch-startups-with-new-venture-studio/> (дата обращения: 15.06.2020).

Из определения стартап-студии следует, что данная организация вкладывает кроме финансовых ресурсов еще человеческие и управленческие, из чего следует вывод, что ресурсная база стартап-студии может являться ключевым фактором ее успеха. Поэтому далее в работе будет проанализирована ресурсная база изучаемых корпоративных стартап-студий.

Ресурсная база корпоративных стартап-студий

Исходя из определения стартап-студии, для создания развития внутренних инновационных проектов используются финансовые, человеческие и управленческие ресурсы. Однако корпоративная направленность стартап-студий открывает возможность использовать нефинансовые ресурсы участвующих в процессе корпораций. Следует остановиться подробнее и описать источники ресурсов, применяемых в корпоративных стартап-студиях.

В качестве источника управленческого ресурса выступают основатели стартап-студии, которые зачастую являются опытными предпринимателями, а также бизнес-консультантами (или коучи, треке-ры), которые контролируют исполнение выбранной методологии развития проекта. Строго иерархическая структура, меритократические принципы управления, принцип принятия управленческих решений на основе количественных данных, позволяют эффективно транслировать управленческие ресурсы до всех инновационных проектов в стартап-студии. Широкое распространение методологий развития инновационных проектов, управления разработкой IT-продуктов позволили шаблонизировать процесс создания и развития стартапа путем последовательного тестирования бизнес-гипотез [12] [13]. В основу процесса создания стартапов легли методологии Lean Startup, Customer Development, Stage-gate, Growth hacking, дизайн-мышление и другие.

Отдельное внимание следует уделить источнику человеческих ресурсов в виде широкой базы контактов предпринимателей и штата высококвалифицированных специалистов из области цифрового маркетинга, IT-разработки, продаж и многих других. Например, корпоративная стартап-студия Aim for the moon имеет в штате специалистов по маркетингу и разработчиков, позволяющие быстро разрабатывать MVP (minimal viable product, минимально жизнеспособный продукт) и тестировать каналы

привлечения клиентов. Для быстрого образования команд инновационных проектов также имеется широкая база контактов опытных предпринимателей и специалистов с проектными компетенциями. Например, кадровый потенциал корпоративной студии Barefoot&Co²⁸ составляет 300 высококвалифицированных специалистов, для корпоративной стартап-студии из Дании Rainmaking²⁹ – 1300 предпринимателей с различным опытом запуска технологических бизнесов, для Aim for the moon³⁰ – широкая сеть более 500 опытных предпринимателей. Также в штат стартап-студии могут входить специалисты, оказывающие поддержку в бухгалтерии, юридических и других административных вопросах. Возможность распределять вышеперечисленные компетенции по нескольким проектам позволяет снижать удельные расходы на запуск проекта и сфокусировать деятельность предпринимателя только на развитии проекта³¹.

Преимущества и ограничения модели корпоративной стартап-студии

Исходя из проведенного выше анализа различных форм организации корпоративных стартап-студий, представляется возможным выделить следующие преимущества по сравнению с внутрикорпоративными программами инкубации, акселерации и инновационными лабораториями/центрами.

Во-первых, шаблонизированность процессов, использование современных методологий управления инновационными проектами и строгая ориентация на экономический результат позволяет быстро создавать и тестировать стартапы по заранее указанным направлениям интересным корпорациям. Например, для корпоративной стартап-студии Fueled³² из Норвегии срок создания и развития стартапа до стадии интеграции с корпорацией занимает 3 месяца. Более простой и прозрачный процесс развития стартапов в корпоративных стартап-студиях может обеспечить больше мобильности по сравнению со сложными и многоступенчатыми корпоративными процессами. В свою очередь, строгая ориентация на экономический результат и иерархическая структура управления в корпоративной стартап-студии могут способствовать более высокой скорости развития проектов по сравнению с проектами инновационных лабораторий/центров.

Во-вторых, применение большинства студий методологии Lean Startup, выражающейся в эко-

²⁸ Barefoot&Co [Электронный источник]. – Режим доступа: <http://www.barefootandco.com/> (дата обращения: 15.06.2020).

²⁹ Rainmaking [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://rainmaking.io/> (дата обращения: 15.06.2020).

³⁰ Aim for the moon [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://www.aimforthemoon.com/> (дата обращения: 15.06.2020).

³¹ Волохов М. Стартап-студии или венчурное строительство: что это и как работает [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://admitadinvest.com/ru/blog/venture-builders> (дата обращения: 15.06.2020).

³² Fueled [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://www.fueled.no/> (дата обращения: 15.06.2020).

номичном использовании ресурсов только по мере их необходимости, высокая скорость тестирования бизнес-моделей, а также совместное использование человеческих ресурсов несколькими стартапами (административные, юридические, технические и маркетинговые специалисты) позволяет значительно снижать стоимость создания и тестирования бизнес-модели стартапа. Когда создание корпоративных программ развития инноваций сопряжено с большими расходами³³, а процесс создания и внедрения инноваций может затянуться ввиду множества согласований.

В-третьих, создание и развитие проектов в корпоративных стартап-студиях позволяет обеспечить условия тестирования инновационных продуктов максимально приближенным к рыночным, что значительно повышает шансы проекта успешно масштабироваться в будущем. Данная отличительная особенность является одной из ключевых по сравнению с большинством внутрикорпоративных программ развития инноваций.

В-четвертых, в случае организации корпоративной стартап-студии, принадлежащей одной или нескольким корпорациям, представляется уникальная возможность использовать нефинансовые ресурсы одной или нескольких корпораций для поддержания высокого уровня конкурентоспособности на рынке.

В-пятых, отсутствие культурных различий между корпоративной стартап-студией и развивающихся в ней стартапов, а также разработка IT-продуктов с учетом инфраструктуры бизнес-заказчика корпорации, позволяет быстрее проводить пилотные испытания инновационного решения в корпорациях.

Несмотря на множество положительных черт корпоративных стартап-студий, исходя из проведенного в данной работе исследования можно выделить следующие ограничения данной модели развития корпоративных инноваций.

Во-первых, для независимых корпоративных инноваций сохраняются высокие финансовые риски, особенно в случае отсутствия финансирования со стороны корпораций.

Во-вторых, корпоративная стартап-студия, как и стандартная стартап студия, зависит от собственной ресурсной базы, а именно от кадрового потенциала предпринимателей. Большинство из проанализированных корпоративных стартап-студий из стран ЕС и США имели собственные сообщества предпринимателей, из которых возможно набрать компетентную команду стартапа. Однако в России существуют проблема дефицита специалистов с проектными компетенциями, что может негатив-

но сказаться на кадровом потенциале корпоративной стартап-студии. Отсутствия данного ресурса может крайне негативно отразиться на результатах деятельности корпоративной стартап-студии.

В-третьих, при создании партнерской модели корпоративной стартап-студии, которой владеет несколько корпораций, возможен риск конфликта интересов из-за конкуренции за эксплуатацию инновационной продукции проекта.

В-четвертых, низкая доля предпринимателя (5–15%) в структуре капитала стартапа, созданного в корпоративной стартап-студии, может негативно отразиться на его мотивации [11]. Однако подобная проблема может решаться иерархической структурой управления, меритократическими принципами управления, а также системой принятия решений на основе количественных данных [14].

Заключение

Наличие таких фундаментальных проблем в развитии корпоративных инноваций, как низкая мобильность внедрения инновационных решений ввиду сложности и многоступенчатости корпоративных бизнес-процессов, различия между корпоративной и стартап культурой, снижает скорость и эффективность инновационного развития корпораций. В качестве потенциального решения данных проблем может выступать модель корпоративной стартап-студии, которая развивает инновационные проекты с нуля в интересах корпорации, вкладывая в них финансовые, человеческие и управленческие ресурсы.

В результате исследования зарубежного опыта организации и деятельности корпоративных стартап-студий были выявлены 3 основные формы организации корпоративных стартап-студий в зависимости от структуры капитала: независимые корпоративные стартап-студии, стартап-студии, принадлежащие одной корпорации, а также стартап-студии, принадлежащие нескольким корпорациям. Принадлежность стартап-студии к определенной группе определяет ее ресурсную базу, источник бизнес-идей, а также сферу создания и развития инновационных проектов.

Одним из наиболее значимых ресурсов корпоративной стартап-студии является ее кадровый потенциал в виде сообщества предпринимателей, что позволяет быстро набирать высококвалифицированную команду стартапа.

Среди преимуществ модели корпоративной стартап-студии выделяются скорость запуска и тестирования инновационных проектов, низкие расходы на создание и развитие проектов, более вы-

³³ РВК. Практическое руководство по запуску корпоративных акселераторов [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.rvc.ru/upload/iblock/a4c/o2_rvc_accl_practice_guide.pdf (дата обращения: 15.06.2020).

сокие шансы на успех ввиду тестирования инновационных проектов в условиях рыночной конкуренции. У стартап-студий, принадлежащих одной или нескольким корпорациям, существует возможность использовать нефинансовые ресурсы корпораций, что также является преимуществом.

Среди недостатков модели корпоративной стартап-студии были выявлены следующие: высокие финансовые риски, в случае отсутствия внешнего источника финансирования, значительная зависимость от кадрового потенциала, как ключевого ресурса создания инновационных проектов, риск конфликта интересов при наличии нескольких корпораций в структуре капитала стартап-студии, риск низ-

кой мотиваций наемных предпринимателей ввиду владения ими небольшой доли капитала стартапа.

Результаты данного исследования могут быть использованы при разработке инновационной стратегии развития корпорации, а разработанная классификация корпоративных стартап-студий может служить ориентиром при выборе модели осуществления корпоративных инноваций. Дальнейшим направлением данного исследования может быть изучение практик взаимодействия стартапов и корпораций в России с целью выявления специфики в данной области, что позволит проработать модель корпоративной стартап-студии, адаптированную под российские бизнес-реалии.

Литература

1. Андриюшкевич О. А., Денисова И. М. Возможны ли открытые инновации в России // *Экономическая наука современной России*. – 2016. – № 3. – С. 65–83.
2. Иващенко Н. П., Кузнецов Е. Б., Энговатова А. А. Университеты Национальной Технологической Инициативы как инструмент формирования эффективной науки и экономики знаний в России // *Инновации*. – 2017. – № 1(219). – С. 26–32.
3. Казимиренко В. А. Бизнес-модель акселератора и ее развитие // *Бизнес-образование в экономике знаний*. – 2015. – № 2. – С. 22–25.
4. Каширин А. И. Открытые инновации. Мировая практика и опыт корпорации «Ростех» // *Инновации*. – 2013. – № 12 (182). – С. 10–17.
5. Коротков А. В., Фонотов А. Г. Сравнительный анализ предпринимательского образования в технических университетах России и США // *Инновации*. – 2015. – № 10 (204). – С. 61–63.
6. Коротков А. В., Фонотов А. Г. Феномен стартап-студий и их потенциальное влияние на развитие предпринимательского образования // *Инновации*. – 2016. – № 1 (207). – С. 65–69.
7. Кудина М. В., Кузьмин С. С. Парадигмы корпоративного роста // *Государственное управление. Электронный вестник*. – 2014. – № 47. – С. 80–103.
8. Лаптев Г. Д., Шайтан Д. К. Обучение инновационному предпринимательству через выработку гармоничного набора компетентностей в менеджменте, дизайне и инженерии // *Современная конкуренция*. – 2017. – Т. 11. – № 4. – С. 94–103.
9. Петров А. Н., Варламов К. В., Комаров А. В., Матвеев Д. А. Эффективность институтов развития. Смена парадигмы институтов развития в среднесрочной перспективе // *Экономика науки*. – 2017. – Т. 3. – № 4. – С. 230–239.
10. Пурлик В. М. Стратегия компании на хаотичных рынках // *Риск: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция*. 2017. № 4. С. 182–187.
11. Baumann O., Bergenholtz C., Frederiksen L., Grant R., Köhler R., Preston D., Shane S. (2018) Rocket Internet: Organizing a Startup Factory // *Journal of Organization Design*, Vol. 7. № 13. Available at: <https://jorgdesign.springeropen.com/track/pdf/10.1186/s41469-018-0037-2> (accessed 17.06.2020) (In Eng.).
12. Frederiksen D., Brem A. (2017) How do entrepreneurs think they create value? A scientific reflection of Eric Ries' Lean Startup approach // *International Entrepreneurship and Management Journal*, Vol. 13. pp. 169–189 (In Eng.).
13. Ghezzi A. (2019) Digital startups and the adoption and implementation of Lean Startup Approaches: Effectuation, Bricolage and Opportunity Creation in practice // *Technological Forecasting and Social Change*, Vol. 146. pp. 945–960 (In Eng.).
14. Köhler R., Baumann O. (2015) Organizing a Venture Factory: Company Builder Incubators and the Case of Rocket Internet // *SSRN Electronic Journal*, Available at: <https://doi.org/10.2139/ssrn.2700098> (accessed 17.06.2020) (In Eng.).
15. Weiblen T., Chesbrough H. (2015) Engaging with startups to enhance corporate innovation // *California Management Review*, Vol. 57. № 2. pp. 66–90. (In Eng.).

References

1. Andryushkevich, O. A., Denisova, I. M. (2016) [Is it Possible to Have Open Innovations in Russia?]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economics of Contemporary Russia]. Vol. 3, pp. 65–83. (In Russ.).

2. Ivaschenko, N. P., Kuznetsov, E. B., Engovatova, A. A. (2017) [Universities National Technology Initiative as a tool for creating an effective science and knowledge-based economy in Russia]. *Innovatsii* [Innovations]. Vol. 1(219), pp. 26–32. (In Russ.).
3. Kazimirionok, V. (2015) [Accelerator Model and Its Development]. *Biznes-obrazovaniye v ekonomike znaniy* [Business education in the knowledge economy]. Vol. 2, pp. 22–25. (In Russ.).
4. Kashirin, A. I. (2013) [Open innovation. World practice and experience of Rostec Corporation]. *Otkrytyye innovatsii. Mirovaya praktika i opyt korporatsii "Rostekh"*. *Innovatsii* [Innovations]. Vol. 12 (182), pp. 10–17. (In Russ.).
5. Korotkov, A. V., Fonotov, A. G. (2015) [Comparative Analysis of Entrepreneurial Education in Russian and USA Technical Universities]. *Innovatsii* [Innovations]. Vol. 10 (204), pp. 61–63. (In Russ., abstract in Eng.).
6. Korotkov, A. V., Fonotov, A. G. (2016) [Startup Studio Phenomenon and Its Potential Impact on the Development of Entrepreneurship Education]. *Innovatsii* [Innovations]. Vol. 1 (207), pp. 65–69. (In Russ., abstract in Eng.).
7. Kudina, M. V., Kuzmin, S. S. (2014) [The Paradigms of the Corporate Growth]. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik* [Public administration. E-Journal]. Vol. 47, pp. 80–103. (In Russ.).
8. Laptev, G., Shaytan, D. (2017) [Teaching of Innovation Entrepreneurship: The Development of a Harmonious Set of Competencies in Management Design and Engineering]. *Sovremennaya konkurentsia* [Modern competition]. Vol. 11, No. 4 (64), pp. 18–27. (In Russ.).
9. Petrov, A. N., Varlamov, K. V., Komarov, A. V., Matveev, D. A. (2017) [The Effectiveness of the Development Institutions. Change of Paradigms of Development Institutions in the Medium-Range Perspective]. *Ekonomika nauki* [The Economics of Science]. Vol. 3(4), pp. 230–239. (In Russ.).
10. Purlik, V. M. (2017) [Strategy of a company at chaotic markets]. *Risk: Resursy, Informatsiya, Snabzheniye, Konkurentsia* [RISK: Resources, Information, Supply, Competition]. Vol. 4, pp. 182–187. (In Russ.).
11. Baumann, O., Bergenholtz, C., Frederiksen, L., Grant, R., Köhler, R., Preston, D., Shane, S. (2018) Rocket Internet: Organizing a Startup Factory. *Journal of Organization Design*. No. Vol. 7. Issue 13. Available at: <https://jorgdesign.springeropen.com/track/pdf/10.1186/s41469-018-0037-2>, free access. (accessed: 17.06.2020) (In Eng.).
12. Frederiksen, D., Brem, A. (2017) How do entrepreneurs think they create value? A scientific reflection of Eric Ries' Lean Startup approach. *International Entrepreneurship and Management Journal*. Vol. 13, pp. 169–189. (In Eng.).
13. Ghezzi, A. (2019) Digital startups and the adoption and implementation of Lean Startup Approaches: Effectuation, Bricolage and Opportunity Creation in practice. *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 146, pp. 945–960. (In Eng.).
14. Köhler, R., Baumann, O. (2015) Organizing a Venture Factory: Company Builder Incubators and the Case of Rocket Internet. *SSRN Electronic Journal*. Available at: <https://doi.org/10.2139/ssrn.2700098>, free access. (accessed: 17.06.2020) (In Eng.).
15. Weiblen, T., Chesbrough, H. (2015) Engaging with startups to enhance corporate innovation. *California Management Review*. Vol. 57. Issue 2, pp. 66–90.

Информация об авторе:

Андрей Николаевич Попов, аспирант, направление подготовки 38.06.01 Экономика, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

SPIN-код РИНЦ: 3367-7488

e-mail: andrevonpopov@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 22.06.2020; принята в печать: 19.08.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about author:

Andrey Nikolaevich Popov, post-graduate student, training program 38.06.01 Economics, Lomonosov State University, Moscow, Russia

RSCI SPIN: 3367-7488

e-mail: andrevonpopov@gmail.com

The paper was submitted: 22.06.2020

Accepted for publication: 19.08.2020.

The author has read and approved the final manuscript.

NATIONAL MODELS OF CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY: COMPARATIVE ANALYSIS

D. A. Pustokhin

State University of Management, Moscow, Russia
e-mail: dpustokhin@yandex.ru

I. V. Pustokhina

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
e-mail: pustohina.iv@rea.ru

Abstract. The article is devoted to one of the most discussed topics of our time - corporate social responsibility (hereinafter - CSR). Discussions about the functions of business, its role in the development of society have been going on for several decades and do not lose their relevance to this day. Moreover, the implementation of CSR involves going beyond the statutory standards of business conduct. Companies strive to establish relations with the society and invest in its development, to strengthen its reputation, to harmonize the so-called «habitat». However, socially responsible behavior involves diverting part of the financial resources to solve tasks that are not directly related to making a profit.

Striving for prosperity in the long term encourages companies to find a balance between the need to invest in the social sphere and possible economic results. Aware of the fact that CSR can be not just a «gesture of goodwill», but also a serious tool for competition, companies actively include its principles in corporate strategy. One can say with confidence that CSR today is a global phenomenon, a practice that is being introduced in countries with different levels of political and social development.

Within the framework of this paper, the concept of the national CSR model is revealed. The article provides a comparative analysis of the national models of CSR developed in Western countries. Their main similarities and differences are determined. Based on the results of the comparative analysis, the authors propose recommendations on the formation of the Russian CSR model for state structures, the private sector, the media, the society as a whole.

Key words: society, business, non-commercial organizations, corporate philanthropy, public-private partnership, criteria, socially responsible investment, CSD, recommendations.

Cite as: Pustokhin, D. A., Pustokhina, I. V. (2020) [National models of corporate social responsibility: comparative analysis]. *Intellect. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 93–103. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-93.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Д. А. Пустохин

Государственный университет управления, Москва, Россия
e-mail: dpustokhin@yandex.ru

И. В. Пустохина

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия
e-mail: pustohina.iv@rea.ru

Аннотация. Статья посвящена одной из самых обсуждаемых тем нашего времени – корпоративной социальной ответственности (далее – КСО). Дискуссии о функциях бизнеса, его роли в развитии общества ведутся уже несколько десятилетий и не теряют своей актуальности и по сей день. Более того, реализация КСО предполагает выход за рамки установленных законом стандартов ведения бизнеса. Компании стремятся наладить отношения с обществом и инвестировать в его развитие, укреплять репутацию, гармонизировать так называемую «среду обитания». Однако социально ответственное отношение предполагает отвлечение части финансовых ресурсов для решения задач, которые не имеют прямого отношения к получению прибыли.

Стремление к процветанию в долгосрочной перспективе побуждает компании находить баланс между необходимостью инвестировать в социальную сферу и возможными экономическими результатами. Осознавая тот факт, что КСО может быть не просто «жестом доброй воли», но и серьезным инструментом конкуренции, компании активно включают ее принципы в корпоративную стратегию. Можно с уверенностью сказать, что КСО сегодня – это глобальное явление, практика, которая внедряется в странах с различным уровнем политического и социального развития.

В рамках данной статьи раскрывается концепция национальной модели КСО. В статье приводится сравнительный анализ национальных моделей КСО, разработанных в западных странах. Определены их основные сходства и различия. На основании результатов сравнительного анализа авторы предлагают рекомендации по формированию российской модели КСО для государственных структур, частного сектора, СМИ, общества в целом.

Ключевые слова: общество, бизнес, некоммерческие организации, корпоративная благотворительность, государственно-частное партнерство, критерии, социально ответственные инвестиции, корпоративная прозрачность, рекомендации.

Для цитирования: Pustokhin, D. A., Pustokhina, I. V. (2020) [National models of corporate social responsibility: comparative analysis]. *Intellect. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 93–103. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-93.

Introduction

Corporate social responsibility is a type of self-regulatory business plan with initiatives focusing on achieving economic, social and environmental benefits for all stakeholders involved (employees, consumers, investors and other groups).

The concept of corporate social responsibility has different interpretations and is perceived differently in different spheres of activity and parts of the world.

According to the international standard ISO 26000¹, social responsibility is the responsibility of the company for the impact of its decisions and activities on

society and the environment through transparent and ethical behavior that:

- promotes sustainable development, including the health and well-being of society;
- takes into account the expectations of stakeholders;
- corresponds to the applicable legislation and is consistent with international standards of conduct;
- is integrated into the activities of the entire organization and is used in its relationships.

Thus, CSR includes 4 aspects (Table 1).

Table 1. The aspects of corporate social responsibility

Aspects	Comments
Economic	It defines the basic market functions of the company, such as satisfying the needs of consumers and making a profit.
Legal	It speaks about the need to conduct an honest, law-abiding business, as well as the compliance of its activities with the expectations of the parties concerned, again following the letter of the law.
Ethical	It is about the need to conduct business in accordance with the social concepts of morality.
Philanthropic	It initiates the actions of companies to support and develop the well-being of society through voluntary participation in various social programs.

A company operating in accordance with CSR principles should strive to profit, be law-abiding and ethical, and must be a good corporate citizen.

The modern academic community distinguishes several models of CSR, differing in some or other parameters and corresponding to the conditions of those countries in which they are formed. We are talking about American, European (continental), British, Canadian, Scandinavian, Latin, Japanese, Chinese and Islamic CSR models.

In accordance with this approach, the national CSR

model is a set of distinctive features and peculiarities of interaction between the state, business structures, non-commercial organizations (NGOs) and the social characteristic of a certain country or group of countries (region) [3].

Within the framework of this paper, it was decided to focus on the analysis of Western CSR models such as:

- American;
- European (continental);
- British;
- Canadian.

¹ ISO 26000:2010 (en) Social responsibility. Available at <https://www.iso.org/iso-26000-social-responsibility.html>.

It seems advisable to carry out a comparative analysis of the designated Western models, to reveal their main similarities and differences.

Conducting a comparative analysis of national models makes it necessary to determine the criteria (comparative characteristics), according to which it will be implemented.

The nature of relations between the state, business, NGOs and society, together with the peculiarities in the country (historical, socio-political, economic, legal, mental, traditional) have a direct impact on the formation of national CSR models in individual countries or groups of countries (regions) [10], [16].

The list of criteria for comparing national CSR models will be as follows:

- Type of the model
- Nature of the model
- Presence of the main framework documents developed by the state/states
- Main initiators of CSR
- Position of the state
- Role of the business
- Forms of CSR implementation
- Perception of CSR idea by society

So, having determined the criteria, we will characterize the existing national CSR models in accordance with them.

American National Model of CSR

Corporate social responsibility in the US has a long tradition. The American model of CSR began to take shape over 100 years ago (at the beginning of the 20th century) and continues to develop to this day in unison with civil society.

Describing this national model, we should say it has a high share of social spending. The ever-increasing costs of medical care, pensions, support for war veterans aggravate an already difficult situation with a budget deficit and a systematically growing external debt, and there is a need to redistribute the functions of the state and the corporate sector [13], [14]. However, the choice of the application of forces remains for business [6]. The state tries not to interfere directly in the affairs of the private sector. It stimulates socially responsible behavior through tax incentives and credits, but it does not strictly regulate it and allows companies to independently decide in what forms and to what extent they will implement CSR principles. In other words, the business itself is the initiator of CSR.

On December 16, 2016, the Government of the United States adopted the First National Action Plan for the USA (hereinafter referred to as the Plan)². This Plan is intended to strengthen the role of the US Government

in promoting responsible business conduct through effective coordination of activities and the development of a common policy to promote high standards of doing business all over the world, expand cooperation, and support the leading companies. This document focuses on the initiatives of the US Government related to US companies operating abroad. It focuses on five categories of initiatives:

- Set an example for others.
- Cooperate with stakeholders.
- Promote the development of responsible business conduct of companies.
- Identify socially responsible companies.
- Provide access to a complaints mechanism and seek effective remedies.

Each of the five categories contains a description of specific government initiatives, as well as information on responsible executors. Although the document informs about the initiatives in a rather general form, it nevertheless allows us to assess the plans of the US Government for the further development of responsible business behavior. As reported in the document itself, the Plan promotes an open dialogue through which the Government informs interested parties about its intentions, coordinates and evaluates its own actions.

As previously mentioned, representatives of American businesses have the opportunity to independently determine the points of application of forces in the implementation of CSR, as well as possible forms of this implementation. Most companies consider their own shareholders, staff and local communities as key stakeholders. As priority areas of investment, they consider such problem areas as health, education, services to the local population (assistance to disabled people, veterans of wars, etc.) [9].

The most popular form of CSR implementation by American companies for a long period of time remains corporate philanthropy. Traditional for the United States is the establishment of large private companies or its owners of blogging funds. Examples of large private charitable foundations include The Bill and Melinda Gates Foundation; The Kellogg Foundation; The Humanity United Foundation, founded by the founder of eBay, Pierre Omidyar; Fund “Walmart”, etc. Donations of large companies help solve many social problems, including poverty, human trafficking, exploitation of child labor, problems of school education, and others. It is also important to note that American companies mostly perceive philanthropy not as a one-time expression of goodwill, but strive for mutually beneficial cooperation with recipients in the long term. A strategic one gradually replaces the traditional approach to philanthropy.

² Responsible Business Conduct: First National Action Plan for the United States of America / US Department of State, 2016. Available at <https://2009–2017.state.gov/e/eb/epdp/csr/naprbc/265706.htm>.

Other popular forms of CSR implementation in companies are targeted programs of different focus, as well as goal-oriented marketing strategies (suggest that part of the funds from the sale of goods will go to socially significant goals). Within the companies themselves, Social Security Funds are created, which provide funds for disability pensions, sickness benefits, etc. Employees of companies are actively involved in volunteer activities. Business and social organizations create «social alliances» that allow them to cooperate to solve socially significant problems.

In an effort to increase transparency and attract public attention to their own CSR initiatives, US companies are actively developing non-financial reports. To date, the United States is the leader in the number of reporting companies.

It is important to note that the preparation of non-financial reporting in the US is not in itself mandatory. It is voluntary. However, the disclosure of non-financial reporting is recommended by authoritative organizations (in particular the SEC) and is required by many stock exchanges (58 exchanges, including the New York (NYSE), have confirmed their intention to follow the Sustainable Exchange Initiative (SSE) in order to promote the principles of sustainable development on their markets³ [5].

Describing the CSR model in the United States, it is necessary to say that many spheres of society are regulated by society itself. Activist movements are widespread. Often it is public initiatives (pressure from activists) that motivate companies to act in the social sphere.

So, the American national model of CSR can be characterized as open. It is characterized by:

- minimal government intervention in the private sector;
- initiation of CSR by the companies themselves;
- a wide range of forms of implementation of CSR, including through numerous funds of different focus;
- active social position.

All these characteristics create the basis for the American model, which has been worthwhile for many years.

European (Continental) National Model of CSR

The European (continental) model can be called

the antipode of the liberal American model. It began to form in the 70s of the XX century, but the independent direction of the work of the European Union CSR was only in the early 2000's. (after the European Council meeting in Lisbon). This model covers states located on the European continent, excluding Great Britain, Iceland, Ireland, and other island states.

The European Union (EU) is an authoritative integration association. It has experienced not a large but steady increase in key economic indicators. However, despite this, there are a number of serious problems that concern not only the financial but also the social aspects of the activity, such as refugee problem, high unemployment and dependency due to high social benefits, population aging, the problem of preserving cultural and national identity, manifestations of racial hostility, and others [4], [17]. All these problems prompt state structures to take active measures to resolve them.

Today, in the issues of stimulating CSR in European countries, an active role is played by active state participation. As a result, we can observe the effective functioning of various acts that promote the principles of sustainable development [15]. Such actors include NGOs, trade unions, business associations (in particular, CSR Europe), etc. They influence the views of the population and various levels of power, as a result of which CSR is integrated into the sphere of public policy⁴.

State stimulation of CSR in European countries is carried out at all levels – international, EU level, the level of member states – in practically all accessible ways.

Speaking about the international level, it should be noted that the basis for the directives and initiatives adopted in the field of CSR by European countries are the provisions and regulations of the United Nations, ILO, OECD, and other authoritative actors.

Based on this «foundation», the European Union is developing its own initiatives. The most developed from a legal point of view to date are the social and environmental spheres [11]. They are dedicated to hundreds of directives, regulations and various kinds of programs. For example, within the framework of the European Program for Employment and Social Innovation (EaSI) for 2011–2020. The European Commission proposes to finance projects aimed at accelerating the integration of migrants and their families into the labor market⁵.

³ Bove A., Swartz S. Starting at the source: sustainability in supply chains / McKinsey&Company, 2016. Available at <http://www.mckinsey.com/business-functions/sustainability-and-resource-productivity/our-insights/starting-at-the-source-sustainability-in-supply-chains>.

⁴ 100 World's most sustainable corporations / Corporate Knights, 2017. Available at <http://www.corporateknights.com/reports/2017-global-100/2017-global-100-results-14846083/>.

⁵ Regulation (EU) No 1296/2013 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2013 on a European Union Programme for Employment and Social Innovation («EaSI») and amending Decision No 283/2010/EU establishing a European Progress Microfinance Facility for employment and social inclusion / Official Journal of the European Union, 2013. Available at <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2013:347:0238:0252:EN:PDF>.

The European CSR model is characterized by a high degree of elaboration of the legislative base at all levels, which undoubtedly has an impact on the practice of implementing CSR by business representatives.

The activities of European companies are strictly regulated in accordance with the current labor, environmental and tax legislation. They are characterized by a high level of intercorporate regulation. Consider, for example, the activities of one of the leaders of the European community in the field of CSR – the German chemical and pharmaceutical company Bayer. The company implements programs in the following areas: research, education, environmental protection, health care, culture, sports. In addition, Bayer sponsors the development of social projects.

So, the European (continental) model of CSR can be described as closed. It is characterized by:

- high level of state regulation in the sphere of business and CSR;
- a deep study of the legislative framework;
- implementation of CSR by companies with an emphasis on mechanisms of state regulation and internal corporate regulations;
- a wide range of forms of implementation of CSR (often in collaboration with government agencies);
- increased attention of companies to transparency due to a lack of public confidence in the private sector.

British National Model of CSR

The most modern experts agree that the British national model of CSR combines features of both the American and European (continental) model, that is, it has a mixed («hybrid») character. The beginning of its formation started during late years of the twentieth century, and development continues to this day.

The United Kingdom is one of the largest countries in Europe, occupying the tenth place in the world in terms of GDP (at purchasing power parity)⁶. The country is known for its well-developed system of social security, health care, and education. According to the OECD Better Life Index, most welfare indicators – personal security, environmental quality, civic activity, social connections, health, work and wages, housing conditions – are relatively high (above average) in terms of compared with other countries represented in the rating.

As for the European (continental), the British model is characterized by the active support of business by the state. It develops the necessary regulatory documentation, actively supports socially-oriented projects, implements CSR in the public procurement system,

stimulates public dialogue on CSR, publishes information reports on activities in this area.

On the other hand, British companies, with the support of the state, independently initiate activities in the field of CSR. This is typical of the American liberal model. It is interesting that in some British companies, in particular Cadbury confectionery company, the traditions of social protection exist for several hundred years – since the activities of the religious movement of the English Quakers. These traditions formed the basis of the company's modern approach to doing business. In 2008, Cadbury invested 45 million pounds in the development of cocoa farms in Ghana, India, Indonesia and the Caribbean. In 2015, the Cadbury Foundation donated about £ 600,000 to support various social programs across the UK and Ireland⁷.

The spectrum of forms of implementation of CSR by British companies is very extensive. It includes forms characteristic of both the American and European (continental) models: from one-time charitable donations to large-scale social investment projects. Particular attention is paid by British companies to the development of local communities. Large-scale social projects are implemented under the auspices of the Business in the Community, which brings together more than 800 business representatives: from small enterprises to global corporations [8].

An active position is occupied by trade unions subordinated to a single organization – the Trades Union Congress (TUC), which protect workers' rights on a wide range of issues related to working conditions. In most companies, there is a representative of trade union organizations.

Striving for transparency and openness, British companies are actively engaged in the preparation of non-financial reporting. To date, they rank second in the world in the total number of reports produced, second only to the United States.

Thus, the British national model of CSR combines aspects of the open American and closed European (continental) models. The active support of CSR by state structures is complemented by the initiative of the companies themselves. We can note, the business community prefers to formulate the agenda independently or in a dialogue with the state.

Canadian National CSR Model

The Canadian national model of CSR, like the British one, has a hybrid character combining the features of American and European (continental) models. Its formation took place in the late years of the twentieth century, and development continues to this day in unison with Canadian society.

⁶ GDP Ranking, PPP Based / World Bank. Available at <http://data.worldbank.org/data-catalog/GDP-PPP-based-table>.

⁷ Cadbury Foundation. Available at <https://www.cadbury.co.uk/cadbury-foundation>.

Canada is a country that regularly occupies high positions in terms of the welfare and prosperity of society. Canada is in the TOP-25 of the world's richest countries.

Speaking about the Canadian national model of CSR, it should be noted that it is characterized by high activity from government agencies. The Government of Canada developed a Sustainable Development Strategy for the period from 2016 to 2019, which sets out 13 goals that are consistent with the 17 goals of the UN Agenda until 2030: effective actions to prevent climate change; reduction of carbon emissions; «Pure growth», that is, the development of an economy based on alternative sources of energy; infrastructure development; use of «clean energy»⁸; cleanliness of the oceans and coastal areas; maintenance of cleanliness of lakes and rivers; support of biodiversity of ecosystems; care for the environment (support for all types of populations); ensuring the high quality of drinking water; use of innovations in the agricultural sector; ensuring the interaction of Canadian citizens with nature; ensuring the safety and health of local communities⁹.

The Government has a stimulating effect on the state-business-NGO system.

State structures of Canada also pay special attention to CSR issues in the extractive sector of the economy. To date, there is a CSR Promotion Strategy in Extractive Industries, which demonstrates the Government's expectation that companies will promote Canadian values and work abroad in accordance with the highest level of ethical standards¹⁰. In addition, in accordance with the Law on Measures for Ensuring Transparency in the Extractive Sector, Canadian companies are required to report on an annual basis on specific payments made in favor of the Government of Canada and abroad¹¹. It was the Canadian mining expert (James Cooney) who in 1997, at a meeting with representatives of the World Bank, used the term «social license» for the first time to describe the quality of relations between mining companies and a local co-worker.

However, with all the activities of the Canadian Government, the initiators of CSR are still representa-

tives of the business. State structures, in turn, create the necessary conditions for the dissemination of the best socially responsible practices. They developed a Guide to the implementation of CSR in the activities of Canadian companies, which contains practical advice on how to develop a business case for implementing CSR initiatives, how to form and continue to apply a socially responsible strategy, and how to measure the results obtained and disseminate the best corporate practices in the business community¹².

To discuss a wide range of issues related to CSR, specialized organizations have been established, among them: CBSR, CCECP, CBC, etc. These organizations promote the dissemination of the best socially responsible practices, ensure transparency and openness in resolving issues, supply the company with the necessary information.

The spectrum of forms of implementation of CSR by Canadian companies is very extensive. Projects of public-private partnership are being successfully implemented.

Charitable organizations are widely distributed. Their total number exceeds 86,000¹³. Canadian companies are deeply involved in the process of creating a public good. For example, Four Seasons Company supports organizations involved in the fight against cancer [7], [12].

Speaking about the Canadian national CSR model, it is necessary to pay attention to the fact that the position of the Canadian society regarding CSR and sustainable development is taken into account by state structures when drafting the Federal Strategy¹⁴.

Thus, the Canadian national model of CSR has a «hybrid» character. It combines features of the American (CSR initiation by the companies themselves) and European (continental) (increased attention from the state) models. This model seems to be the most effective and balanced. It is designed in such a way that it excludes pressure from the state, but at the same time, it allows identifying and effectively solving urgent social problems in the form of a multilateral dialogue in

⁸ The National Renewable Energy Action Plans / European Commission. Available at <http://ec.europa.eu/energy/en/topics/renewable-energy/national-action-plans>.

⁹ A Federal Sustainable Development Strategy for Canada 2016–2019 / Government of Canada. Available at <https://www.canada.ca/en/services/environment/conservation/sustainability/federal-sustainable-development-strategy.html>.

¹⁰ Doing Business the Canadian Way: A Strategy to Advance Corporate Social Responsibility in Canada's Extractive Sector Abroad / Government of Canada. Available at <http://www.international.gc.ca/trade-agreements-accords-commerciaux/topics-domaines/other-autre/csr-strat-rse.aspx?lang=eng>.

¹¹ Extractive Sector Transparency Measures Act / Government of Canada. Available at <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/E-22.7/page-1.html>.

¹² Corporate social responsibility (CSR). An implementation guide for Canadian business / Industry Canada, 2014. Available at [https://www.ic.gc.ca/eic/site/csrse.nsf/vwapj/CSRImplementationGuide.pdf/\\$file/CSRImplementationGuide.pdf](https://www.ic.gc.ca/eic/site/csrse.nsf/vwapj/CSRImplementationGuide.pdf/$file/CSRImplementationGuide.pdf).

¹³ Brown M. Canada's top-rated charities / MoneySense, 2016. Available at <http://www.moneysense.ca/save/financial-planning/canadas-top-rated-charities-2017/>. Brown M. Canada's top-rated charities / MoneySense, 2016. <http://www.moneysense.ca/save/financial-planning/canadas-top-rated-charities-2017/>.

¹⁴ Sustainability and Reporting Trends in 2025. Preparing for the Future / Global Reporting Initiative (GRI), 2015. Available at <https://www.globalreporting.org/resource/library/Sustainability-and-Reporting-Trends-in-2025-1.pdf>.

the «state-business-NGO-society» system. This model can be applied cliché «made by people for people». Particularly valuable is the fact that state structures take into account the opinion of the inhabitants of the country, thereby increasing the level of loyalty of society, forming a spirit of ownership.

Four CSR models were analyzed. Each of them has its own peculiarities, which make it possible to distinguish one national model from another. On the basis of the data discussed, a brief review can be made, allowing to form a general idea of the studied CSR models (Table 2).

Table 2. A brief review of CSR models

Criteria	American national model of CSR	European national model of CSR	British national model of CSR	Canadian national model of CSR
1. Type of the model	Original	Original	Hybrid	Hybrid
2. The nature of the model	Open	Close	Mixed (inclined towards the closed)	Mixed (balanced)
3. Presence of the main framework documents developed by the state/states	Responsible Business Conduct. First Nation Action Plan for the USA	16 of the 28 EU member states (including the UK) have National CSR Action Plans		1. The strategy of sustainable development for the period from 2016 to 2019. 2. An Implementation Guide for Canadian Business
4. The main initiators of CSR	Business	State	Business with active support of the state	Business and the state as partners
5. Position of the state	Minimal interference of the state in business affairs	High level of state regulation	Active support of the state with the initiative of the companies themselves	The state initiates events that unite the efforts of himself, business, society and NGOs
6. Position of the business	Activity of the companies themselves. State intervention is perceived extremely negatively	Implementation of CSR by companies with an emphasis on government regulation mechanisms	Business prefers to independently form an agenda in the field of CSR	The business relies on state initiatives, but at the same time it is active
7. Forms of CSR implementation	A wide range of forms of CSR implementation			
	1. CSR is initiated by the companies themselves, goes beyond the statutory minimum. 2. Implementation of CSR principles to the extent that modern business rules require and you can increase the value of the company. 3. Objects of entrepreneurship are maximally freed. 4. American TNCs are «leaders» in the implementation of CSR practices.	1. The business activity is strictly regulated within the framework of the current legislation (labor, environmental, tax). 2. The JCB is carried out within the framework of internal corporate regulations	1. It is based on the traditions of social protection, rooted in the teachings of the religious movement of English Quakers (this is typical, for example, for the confectionery company Cadbury). 2. Orientation to honesty, reliability and social responsibility in the conduct of business. 3. Active business support of local communities. 4. Involvement in CSR of representatives of small and medium-sized businesses.	1. Active position of the business community. Representatives of business create specialized organizations focusing on CSR and sustainable development issues (in particular, Canadian Business for Social Responsibility, CBSR). 2. Close cooperation between business and the state. 3. The initiators of CSR are the companies themselves
8. Perception of CSR idea by society	Support, activity, initiative	Distrust of the private sector. CSR as a legally stipulated necessity	From neutrality to approval. CSR as a desirable benefit	Support. Readiness for dialogue with state structures and business in CSR

Recommendations on the Formation of the Russian Model of CSR

At the stage of the initial formation of the national model of CSR, it is extremely important to take into account the rich experience that has developed in foreign countries. On the basis of a comparative analysis of the national models of CSR developed in Western countries, we will propose recommendations on the formation of the Russian CSR model for state structures, the private sector, and other actors.

Recommendations for state structures:

1. *Develop a National Policy in the field of CSR*

The need to create a unified Politics has «matured» for a long time. CSR standards have been consolidated in documents at the level of individual subjects of the Russian Federation. However, all these documents focus on different indicators, developed using different methods. Unfortunately, we can not talk about coherence in CSR regulation issues. The need for a framework state document is felt more and more.

2. *Support public-private partnership (PPP)*

The PPP mechanism is an instrument for developing regional and municipal infrastructure, attracting investments, improving the quality of services provided to the population.

The most favorable regions for the level of PPP development in 2019 are: Samara Region, Moscow, Moscow Region, Nizhny Novgorod Region, Perm Territory¹⁵.

3. *Support and develop incentive actions for socially responsible companies*

The construction of a system of material incentives is undoubtedly a very difficult task. The main difficulties are to find the necessary sums of money, as well as to distribute these amounts among the participants. Leading positions in the ratings are traditionally occupied by large companies, while representatives of medium and small businesses remain out of work. The solution of this problem (subject to the high interest of business representatives and the readiness to develop in the direction of CSR) may be the development of separate ratings for small, medium and large businesses.

The issue of developing a system of material incentives for socially responsible companies requires attention and careful consideration both from government agencies and from business organizations.

4. *Improve tax legislation, develop a favorable business climate*

The tax sphere has always been and remains a field

for discussion. For example, in Russia the tax maneuver to reduce the rate of insurance premiums from 30% to 22% with a simultaneous increase in VAT from 18% to 22% was supported by some experts (in particular, Finance Minister A. Siluanov) and seriously criticized by others (A. Kudrin). Ambiguity and inconsistency in such matters seriously complicates the adoption of specific practice decisions. The process of «tune-up» risks seriously dragging out. In these circumstances, the specific proposals of experts on the solution of existing problems acquire special significance.

5. *Competently set priorities in solving social problems*

Characteristic manifestations of CSR in Western countries are the protection of minorities from discrimination and the observance of gender equality. Of course, these questions are extremely important and they need to be paid attention. However, in our opinion, these problems are problems of a «higher order». For Russia, at present, such issues as the quality of food products produced and imported, the evasion of employers from paying taxes (wages in envelopes), the inability of companies to provide jobs to the public (especially in single-industry towns), the low quality of free medicine, inability of the social environment for people with disabilities should be a priority for development of CSR in Russia.

Recommendations for private sector:

1. *Develop a strategic approach to CSR*

In a dynamically changing world, it is important to be aware of what needs to be done today, so that tomorrow not be defeated in the struggle for existence. Of course, strategic management cannot provide an accurate description of what will happen in the future. However, it allows on the basis of an analysis of various elements of the environment to assume how it will change, and to adapt to these changes in a timely manner.

A strategic approach to CSR is widely in demand in Western countries. In Russia, it is just beginning to form and is supported mainly by big business. From our point of view, it is the strategic approach that will allow domestic companies to develop successfully, keeping the course for the long term.

2. *Adhere to the systemic and management approaches to CSD*

Currently, most Russian companies focus on individual elements of the CSD, not considering it as a complex, multifactor process and an independent control facility¹⁶. So, CSR is associated primarily with corporate

¹⁵ Рейтинг субъектов Российской Федерации по уровню развития сферы ГЧП за 2019 год. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/file/764aafac33fa544aec5b3008619e92a8/reiting_gchp_022020.pdf.

¹⁶ Кемберис С. Пять способов включить КСО в программу подготовки руководящих кадров / Социальная ответственность бизнеса, 2015. [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://soc-otvet.ru/pyat-sposobov-vklyuchit-kso-v-programmu-podgotovki-rukodystvuyushhih-kadrov/>.

charity, while the remaining elements of the «portfolio» of social investment are either absent or they are given much less attention. We are convinced that following the ISO 26000 standard will help domestic companies bring together in a single system the principles of social responsibility, approaches to its main topics and problems, as well as ways to integrate socially responsible behavior into managerial processes.

3. *Develop socially responsible investment*

Systemic unity in building the interaction of «business-stakeholders», improving this interaction, its subordination to the company's overall strategy in the field of CSR will improve the effectiveness of the CSD (Central Securities Depository) as a separate company, and the entire Russian business. Moreover, this approach will ensure a reduction in the risks of possible financial losses in the long term.

4. *Create inter-corporate clusters (social clusters)*

It should be noted that Russia already has experience in creating clusters in the fields of information technology, medicine, engineering, petrol chemistry, etc¹⁷. This experience is highly likely to be useful in the creation of social clusters in terms of the general mechanism for cooperation of companies for joint decision of priority tasks.

5. *Respond more actively to CSR initiatives proposed by the world community*

Modern companies have the opportunity to contribute to sustainable development through SOI (Sustainability-oriented innovation). This is a type of investment, the goal of which is not so much to receive income on invested funds, but rather to create positive social changes, reduce the negative impact on the environment and comply with ethical standards [2]. Over the past 40 years of development of the world community, SDI from single practices has evolved to a separate segment of the stock market with its participants and infrastructure.

As this trend develops in Russia, companies can reconsider their conservative investment strategies, including social investments. The profitability of social businesses, according to experts, can reach 5–6% per year, which corresponds to the average profitability of commercial funds with a conservative investment strategy [1].

Recommendations for other actors

Currently in the Russian society, there is a double attitude to the manifestation of social initiatives on the part of companies and their individual representatives. The most controversial area is corporate charity.

On the one hand, voluntary initiatives of business are perceived by the society with gratitude, which positively affects the business reputation of the company-philanthropist.

On the other hand, there are many questions and suspicions about the «nobleness» of the donor. We must honestly admit that charity in our country is not always initiated by sincere intentions. Often it acts as a way to legalize funds obtained illegally, or in other words, «money laundering». Non-profit organizations (NGOs), in particular charitable foundations, are often at the center of scandals, which undermines the reputation of not only the company that poses as socially responsible, but also all charity in general. The society ceases to perceive socially responsible initiatives and begins to be suspicious of all such manifestations on the part of companies.

An important role in this matter is played by the mass media. Any incidents related to charity and ecology receive a wide response, while positive examples and manifestations of the best corporate practices often go unnoticed. In this situation, the media is advisable to conduct information campaigns in support of socially responsible companies. The companies themselves should cooperate with media representatives as one of the most important stakeholders. Tandem «business media» can be effective only if the companies themselves are ready to openly and convincingly declare their own decisions in the field of CSR.

It should be also highlighted that ethical consumption is a phenomenon characteristic of developed countries. With ethical consumption, information on the environmental and social properties of the product has a direct impact on the decision to purchase. The consumer consciously prefers the goods produced, processed and delivered with minimal damage to people, their producing, animals and the environment as a whole.

According to an international survey of 30,000 people conducted by Nielsen in 60 countries in 2014, on average 55% of consumers are willing to pay more for products and services provided by socially responsible companies¹⁸. And this share increases. In Russia, ethical consumption has not yet become widespread. However, this idea attracts more and more supporters from year to year.

Thus, recommendations were proposed on the formation of the Russian national CSR model. They are directed to state structures, the private sector, the media and society as a whole. It is assumed that following these recommendations, considering them as a single system of necessary measures, will contribute to the formation of the Russian national CSR model.

¹⁷ Карта кластеров России. [Электронный источник]. – Режим доступа: <http://map.cluster.hse.ru/>.

¹⁸ Doing well by doing good. Increasingly, consumers care about corporate social responsibility, but does concern convert to consumption? Available at <https://www.nielsen.com/wp-content/uploads/sites/3/2019/04/global-corporate-social-responsibility-report-june-2014.pdf>.

Conclusion

Speaking of the multitude of CSR national models that exist to date, it is worth asking the question: «Is it advisable for countries with still emerging national models to choose their own (unique) path of development in this direction?» In other words, is there a need to «start from scratch»?

Based on the results of the comparative analysis and taking into account the rich experience accumulated by «pioneer countries» for many decades, it can be concluded that one should consider this experience as a source of knowledge and best corporate practices.

Thus, the practical significance of the article lies in the fact that conclusions and proposed recommen-

dations are aimed at contributing to the more effective development of CSR, as well as the formation of the national CSR model.

A study conducted by the authors revealed that more attention should be paid to increasing the value of CSR and creating favorable conditions for businesses to invest socially. Most effectively, these tasks can be solved taking into account three principles, such as ensuring CSR voluntariness, development of CSR within the framework of sustainable development [18] and taking into account regional features. Companies can also contribute to the development of the CSR institute by combining their projects into a comprehensive CSR practice.

References

1. Ilyina, G. N. (2014). [Social responsibility of Russian business: strategies and innovations]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO-University]. Vol. 1 (34), pp. 216–224. (In Russ.).
2. Kholopov, V. A., Shkrebtienko, O. V. (2009). [Social partnership of power, business and society as a tool to improve the quality of life]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskiye i yuridicheskiye nauki* [Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences]. Vol. 2–1, pp. 161–168. (In Russ.).
3. Annenkov, A. Y., Khmelev, I. B., Sokolnikova, I. V., Ilinam, O. N. (2019) Legal and economic aspects of developing corporate social responsibility in businesses. *International Journal of Civil Engineering and Technology*, 10 (2), 1892–1898. (In Engl.).
4. Cooper, E., Henderson, C., Kish, A. (2019) Corporate social responsibility and financial stability: evidence from the troubled asset relief program. *Managerial Finance*, 45 (8), 1111–1128. (In Engl.).
5. Da Silveira, L. M., Petrini M. (2018) Sustainable development and corporate social responsibility: a bibliometric analysis of international scientific production. *Gestao e Producao*, 25 (1), 56–67. (In Engl.).
6. Feng, Ch., Saginov, Yu. L. (2018) Corporate social responsibility as a business strategy. *Human capital vocational education*. Vol. 1 (25), pp. 81–87. (In Engl.).
7. González-Rodríguez, M. R., Martín-Samper, R. C., Köseoglu, M. A., Okumus, F. (2019) Hotels' corporate social responsibility practices, organizational culture, firm reputation, and performance. *Journal of Sustainable Tourism*, 27 (3), pp. 398–419. (In Engl.).
8. Levchenko, O., Dogadaylo, Ya. (2018) Building a model of corporate social responsibility of the enterprise. *Transport complex economy*. Vol. 31, pp. 80–90. (In Engl.).
9. Li, L., Li G., Yang, X., Yang, Z. (2019) Pursuing superior performance of service innovation through improved corporate social responsibility: from a knowledge acquisition perspective. *Asia Pacific Journal of Marketing and Logistics*. Vol. 31 (4), pp. 925–943. (In Engl.).
10. Melnik, M. V., Voronkova, O. Yu., Nikitochkina, Y. V., Tchuykova N. M., Davidyants A. A., Titova S. V. (2020) Corporate social responsibility of business as a factor of regional development. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*. Vol. 7 (3), pp. 2170–2180. (In Engl.).
11. Myroshnychenko, I., Makarenko, I., Smolennikov, D., Buriak, A. (2019) The approach to managing corporate social and environmental responsibility in manufacturing. *TEM Journal: Technology, Education, Management, Informatics*, 8 (3), pp. 740–748. (In Engl.).
12. Ng, A. W., Tavitiyaman, P. (2020) Corporate social responsibility and sustainability initiatives of multinational hotel corporations. *World Sustainability Series*, pp. 3–15.
13. Rudakova, E. N., Pashentsev, D. A., Myrzalimov, R. M., Alpatov, Y. M., Baranov, V. A. (2019) Corporate social responsibility. *Espacios*. Vol. 40 (22).
14. Sari, W. P., Ratnadi, Ni. M. D., Laxmi, L. E., Shankar, K., Wiflihani, W. (2020) Corporate social responsibility (CSR): concept of the responsibility of the corporations. *Journal of Critical Reviews*. Vol. 7 (1), pp. 241–245. (In Engl.).
15. Serbănescu, C., Vintilescu, A. (2018) Efficiency and effectiveness in social assistance using corporate social responsibility and the economics of tagging. *Romanian Journal of Political Science*. Vol. 18 (2), pp. 91–115. (In Engl.).
16. Sulphey, M. M. (2017) Corporate social responsibility or corporate social irresponsibility: where should be the focus? *Problems and Perspectives in Management*. Vol. 15 (4), pp. 293–301.
17. Tiba, S., van Rijnsoever F. J., Hekkert, M. P. (2019) Firms with benefits: a systematic review of respon-

sible entrepreneurship and corporate social responsibility literature. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 26 (2), 265–284.

18. Yevdokimova, M., Zamlinskyi, V., Minakova, S., Biriuk, O., Ilina, O. (2019) Evolution of corporate social responsibility applied to the concept of sustainable development. *Journal of Security and Sustainability Issues*, 8 (3), 473–480.

Information about the authors:

Denis Alexandrovich Pustokhin, PhD in Economics, Associate Professor of Logistics Department, State University of Management, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0002-8138-8494, **Researcher ID:** AAN-4466-2020

e-mail: dpustokhin@yandex.ru

Irina Valeryevna Pustokhina, PhD in Economics, Associate Professor of Entrepreneurship and Logistics Department, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0001-5480-8871, **Researcher ID:** D-3508-2019

e-mail: pustohina.iv@rea.ru

The paper was submitted: 14.05.2020.

Accepted for publication: 19.08.2020.

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация об авторах:

Денис Александрович Пустохин, кандидат экономических наук, доцент кафедры логистики, Государственный университет управления, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0002-8138-8494, **Researcher ID:** AAN-4466-2020

e-mail: dpustokhin@yandex.ru

Ирина Валерьевна Пустохина, кандидат экономических наук, доцент кафедры предпринимательства и логистики, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0001-5480-8871, **Researcher ID:** D-3508-2019

e-mail: pustohina.iv@rea.ru

Статья поступила в редакцию: 14.05.2020; принята в печать: 19.08.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

ФИНАНСОВЫЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТАМИ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В РЫБОХОЗЯЙСТВЕННОМ КОМПЛЕКСЕ

Л. И. Сергеев¹, Р. А. Мнацаканян²

Калининградский государственный технический университет, Калининград, Россия

¹e-mail: leonid.sergeev@klgtu.ru

²e-mail: robert.mnatsakanyan@klgtu.ru

Аннотация. Результатами деятельности рыбного хозяйства являются эффекты, имеющие важное экономическое и общественное значение. Поэтому вопросы функционирования и развития рыбной отрасли занимают особое место в экономической политике на всех уровнях управления. Существует довольно большой набор мер такой политики. Тем не менее, масштабность и комплексность проблем в рыбной отрасли в нашей стране обуславливает необходимость дальнейшего поиска оптимальных форм взаимодействия государства и организаций рыбохозяйственного бизнеса. Основой взаимодействия может стать механизм государственно-частного партнерства (ГЧП) – один из общепризнанных способов решения сложных социально-экономических проблем. Целью данной работы является разработка подхода к организации управления финансами проектов ГЧП в сфере рыбного хозяйства. Теоретическую основу работы составляют положения методологии финансового планирования и управления финансами проектов. В статье рассматриваются финансово-экономические аспекты проектов ГЧП в рыбной отрасли. Предлагается многоуровневая модель организации финансового планирования таких проектов, даются рекомендации по ее практическому применению и выбору инструментов, служащих ее наполнением. Делается вывод, что целью финансового планирования проектов ГЧП в рыбной отрасли является обеспечение долгосрочного устойчивого развития предприятий, согласованного с приоритетами и целями общественного развития. Научная новизна проделанной работы заключается в систематизации взглядов на управление финансами ГЧП и выработке на этой основе подхода к организации системы финансового планирования в рамках проектов ГЧП с учетом специфики рыбной отрасли. Практическая ценность результатов данного исследования определяется возможностью их использования для разработки мероприятий государственной экономической политики в сфере рыбохозяйственного комплекса, в частности, при формировании государственных и региональных целевых программ, а также при внедрении механизмов ГЧП в деятельность отрасли. Представляется, что перспективным направлением дальнейших исследований может стать детальная проработка инструментов финансового планирования и разработка практико-ориентированных методик, обеспечивающих эффективность функционирования системы управления финансами ГЧП в рыбной отрасли.

Ключевые слова: рыбохозяйственный комплекс, отраслевая политика, государственно-частное партнерство, финансовое управление, финансовые методы.

Для цитирования: Сергеев Л. И., Мнацаканян Р. А. Финансовые аспекты управления проектами государственно-частного партнерства в рыбохозяйственном комплексе // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 5. – С. 104–112. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-104.

FINANCIAL ASPECTS OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP PROJECT MANAGEMENT IN THE FISHERIES SECTOR

L. I. Sergeev¹, R. A. Mnatsakanyan²

Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia

¹e-mail: leonid.sergeev@klgtu.ru

²e-mail: robert.mnatsakanyan@klgtu.ru

Abstract. The results of fisheries are effects of important economic and social importance. Therefore, the problems of the development of the fishing industry occupy a special place in economic policy at all levels of government. There is a fairly large set of measures for such a policy. Nevertheless, the scale and complexity of the problems in the fishing industry in our country necessitates a further search for optimal forms of interaction between the state and the organizations of the fishing business. The basis of interaction can be the PPP mechanism – one of the generally recognized ways to solve complex socio-economic problems. The purpose of this article is to develop

an approach to the organization of financial management of PPP projects in the field of fisheries. The theoretical basis of the work is the provisions of the methodology of financial planning and project finance management. The article discusses the financial and economic aspects of PPP projects in the fishing industry. A multilevel model for organizing financial planning of such projects is proposed, recommendations are given on its practical application and the selection of tools that serve as its filling. It is concluded that the goal of financial planning of PPP projects in the fishing industry is to ensure long-term sustainable development of enterprises, consistent with the priorities and goals of social development. The scientific novelty of the work done is to systematize the views on PPP finance management and develop on this basis an approach to organizing a financial planning system within the framework of PPP projects taking into account the specifics of the fishing industry. The practical value of the results of this study is determined by the possibility of using them to develop measures of state economic policy in the field of the fishery complex, in particular, in the formation of state and regional target programs, as well as in the implementation of PPP mechanisms in the industry. It seems that the detailed study of financial planning tools and the development of practice-oriented methods that ensure the effectiveness of the PPP financial management system in the fishing industry can become a promising area for further research.

Key words: fishery, sectoral economic policy, public-private partnership, financial management, financial methods.

Cite as: Sergeev, L. I., Mnatsakanyan, R. A. (2020) [Financial aspects of public-private partnership project management in the fisheries sector]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 104–112. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-104.

Введение

Рыбное хозяйство играет важную роль в российской экономике. Результатами его деятельности являются разнообразные эффекты. Предприятия рыбной промышленности не только создают стоимость для своих владельцев, но и выполняют важные социальные функции, обеспечивая занятость населения в приморских регионах, от них зависит продовольственная и экономическая безопасность страны, а добыча рыбы оказывает существенное влияние на биоразнообразие водной среды. В силу этого вопросы функционирования и развития рыбной отрасли занимают важное место в экономической политике, проводимой на государственном, региональном и других уровнях управления.

Реализация государством своей миссии по поддержке деятельности и регулированию рыбного хозяйства в условиях рыночной экономики осуществляется посредством широкого набора инструментов и методов как экономического, так и неэкономического характера. В частности, в России и в других странах распространенными мерами государственной политики в сфере рыбного хозяйства являются: предоставление организациям налоговых преференций, льготных кредитов, субсидий и иных форм финансовой помощи бизнесу, регулирование доступа к природным ресурсам (запасам водных биоресурсов), меры по защите внутреннего рынка и поддержке экспорта рыбной продукции, а также общеэкономические и другие меры государственной политики. Применение государством таких специальных мер в отношении рыболовства и смежных с ним видов экономической деятельности – довольно распространенная практика. Ее обоснованием служит ситуация, описываемая в экономической теории как «провалы рынка». Согласно данному взгляду, в рыбном бизнесе, как и в ряде других от-

раслей экономики, существуют направления деятельности, применительно к которым стандартные механизмы рыночной экономики оказываются не состоятельными либо неэффективными с позиций обеспечения общественных и коллективных интересов [7]. Другим основанием для значительного вмешательства государства в дела рыбной отрасли является отнесение ряда водных биоресурсов к категории т. н. «общественного блага». Принято считать, что использование данного блага в целях узкого круга лиц не должно противоречить интересам общества [9].

В последние годы в нашей стране принят и реализуется ряд важных решений, направленных на обеспечение устойчивого развития рыбного хозяйства. Согласно приоритетам, целям и задачам этих решений, одной из мер государственной политики, призванной обеспечить поступательное и выражающее интересы общества развитие рыбного хозяйства является внедрение в отрасли механизмов ГЧП. Данный способ экономического развития в настоящее время является одним из общепризнанных инструментов, обеспечивающих эффективное решение самых разнообразных и сложных социально-экономических проблем, требующих согласованных действий и комплексного учета общественных и частных интересов.

Комплексный, социально-экономический характер деятельности рыбного хозяйства, сильная взаимосвязь отрасли с другими частями экономической системы страны определяют целесообразность применения в рыбном хозяйстве механизмов ГЧП. В рыбохозяйственном комплексе России имеется целый ряд направлений, например, такие как: рыбопромысловый и вспомогательный флот, аквакультура, портовая и береговая инфраструктура, научные исследования и разработки и пр., отли-

чающиеся сложностью проблем, которые, к тому же, также часто носят комплексный – социальный, экологический и общегосударственный характер. Однако, несмотря на актуальность и востребованность, ГЧП до сих пор формально не входит в перечень инструментов и мер государственной политики в сфере РХК в РФ. В отрасли имеются лишь единичные примеры, которые по отдельным признакам можно классифицировать как ГЧП, хотя многие из содержащихся в программных документах мер предполагают тесное сотрудничество государства с негосударственными структурами¹.

Сложившаяся ситуация приводит к тому, что предпринимаемые государством попытки решения многих серьезных проблем рыбной отрасли традиционными методами часто оказываются неэффективными и не приносят ожидаемого результата. Основная причина этого, на наш взгляд, кроется в отсутствии в системе отраслевого управления рыбным хозяйством стратегического подхода, ведущем к несогласованности действий главных игроков отрасли – государства и частного бизнеса. С одной стороны, предприятия рыбного хозяйства, действуя в одиночку, в силу ограниченности доступных им материальных и финансовых ресурсов, часто не способны обеспечить решение сложных и разноплановых проблем без поддержки государства. Вместе с тем, реализуемая государством отраслевая экономическая политика не может быть результативной без активного участия в ней частных структур. Таким образом, масштабность и комплексность проблем, стоящих перед рыбной отраслью, предопределяет необходимость тесного взаимодействия государства и организаций рыбохозяйственного бизнеса. Основой такого взаимодействия могут стать идеи, принципы и механизмы ГЧП.

Методологические подходы к управлению финансами проектов ГЧП

Целесообразность использования механизма ГЧП в рыбном хозяйстве России обусловлена не только сложностью задач, стоящих перед этой отраслью, но и имеющимся теоретическими наработками и большим опытом применения данной формы взаимодействия государства и бизнеса. В связи с этим представляется, что концептуальные положения и практические способы применения механизма ГЧП, успешно себя зарекомендовавшие в решении похожих проблем в других отраслях экономики, также способны обеспечить решение многих вопросов развития отечественного рыбного хозяйства. Опираясь на имеющиеся знания и опыт реа-

лизации ГЧП в других отраслях экономики, а также учитывая специфические особенности и проблемы рыбного хозяйства, можно предположить, что приоритетными направлениями в рамках данного типа отраслевой политики в нашей стране могут стать:

- создание благоприятных общеэкономических предпосылок для ГЧП в рыбном хозяйстве за счет расширения сфер применения, а также внедрения различных инструментов и форм этого партнерства в государственных программах развития рыбохозяйственного комплекса;

- продолжение практики совершенствования национальных правовых основ ГЧП, в том числе, за счет более полного учета в нормативно-правовых актах, регламентирующих вопросы партнерства отраслевой специфики;

- внедрение новых финансово-экономических механизмов и мер, призванных обеспечить рост активности отечественных и зарубежных частных инвестиций в проекты развития рыбохозяйственного комплекса.

При этом главной целью отраслевой политики государства должно быть максимально полное использование потенциальных возможностей ГЧП для обеспечения ключевой стратегической задачи развития отечественного рыбного хозяйства – его перехода на устойчивый, инновационный путь развития.

Разработка и реализации всего комплекса взаимосвязанных мероприятий, составляющих «ядро» отраслевого механизма ГЧП, обеспечение их преемственности и согласование с существующей политикой развития рыбного хозяйства – крайне сложная организационная задача, требующая наличия исчерпывающей информации и привлечения значительных интеллектуальных ресурсов. Учитывая ограниченный характер нашей работы, сфокусируемся, прежде всего, на ключевом, на наш взгляд, вопросе, во многом, предопределяющем успешность ГЧП – систематизации и структурировании финансово-экономических положений, на которых базируется организация взаимодействия государства и бизнеса при реализации совместных проектов в рыбной отрасли.

Хорошо известно, что основой финансовой деятельности любого экономического субъекта и, следовательно, главным предметом исследований в данной области является процесс движения платежных и финансовых средств. Поэтому эффективное управление финансами проекта ГЧП, реализуемого в сфере РХК означает, прежде всего, оптимальное планирование финансовых процессов и от-

¹ Государственная программа Российской Федерации «Развитие рыбохозяйственного комплекса». Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 27.03.2019 г. № 324; Концепция развития рыбного хозяйства Российской Федерации на период до 2020 года. Одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 02.09.2003 г. № 1265-р.

ношений и обусловленных ими денежных потоков с целью достижения проектом финансового равновесия и обеспечения его экономической эффективности [11]. Согласно общепринятым представлениям, в условиях рыночной экономики главная роль финансового планирования состоит в научном обосновании рациональных способов организации финансовых отношений, выявлении оптимальных стоимостных пропорций в процессе формирования и использования финансовых ресурсов. В рамках данного типа планирования устанавливаются конкретные ориентиры финансово-хозяйственной деятельности, проводится анализ и отбор наиболее продуктивных с финансовой точки зрения вариантов развития бизнеса. Такой подход к установлению финансовых показателей позволяет связать их со стратегическими целями и обеспечивает эффективный контроль за использованием имеющихся в распоряжении предприятия финансовых ресурсов. Финансовое планирование также выступает одним из главных способов привлечения внешнего финансирования.

Следует отметить, что проблематика финансового подхода к управлению комплексными проектами, к числу которых относятся проекты, реализуемые на условиях ГЧП, в последние годы является предметом пристального внимания многих российских и зарубежных ученых. В частности, одним из направлений исследований в этой области стала разработка механизмов и принципов формирования сбалансированной финансовой политики ГЧП, учитывающей специфические условия деятельности в разных странах и секторах экономики. Имеется довольно много работ, в которых рассматриваются теоретические основы финансовой политики ГЧП, выполненных как научными коллективами (см. например, публикации Всемирного банка [17]), так и отдельными авторами (например, Йеском Э. Р. [2], Делмон Д. [16], Ескомб Э. [18] и др.). В рамках развития финансовых аспектов партнерства магистральными направлениями современных исследований отечественных авторов выступают проблемы формирования финансовой политики взаимодействия государства с предпринимательскими структурами (Макаров И. Н. [8]), поиска оптимальных соотношений при выборе источников финансирования ГЧП (Калинин Н. В., Медведева Т. В., Ромицына Г. А. [3]), моделирования финансовых потоков комплексных проектов ГЧП (Захаров С. В. [1]). Определенный интерес также представляют методологические наработки, расширяющие финансовые методы управления за счет интеграции в них нестоимостных факторов (Карлов А. М., Сергеев Л. И., Харин А. Г. [4; 13; 15]). Подходы и решения, предложенные авторами этих, а также ряда других работ способны составить теоретическую и методическую основу для разработки сис-

темы финансового планирования проектов ГЧП во многих секторах экономики и, в том числе, в рыбохозяйственном комплексе.

Систематизация и обобщение различных точек зрения отечественных и зарубежных авторов позволяет определить систему финансового планирования, реализуемую в рамках ГЧП, как уникальную технологию управления. Ее главным предназначением является снижение неопределенности, связанной с предпринимательской деятельностью, посредством выработки ясных целевых установок, согласованных со всеми участниками экономических отношений и создания эффективной системы управления результатами деятельности, обеспечивающей достижение поставленных целей.

Система финансового планирования ГЧП в рыбной отрасли

Если рассматривать ГЧП как специфическую форму корпоративного развития и, исходя из этого, руководствоваться классическими принципами управления проектами, то эффективная организация финансового планирования в рамках ГЧП предполагает наличие, как минимум, трех уровней планирования, которые находятся в строгой соподчиненности друг с другом (рисунок 1). Таким образом, можно выделить:

- уровень стратегического планирования проекта, направленного на долгосрочную перспективу (обычно свыше 5 лет) и осуществляемого путем разработки стратегии устойчивого развития предприятия на основе комплексного анализа и прогноза его внутренней среды и внешнего окружения;
- уровень тактического финансово-экономического планирования, обычно рассчитанного на среднесрочную перспективу (от двух до пяти лет), в практической деятельности организаций принимающего форму бизнес-планирования и обеспечивающего достижение стратегических целей развития;
- оперативного финансового планирования, рассчитанного на период менее двух лет и на практике часто принимающего форму бюджетирования. Оперативные планы выступают инструментом решения задач, определенных на стратегическом и тактическом уровнях.

Основные различия между выделенными уровнями планирования определяются сроками достижения и возможностями для прогнозирования динамики целевых показателей, имеющимися в распоряжении инициаторов проекта ресурсами, а также специфическими особенностями хозяйственной деятельности, планируемой в рамках ГЧП. При этом следует учитывать тесные взаимосвязи, существующие между уровнями финансового планирования. В частности, тактические и оперативные

финансовые планы разрабатываются на основании стратегических планов, но при этом результатом оперативного планирования может стать корректировка финансовой стратегии ГЧП. Поэтому в силу указанной особенности системы финансового планирования проектов ГЧП важным является обеспечение ее гибкости, возможности оперативной кор-

ректировки и согласования разноуровневых документов планирования [12]. Решению данной задачи служат специальные инструменты и модели финансового менеджмента, которые после адаптации могут быть задействованы в рамках управления финансами проектов ГЧП в рыбной отрасли. Коротко опишем некоторые, наиболее важные из них.

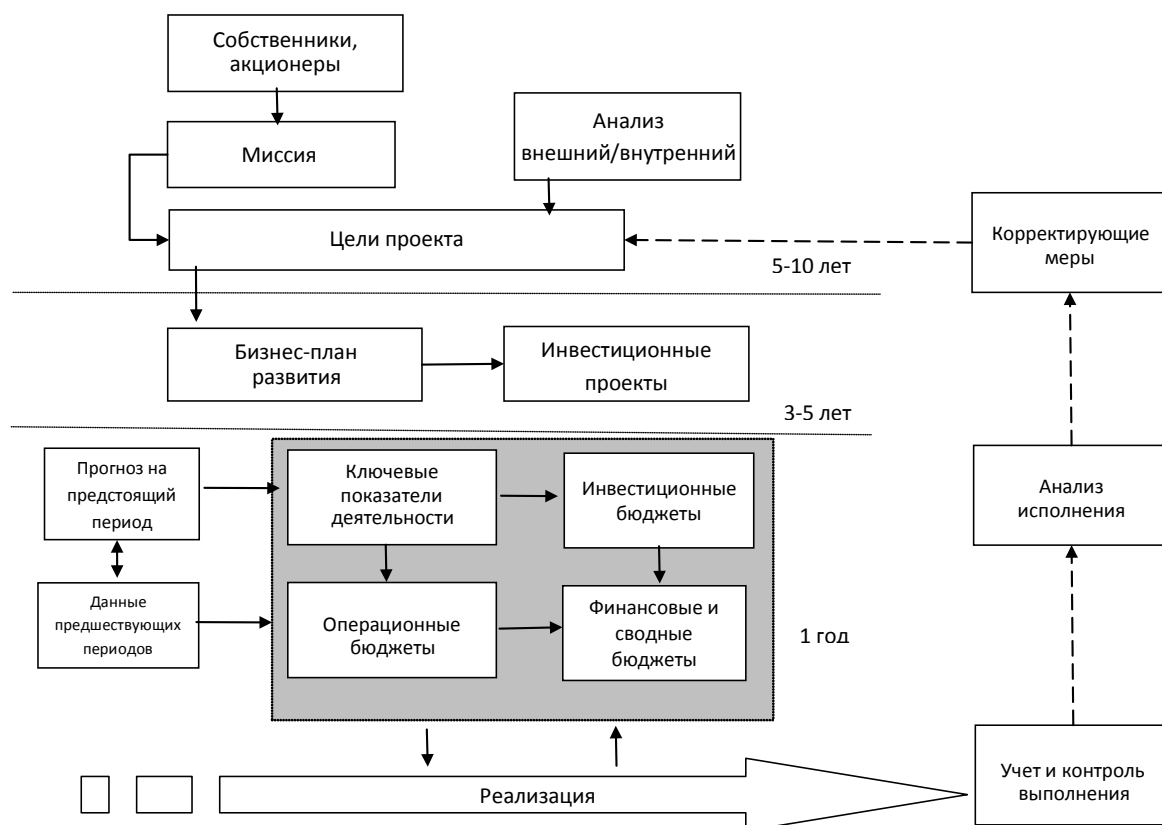

Рисунок 1. Организация финансового планирования в рамках ГЧП в сфере рыбного хозяйства
Источник: разработки авторов.

В современной, крайне динамичной экономике все большее распространение получает процессный подход к управлению финансами предприятий и проектов. Применение процессного подхода в управлении финансами проекта ГЧП позволяет оптимизировать систему финансового мониторинга деятельности проекта за счет тесной увязки процедур, определяющих особенности функционирования этой системы с финансовыми результатами, полученными в ходе реализации проекта. С позиций процессного подхода, составляющего научную основу процессно-ориентированного бюджетирования, рыбохозяйственные проекты, реализуемые на принципах ГЧП, следует рассматривать как совокупность управленческих, хозяйственных и финансовых процессов, каждый из которых имеет определенную цель, характеризуется промежуточными и конечными показателями. Преимуществом данно-

го подхода является его нацеленность на обеспечение решения задач управления бизнес-процессами проекта, совместно приводящими к созданию новой стоимости (ценности). Это делает возможным непосредственное соотнесение производственных и иных нестоимостных показателей с финансовыми показателями. Существующие в рамках методологии процессно-ориентированного бюджетирования возможности позволяют довольно четко определять вклад каждого отдельного бизнес-процесса в обеспечение общих стратегических целей. Это достигается за счет оптимального формирования и использования финансовых ресурсов. В результате становится возможным органично интегрировать финансовую стратегию в общую систему стратегического планирования проекта ГЧП [5]. Таким образом, немаловажным преимуществом процессно-ориентированного бюджетирования является

его сфокусированность на главной цели управления бизнесом, в частности, на максимизации экономической стоимости проекта, формирующейся под воздействием совокупности внешних и внутренних по отношению к проекту факторов (в том числе, нестоимостного характера).

Планируя систему управления финансами проектов ГЧП, реализуемых в отраслях рыбного хозяйства, необходимо учитывать особенности протекания бизнес-процессов в рыбной отрасли. Специфика бизнес-процессов, характерных для рыбного хозяйства обусловлена, в первую очередь, тем, что исходный продукт отрасли – водные биоресурсы, является даром природы – условно возобновляемым природным ресурсом. Использование данного ресурса в коммерческих целях требует выработки компромиссных решений, в частности, рационального сочетания коммерческих интересов рыбопромышленных предприятий с интересами общества. Следствием такого подхода является новый взгляд на проектирование бизнес-процессов в рамках проектов ГЧП в рыбной отрасли, согласно которому результаты проектов рассматриваются не только с позиций экономических выгод, которые получают непосредственные участники этих проектов, но и отражают степень достижения целей социально-экономического развития страны и регионов.

Другой особенностью бизнес-процессов в рыбодобывающем секторе рыбного хозяйства, влияющей на финансовый цикл предприятий отрасли, является относительно малая продолжительность производственного процесса, как правило, реализуемого в рамках одного передела, следствием чего является незначительность незавершенного производства в капитале компаний. Одной из особенностей отрасли также является распространенность сочетания операций добычи и первичной переработки сырья, вызванная большим удалением районов промысла от береговых рыбоперерабатывающих производств и скоропортящимся характером сырья. Типичной для рыбной отрасли также является относительная стабильность технологии и ограниченность номенклатуры выпускаемой продукции. Важной особенностью рыбной отрасли, которую необходимо учитывать при ее финансовом планировании является ярко выраженная неравномерность поставок сырья, обусловленная сезонностью промысла, кратко- и долгосрочными флуктуациями популяций водных биологических ресурсов и сложностью прогнозирования размеров их запасов. В силу этого денежные потоки в отрасли отличаются значительной временной неравномерностью: так заготовка рыбного сырья происходит в месяцы пугины (как правило, весна или осень), а сбыт рыбной продукции осуществляется круглогодично, что создает угрозу возникновения финансовых разрывов в отдельные периоды времени.

Кроме того, сезонный характер лова обуславливает необходимость поддержания резерва свободных площадей береговой инфраструктуры – портовых терминалов и мощностей для хранения сырья, что требует отвлечения финансовых ресурсов, а также наличия денежных средств для закупа (добычи) и создания больших запасов сырья.

Учитывая вышеизложенные особенности протекания бизнес-процессов в РХК, а также тесное переплетение в данной отрасли экономических и неэкономических факторов и интересов, финансовое планирование, нацеленное на повышение устойчивости развития предприятий РХК должно опираться на специальные технологии, нивелирующие субъективность в рамках процесса принятия решений по управлению финансами. По мнению некоторых авторов, данная задача может быть успешно решена с помощью положений теории нечетких множеств, содержащих ряд интересных подходов к управлению сложными социально-экономическими системами. Имеются доказательства, что применение нечетко-множественного подхода в случае анализа проектов в сфере рыбохозяйственного комплекса позволит принимать легко интерпретируемые и взвешенные решения [4; 6]. В связи с этим представляется, что применение данного подхода наряду с другими решениями концепций управления бизнесом [14] позволит существенно упростить процесс управления финансами ГЧП в рыбной отрасли в условиях дефицита или низкой достоверности информации.

Перспективным и быстро развивающимся направлением совершенствования системы управления финансами проектов ГЧП в сфере РХК является содействие процессу цифровой трансформации рыбной отрасли, в том числе, использование результатов цифровизации в целях повышения эффективности таких проектов. Следует отметить, что до недавнего времени российское законодательство, регламентирующее вопросы ГЧП не рассматривало информационные технологии и системы в качестве самостоятельных объектов в соглашениях о ГЧП. Однако принятые в 2018 году правовые новации устранили этот «пробел» и создали предпосылки для использования механизмов ГЧП в решении задач цифровизации российской экономики. В частности, в одной из наших работ показано, что благодаря этим решениям открылись новые возможности для внедрения в отечественном рыбном хозяйстве ИКТ-технологий, основанных на партнерстве государства и бизнеса [10]. С принятием этих документов, возникла надежная правовая основа для применения механизмов ГЧП, в частности, за счет распространения понятий ГЧП на объекты информационных технологий и IT-инфраструктуры, в том числе в рамках проектов, реализуемых в рыбной отрасли. Созданы предпосылки для развития от-

раслевых информационных систем и цифровых платформ, баз данных и специализированного программного обеспечения. По нашему мнению, ИКТ-технологии и другие новшества цифровой экономики, помимо прочего, имеют большие перспективы для применения в области финансового планирования и контроля, существенно повышая эффективность управления проектами ГЧП, реализуемыми в сфере рыбного хозяйства. С другой стороны, сами объекты цифровой техники и технологий также могут выступать целями и, соответственно, объектами финансового планирования ГЧП в рыбной отрасли [10], становясь, тем самым, самостоятельными центрами формирования партнерских отношений в этой сфере экономики.

Заключение

Результаты проведенного исследования дают основание полагать, что при разработке и реализации проектов ГЧП в рыбном хозяйстве перспективной выглядит стратегия, основанная на сочетании разных моделей финансового менеджмента, а также инструментария других разделов экономической науки. При этом важным является условие соответ-

ствующей доработки и адаптации данных моделей и методов с целью учета специфики РХК, а также обеспечение их тесной взаимосвязи и органического взаимодействия между собой. Преимуществом такого подхода являются дополнительные возможности для учета не только экономических, но и других – социальных и экологических эффектов, которые являются типичными для рыбохозяйственного бизнеса. Учет данных эффектов возможен в рамках ГЧП и позволит достичь долгосрочного устойчивого развития предприятий отрасли, отвечающего интересам их собственников и полностью согласованного с обеспечением целей и задач общественного развития.

Исследование носит преимущественно обзорный характер и охватывает лишь начальный этап формирования финансовой системы ГЧП в сфере рыбного хозяйства. Представляется, что перспективным направлением дальнейшей работы должна стать детальная проработка инструментов финансового планирования и разработка комплекса практико-ориентированных методик, обеспечивающих эффективность функционирования системы управления финансами ГЧП в рыбной отрасли.

Литература

1. Захаров С. В. Модели распределения финансовых потоков на условиях государственно-частного партнерства [Электронный ресурс] // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2017. – № 2 (50). – Режим доступа: <https://eee-region.ru/article/5023/> (дата обращения: 05.03.2020).
2. Йеском Э. Р. Государственно-частное партнерство: Основные принципы финансирования / пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер. – 2015. – 457 с.
3. Калинин Н. В., Медведева Т. В., Ромицына Г. А. Совершенствование финансового механизма реализации проектов в рамках государственно-частного партнерства в Российской Федерации // Международный научно-исследовательский журнал. – 2018. – Выпуск № 2 (68). – С. 53–56.
4. Карлов А. М., Харин А. Г. Использование критерия общей ценности в задачах стратегического управления компаниями // Балтийский экономический журнал. – 2013. – № 2 (10). – С. 126–139.
5. Корнева О. В., Мнацаканян А. Г. Совершенствование бизнес-процессов предприятий рыбной отрасли // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2014. – № 7 (193). – С. 26–31.
6. Кузин В. И., Харин А. Г. Метод управления системами рыбохозяйственного комплекса в условиях неполноты и неопределенности информации // Морские интеллектуальные технологии. – 2017. – Т. 2. – № 4 (38). – С. 152–159.
7. Ледьярд Дж. Несостоятельность (провалы) рынка / под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. – М.: Инфра-М. 2004. – С. 501–508.
8. Макаров И. Н. Государственно-частное партнерство в системе финансового взаимодействия государства и финансов корпораций как инструмент регулирования экономических и социальных процессов // Экономические отношения. – 2017. – Т. 7. – № 1. – С. 87–96.
9. Мнацаканян А. Г., Харин А. Г. Принципы устойчивого развития в управлении компанией // Социально-экономические явления и процессы. – 2016. – Том 11. – № 10. – С. 41–50.
10. Мнацаканян Р. А. Государственно-частное партнерство – новые возможности для цифровизации рыбной отрасли / в сборнике: Балтийский морской форум. Материалы VII Международного Балтийского морского форума. – Калининград: КГТУ. 2019. – С. 695–700.
11. Мнацаканян Р. А. Организационно-экономические и финансовые механизмы развития рыбохозяйственного комплекса // Балтийский экономический журнал. – 2016. – № 2 (16). – С. 74–83.
12. Мнацаканян Р. А. Финансовая стратегия предприятия рыбохозяйственного комплекса // Балтийский экономический журнал. – 2017. – № 3 (19). – С. 5–17.
13. Сергеев Л. И. Развитие теоретических положений оценки экономической эффективности в контексте стоимости // Балтийский экономический журнал. – 2018. – № 3 (23). – С. 90–101.

14. Харин А. Г. Исследование предпосылок и возможностей для формирования единого ценностно-ориентированного подхода к управлению бизнесом // Экономический анализ: теория и практика. – 2012. – № 42 (297). – С. 26–32.
15. Харин А. Г. Об использовании концепции стоимости в управлении развитием рыболовецкой отрасли // Известия КГТУ. – 2013. – № 30. – С. 103–109.
16. Delmon, J. (2017). Financing PPP and the Fundamentals of Project Finance. In Public-Private Partnership Projects in Infrastructure: An Essential Guide for Policy Makers, pp. 76–88. Cambridge: Cambridge University Press.
17. Halland H., Beardsworth J., Land C., Schmidt J. (2014) Resource Financed Infrastructure: A Discussion on a New Form of Infrastructure Financing. World Bank study supported by Public-Private Infrastructure Facility (PPIAF). Available at: https://ppiaf.org/feature_story/resource-financed-infrastructure-discussion-new-form-infrastructure-financing (дата обращения: 05.03.2020)
18. Yescombe E. R. (2013). PPPs and Project Finance. In The Routledge Companion to Public-Private Partnerships, edited by P. De Vries and E.B. Yehoue, pp. 227–246. Oxon: Routledge.

References

1. Zakharov, S. V. (2017) [Models of the distribution of financial flows on the terms of public-private partnership]. *Regional'naya ekonomika i upravleniye: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Regional Economics and Management: electronic scientific journal]. Vol. 2 (50). Available at: <https://eee-region.ru/article/5023/> (In Russ.) (accessed 05.03.2020).
2. Yyeskom, E. R. (2015) *Gosudarstvenno-chastnoye partnerstvo: Osnovnyye printsipy finansirovaniya* [Public-private partnership: Basic principles of financing]. Moscow: Al'pina Publisher, 457 p. (In Russ. Transl. from Engl.).
3. Kalinin, N. V., Medvedeva, T. V., Romitsyna, G. A. (2018) [Improving the financial mechanism for the implementation of projects in the framework of public-private partnership in the Russian Federation]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal]. Vol. 2 (68), pp. 53–56. (In Russ.).
4. Karlov, A. M., Kharin, A. G. (2013) [The use of the criterion of total value in the tasks of strategic management of companies]. *Baltiyskiy ekonomicheskij zhurnal* [Baltic Economic Journal]. Vol. 2 (10), pp. 126–139. (In Russ.).
5. Korneva, O. V., Mnatsakanyan A. G. (2014) [Improving the business processes of enterprises in the fishing industry]. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya* [Financial analytics: problems and solutions]. Vol. 7 (193), pp. 26–31. (In Russ.).
6. Kuzin, V. I., Kharin, A. G. (2017) [The method of managing systems of the fishery complex in the conditions of incompleteness and uncertainty of information]. *Morskiye intellektual'nyye tekhnologii* [Marine Intelligent Technologies]. Vol. 2, № 4 (38), pp. 152–159. (In Russ.).
7. Led'yard, Dzh. (2004) *Nesostoyatel'nost' (provaly) rynka* [Insolvency (failures) of the market]. Moscow: Infra-M, pp. 501–508.
8. Makarov, I. N. (2017) [Public-private partnership in the system of financial interaction between the state and corporate finance as a tool for regulating economic and social processes]. *Ekonomicheskiye otnosheniya* [Economic relations]. Vol. 7. № 1, pp. 87–96. (In Russ.).
9. Mnatsakanyan, A. G., Kharin, A. G. (2016) [Principles of sustainable development in company management]. *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy* [Socio-economic phenomena and processes]. Vol. 11. № 10, pp. 41–50. (In Russ.).
10. Mnatsakanyan, R. A. (2019) [Public-private partnerships – new opportunities for digitalization of the fishing industry]. *Baltiyskiy morskoy forum. Materialy VII Mezhdunarodnogo Baltiyskogo morskogo foruma* [Baltic Sea Forum. Materials of the VII International Baltic Maritime Forum]. Kaliningrad: KGTU, pp. 695–700. (In Russ.).
11. Mnatsakanyan, R. A. (2016) [Organizational, economic and financial mechanisms for the development of the fishery complex]. *Baltiyskiy ekonomicheskij zhurnal* [Baltic Economic Journal]. Vol. 2 (16), pp. 74–83. (In Russ.).
12. Mnatsakanyan, R. A. (2017) [The financial strategy of the enterprise of the fishery complex]. *Baltiyskiy ekonomicheskij zhurnal* [Baltic Economic Journal]. Vol. 3 (19), pp. 5–17. (In Russ.).
13. Sergeyev, L. I. (2018) [Development of the theoretical provisions for evaluating economic efficiency in the context of value]. *Baltiyskiy ekonomicheskij zhurnal* [Baltic Economic Journal]. Vol. 3 (23), pp. 90–101. (In Russ.).
14. Kharin, A. G. (2012) [Research of prerequisites and opportunities for the formation of a unified value-oriented approach to business management]. *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika* [Economic analysis: theory and practice]. Vol. 42 (297), pp. 26–32. (In Russ.).

15. Kharin, A. G. (2013) *Ob ispol'zovanii kontseptsii stoimosti v upravlenii razvitiyem rybolovetskoy otrasli* [On the use of the concept of value in managing the development of the fishing industry]. Proceedings of KGTU. Vol. 30, pp. 103–109. (In Russ.).
16. Delmon, J. (2017). Financing PPP and the Fundamentals of Project Finance. In *Public-Private Partnership Projects in Infrastructure: An Essential Guide for Policy Makers*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 76–88. Cambridge: Cambridge University Press.
17. Halland, H., Beardsworth, J., Land, C., Schmidt, J. (2014) Resource Financed Infrastructure: A Discussion on a New Form of Infrastructure Financing. World Bank study supported by Public-Private Infrastructure Facility (PPIAF). Available at: https://ppiaf.org/feature_story/resource-financed-infrastructure-discussion-new-form-infrastructure-financing (accessed 05.03.2020).
18. Yescombe, E. R. (2013) PPPs and Project Finance. In *The Routledge Companion to Public-Private Partnerships*, edited by P. De Vries and E.B. Yehoue. Oxon: Routledge, pp. 227–246.

Информация об авторах:

Леонид Иванович Сергеев, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории, Калининградский государственный технический университет, Калининград, Россия
e-mail: leonid.sergeev@klgtu.ru

Роберт Альбертович Мнацаканян, старший преподаватель кафедры инструментальных методов в экономике и управлении, Калининградский государственный технический университет, Калининград, Россия

Web of Science Researcher ID: AAR-5766-2020

e-mail: robert.mnatsakanyan@klgtu.ru

Статья поступила в редакцию: 28.04.2020; принята в печать: 19.08.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Leonid Ivanovich Sergeyev, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economic Theory, Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia
e-mail: leonid.sergeev@klgtu.ru

Robert Albertovich Mnatsakanyan, Senior Lecturer, Department of Instrumental Methods in Economics and Management, Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia

Web of Science Researcher ID: AAR-5766-2020

e-mail: robert.mnatsakanyan@klgtu.ru

The paper was submitted: 28.04.2020

Accepted for publication: 19.08.2020.

The authors have read and approved the final manuscript.

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ «ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГЕКТАР»

А. З. Улимбашев

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Россия

e-mail: Ulimbashev_A@inbox.ru

Аннотация. Малое аграрное предпринимательство имеет высокую значимость для решения проблем развития АПК и сельской местности, что определяет необходимость в разработке, в том числе на региональном уровне, специализированных программ по их регулированию и поддержке, примером которой является программа «Ленинградский гектар». При этом необходимость оценки как фактической, так и потенциальной эффективности реализации таких программ для их своевременной корректировки, в целях экономии бюджетных средств и повышения результативности регулирования отрасли, обуславливают актуальность данного исследования.

Целью статьи является оценка промежуточных итогов реализации программы «Ленинградский гектар» и установление дальнейших перспектив ее реализации, в том числе, в аспекте возможностей программы в активизации предпринимателей с различным мотивационным профилем, что имеет принципиальное значение для эффективного достижения целей программы.

Для достижения цели исследования использовались абстрактно-логические методы, экономико-статистические и экономико-математические методы исследования, в том числе метод анализа иерархий как специальный метод принятия решений. Для сбора некоторого эмпирического материала использовался метод опроса (анкетирование).

По результатам опроса, было установлено, что значительная доля фермеров Ленинградской области (65% от общей выборки) не готова участвовать в программе. Основной причиной является неготовность фермеров переезжать в «дальние» районы (35% от общей выборки), в которых происходит предоставление участков.

Итоги реализации программы показывают, что преобладающий спрос приходится на участки расположенные в Сланцевском районе. Установлено, что лишь 22% из числа победителей конкурса по линии программы являются устоявшимися сельхозпроизводителями, осуществлявшими свою деятельность в других районах Ленинградской области, на которых, в первую очередь, и была ориентирована программа. В целом, на данном этапе участие в программе является способом упрощения доступа к земельным площадям для фермеров осуществляющих свою деятельность в районах-участниках, и для лиц, которые планировали переехать в сельскую местность для постоянного проживания и/или занятия сельхозпроизводством, но без соответствующего опыта, что связано с рисками по невыполнению ими взятых на себя обязательств. Это определяет низкую эффективность программы, в сегодняшнем варианте ее реализации, в решении заявленной проблемы по заселению сельских территорий в депрессивных районах области.

Было установлено, что условия программы «Ленинградский гектар» предполагают мотивирование предпринимателей более эффективных, при прочих условиях, в организации производства и ее осуществлении (освоение земельных участков), но менее пригодных для решения социальных проблем («привязка» к территории), что в целом снижает эффективность программы.

Полученные результаты исследования являются оригинальными, имеют научную и практическую значимость. Так, для оценки эффективности программы в мотивировании предпринимателей с различным мотивационным профилем, используется апробированный авторский подход в изучении мотивации предпринимателей и разработке мотивационного механизма регулирования их деятельности, и метод анализа иерархий (МАИ). Таким образом, расширяется сфера применения метода анализа иерархий.

Полученные результаты исследования дают возможность оценить ход реализации программы, и могут быть использованы для корректировки программы «Ленинградский гектар» в части создания условий для участников программы и системы оценки заявки конкурсантов, что будет способствовать повышению эффективности в достижении целей программы.

Ключевые слова: «Ленинградский гектар», малое предпринимательство, аграрный сектор, программа государственной поддержки, сельские территории, мотивация предпринимателей, мотивационный механизм, метод анализа иерархий.

Для цитирования: Улимбашев А. З. Итоги и перспективы реализации государственной программы «Ленинградский гектар» // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 5. – С. 113–125. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-113.

RESULTS AND PROSPECTS FOR THE IMPLEMENTATION OF THE STATE PROGRAM «LENINGRAD HECTAR»

A. Z. Ulimbashev

Saint-Petersburg State Agrarian University, Saint-Petersburg, Russia

e-mail: Ulimbashev_A@inbox.ru

Abstract. *Small agricultural entrepreneurship is of great importance for solving the problems of development of the agro-industrial complex and rural areas, which determines the need for the development, including at the regional level, of specialized programs for their regulation and support. At the same time, the need to assess, both actual and potential effectiveness of the implementation of such programs for their timely adjustment, in order to save budget funds and increase the effectiveness of industry regulation, determine the relevance of this study.*

The purpose of the article is to assess the interim results of the implementation of the Leningrad Hectare program and establish further prospects for its implementation, including in terms of the program's capabilities in activating entrepreneurs with different motivational profiles, which is of fundamental importance for the effective achievement of the program's goals.

To achieve the goal of the study, abstract-logical methods, economic-statistical and economic-mathematical research methods were used, including the method of analyzing hierarchies as a special method of decision-making. To collect empirical material, a survey method was used.

According to the results of the survey, it was found that a significant proportion of farmers in the Leningrad Region (65% of the total sample) are not ready to participate in the program. The main reason is the reluctance of farmers to move to «distant» areas (35% of the total sample), where the plots are allocated.

The results of the implementation of the program show that the prevailing demand falls on the sites located in the Slantsevsky district. It was found that only 22% of the winners of the competition under the program are established agricultural producers operating in other districts of the Leningrad Region, which, in the first place, was the focus of the program. In general, at this stage, participation in the program is a way to simplify access to land for farmers operating in the participating regions, and for those who planned to move to rural areas for permanent residence and / or to engage in agricultural production, but without relevant experience. which is associated with the risks of non-fulfillment of their obligations. This determines the low efficiency of the program, in its current version of its implementation, in solving the declared problem of settling rural areas in depressed areas of the region.

It was found that the conditions of the Leningrad Hectare program presuppose motivation of entrepreneurs, under other conditions, in the organization of production and its implementation (land development), but less suitable for solving social problems («binding» to the territory), which in general reduces the effectiveness of the program.

The research results obtained are original, have scientific and practical significance. So, to assess the effectiveness of the program in motivating entrepreneurs with different motivational profiles, a proven author's approach is used in studying the motivation of entrepreneurs and developing a motivational mechanism for regulating their activities and the method of hierarchy analysis. Thus, the scope of application of the method of analysis of hierarchies is expanding.

The obtained results of the study make it possible to assess the progress of the program, and can be used to adjust the Leningradsky Hectare program in terms of creating conditions for program participants and a system for evaluating the applications of contestants, which will help increase efficiency in achieving the goals of the program.

Key words: «Leningrad hectare», small business, agricultural sector, state support program, rural areas, motivation of entrepreneurs, motivational mechanism, hierarchy analysis method.

Cite as: Ulimbashev, A. Z. (2020) [Results and prospects for the implementation of the state program «Leningrad hectare»]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 113–125. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-113.

Введение

Малое предпринимательство в аграрном секторе имеет высокую значимость для решения проблем развития АПК и сельской местности. Значимость малого аграрного предпринимательства, а также ее специфика, определяемая особенностями аграрной

экономики, диктуют необходимость государственного регулирования и поддержки данной сферы. С другой стороны, ученые выделяют значительные проблемы применяемого программного подхода к развитию АПК и сельских территорий, которые в целом можно свести к отсутствию согласованно-

сти между элементами механизма государственного регулирования, и не соответствия их целям и задачам развития отрасли [7], [10]. В этих условиях, позитивным примером программы по регулированию отрасли и конкретно малого предпринимательства в аграрном секторе (МПАС), с точки зрения увязывания целей регулирования предпринимательской деятельности, с достижением конкретных общественно-значимых целей, является государственная программа Ленинградской области «Ленинградский гектар»¹ (далее – программа «Л-гектар»).

Заявленная общественности цель программы «Л-гектар», как и у иных программ подобного рода [8], это остановка оттока населения и привлечение инициативных людей со всей страны, которые должны создать в дальних районах области новые производства, новые рабочие места, в том числе и для местных жителей². Реализуется программа в четырех депрессивных районах области: Бокситогорский, Лодейнопольский, Подпорожский, Сланцевский.

Программа «Ленинградский гектар» включена в подпрограмму «Техническая и технологическая модернизация, инновационное развитие» государственной программы «Развитие сельского хозяйства Ленинградской области»³. В рамках подпрограммы, задачей программы «Л-гектар» является вовлечение в оборот земель сельхозназначения. Таким образом, здесь прослеживается несоответствие между общественно заявленной и формально закрепленной целью программы. Как следствие, установленный основной индикатор программы (площадь вовлеченных в оборот земель сельхозназначения) не дает возможности для достоверной оценки ее эффективности в решении проблемы депопуляции сельских территорий. Впрочем, как показывают исследования [3], проблема неоднозначности целей является характерной для программ подобного рода, что будет определять дальнейшие ее неоднократные изменения.

Вместе с тем можно выделить комплекс проблем, которые будут сдерживать результативность программы «Л-гектар»: недостаточность полноты информации о мероприятии на сайте Комитета по АПК региона; перечень земельных участков для реализации мероприятия мал; не запланированы возможности расширения земельных участков; критерии отбора не учитывают особенности тер-

риторий и возможности развития кооперации; нет связанных с мероприятием инфраструктурных проектов подготовки территорий для выделения участков, мероприятий для подготовки инвестиционных площадок; состав комиссии лишь в ограниченном виде может оценить целесообразность и надежность бизнес-планов, представляемых претендентами [16].

Перечисленные проблемы были выделены и исследованы коллективом авторов в более ранних публикациях [16], целью же данной статьи является оценка промежуточных итогов реализации программы «Ленинградский гектар» и установление дальнейших ее перспектив, в том числе, в аспекте возможностей программы в активизации предпринимателей с различным мотивационным профилем, что имеет принципиальное значение для эффективного достижения целей программы.

Для достижения цели были обозначены и решены следующие исследовательские задачи:

- установить готовность субъектов малого предпринимательства области к участию в программе;
- представить промежуточные итоги реализации программы;
- оценить эффективность программы в решении заявленной проблемы не заселенности сельских территорий районов области;
- установить возможности программы в активизации предпринимателей с различным мотивационным профилем, и оценка ее результативности в данном аспекте.

Объектом исследования выступает государственная программа «Ленинградский гектар» как элемент механизма регулирования малого предпринимательства в аграрном секторе Ленинградской области. В ходе исследования применялись абстрактно-логические методы, экономико-статистические и экономико-математические методы, в том числе метод анализа иерархий как специальный метод принятия решений. Для сбора некоторого эмпирического материала использовался опросный метод.

Необходимость оценки, как фактической, так и потенциальной эффективности реализации программы «Л-гектар» для целей ее своевременной корректировки, или прекращения ее реализации и перераспределения бюджета программы на иные, более востребованные и эффективные мероприятия

¹ Постановление Правительства Ленинградской области от 06.03.2019 № 92 «О внесении изменений в постановление Правительства Ленинградской области от 29.12.2012 № 463 «О государственной программе Ленинградской области «Развитие сельского хозяйства Ленинградской области». [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://agroprom.lenobl.ru/media/uploads/userfiles/2019/03/15/Ленинградский_гектар.pdf (дата обращения: 7.05.20).

² Официальный сайт комитета по агропромышленному и рыбохозяйственному комплексу Ленинградской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://agroprom.lenobl.ru/gospodderzhka/programma-leningradskij-gektar/> (дата обращения 7.05.20).

³ Государственная программа Ленинградской области «Развитие сельского хозяйства Ленинградской области» от 27.12.2013 № 528 (с изменениями от 23.05.2019).

в рамках регулирования АПК и малого предпринимательства отрасли региона, определяют актуальность данного исследования.

Не смотря на большое количество статей в периодических изданиях (газеты), посвященных теме «Ленинградского гектара», в том числе освещающих ход реализации программы, через анализ кейсов по некоторым победителям, научных публикаций в академических изданиях по данной теме мало. С момента представления общественности проекта программы, опубликована лишь одна научная работа⁴, анализирующая возможности и недостатки программы «Л-гектар», что также определяет своевременность и научно-практическую значимость данного исследования.

Готовность субъектов малого аграрного предпринимательства области к участию в программе «Ленинградский гектар»

Для решения задачи по определению готовности предпринимателей аграрного сектора области

к участию в программе был произведен опрос, в рамках II съезда фермеров Ленинградской области⁵. Социологический опрос является общепринятым, и в данном случае адекватным задаче исследования⁶, методом выявления отношения группы лиц, выделенных, в том числе по профессиональной принадлежности, к каким-либо явлениям.

Объем выборки составил 61 действующий субъект МПАС (40,7% от числа членов Ассоциации КФХ, ЛПХ и кооперативов Ленинградской области и Санкт-Петербурга). В выборке были представлены фермеры, индивидуальные предприниматели и личные подсобные хозяйства из всех районов области.

По результатам опроса, было установлено, что значительная доля от числа опрошенных (65%) «не планирует» участвовать в программе, 15% – «обдумывает» участие, 17% – «планирует» участвовать в программе, а 3% от числа опрошенных «не знакомо с содержанием программы». Структура ответов относительно причины отказа от участия в программе представлена на рисунке 1.

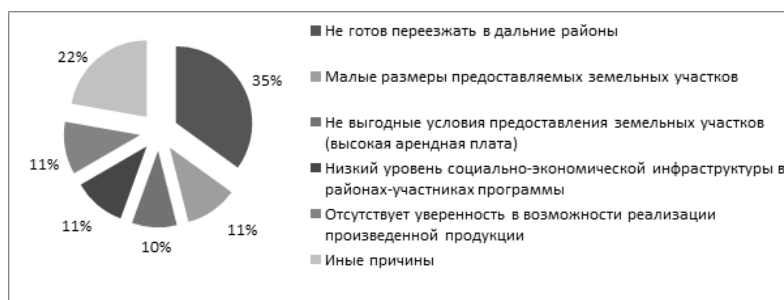

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос «Почему Вы не готовы участвовать в программе «Ленинградский гектар»?»

Основная доля от числа опрошенных (35%) не готовы участвовать в программе, по причине того, что не готовы переезжать в дальние районы области. Среди значимых причин отказа, были выделены также и малые размеры предоставляемых участков (11%), низкий уровень развития социально-экономической инфраструктуры в районах участниках программы (11%) и потенциальные проблемы со сбытом произведенной в условиях этих районов продукции (11%). Таким образом, основная проблема программы, это отсутствие в районах-участниках программы благоприятных условий для за-

нятия аграрным предпринимательством, с постоянным проживанием фермеров на этих территориях (что является обязательным условием для участия в программе), что подтверждают и другие авторы [16]. Действительно, 66% от числа не планирующих участвовать в программе фермеров, отметили, что изменили бы свое решение в случае реализации программы в других районах области. В целом, полученные результаты исследования коррелируют с общественным мнением относительно готовности к участию населения в программе «Дальневосточный гектар», в том числе с основными факторами,

⁴ Чекмарев О. П., Конев П. А. «Ленинградский гектар» как инструмент устойчивого развития сельских территорий Ленинградской области // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2019. – № 6. – С. 786–793.

⁵ Областной съезд фермеров в СПбГАУ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://spbgau.ru/news/node/7733> (дата обращения 7.05.20).

⁶ Прим.: Именно по результатам подобного исследования в ВЦИОМ было принято решение о реализации программы «Дальневосточный гектар». Данный метод используется и в работах анализирующих перспективы реализации программы «Дальневосточный гектар». См. например: Ефременко А. А. Фещенко Н. В. Дальневосточный гектар: проблемы и перспективы // сборник статей научной конференции «Научно-техническое и экономическое сотрудничество в странах АТР в XXI веке» (ДГУПС). – Хабаровск. – Том 2. – 2018. – С. 275–280.

ограничивающими данное участие, которые сводятся к дальнейшему расположению участков (даже для населения Дальневосточного региона), и отсутствию соответствующей инфраструктуры на местах [5].

Промежуточные итоги реализации программы «Ленинградский гектар»

После трех распределений земельных участков (туров) в рамках реализации программы «Л-гектар», имеется возможность подвести некоторые промежуточные итоги об особенностях реализации программы и ее результатах в достижении обозначенных целей программы.

Таблица 1. Результаты реализации программы «Ленинградский гектар» в разрезе районов-участников

Районы	Бокситогорский район	Подпорожский район	Лодейнопольский район	Сланцевский район
Выделено участков, ед.	4	5	7	11
Общая площадь выделенных участков, га	11,8	29	31,7	84,6
Ср. площадь одного выделенного участка, га	2,95	5,8	4,52	7,69

Данные таблицы 1 показывают, что основная доля выделенных по линии программы участков (11 ед. или 40,7%) приходится на Сланцевский район. Здесь наблюдаются наибольшие значения по общей площади выделенных участков (84,6 га), и средней площади одного выделенного участка (7,69 га). Наихудшие показатели наблюдаются по Бокситогорскому району.

Причиной наблюдаемого более высокого спроса на земельные участки в Сланцевском районе, являясь сложившиеся здесь благоприятные условия, как для ведения малого и среднего предпринимательства, так и для постоянного проживания. Определяются эти условия, в том числе, сравнительной близостью района к Санкт-Петербургу, более высокой плотностью населения, и более высоким социально-экономическим развитием района по сравнению с другими районами-участниками.

Действительно, результаты различных исследований показывают, что в Сланцевском районе сравнительно высокие среди четырех рассматриваемых районов, показатели по количеству субъектов малого и среднего бизнеса на 10 тыс. чел. населения, и наблюдается наибольшая доля занятых на малых и средних предприятиях [4]. Что касается природно-климатического потенциала для эффективного сельскохозяйственного производства, то Сланцев-

Так, в целом, было подано, на участие в программе 66 заявок, и выбрано 27 победителей, в том числе: 1 распределение – 38 заявок, 10 победителей; 2 распределение – 14 заявок, 5 победителей; 3 распределение – 14 заявок, 12 победителей⁷.

Распределено порядка 150 га земельной площади сельскохозяйственного назначения. Данные в разрезе районов-участников, полученные по результатам обработки опубликованных Комитетом АПК и РК ЛО данных о победителях конкурса и Публичной кадастровой карты России, представлены в таблице 1.

ский район, как доказывают специальные исследования, обладает преимуществом перед остальными рассматриваемыми районами по показателям плодородия почв [2].

Что касается географии победителей программы, анализ данных Комитета АПК и РК ЛО по победителям конкурса и данных ЕГРИП, позволил установить, что 40,7% победителей конкурса осуществляют свою деятельность в том же районе, где получили земельный участок. Порядка 37% из числа победителей зарегистрированы в качестве хозяйствующего субъекта в Санкт-Петербурге, и имеют опыт деятельности в качестве сельхозпроизводителя менее полугода. Лишь 22% из числа победителей являются устоявшимися сельхозпроизводителями, осуществившими свою деятельность в других районах Ленинградской области, на которых, в первую очередь, и была ориентирована программа.

Таким образом, промежуточные итоги реализации программы показывают, что предприниматели – победители конкурса не соответствуют профилю потенциального победителя конкурса с позиции разработчиков. Анализ критериев оценки конкурса, в рамках балльной системы оценки, показывает, что разработчики дают предпочтение (прим.: более высоким баллом) устоявшимся пред-

⁷ Прим.: по результатам анализа открытой информации о ходе реализации программы из источника: Официальный сайт комитета по агропромышленному и рыбохозяйственному комплексу Ленинградской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://agroprom.lenobl.ru/ru/gospodderzhka/programma-leningradskij-gektar/> (дата обращения 7.05.20).

принимателям (со значительным опытом деятельности), готовым и дальше развивать свою деятельность, готовым сменить направление деятельности и место жительства.

Если речь идет об устоявшихся предпринимателях, которые имеют план дальнейшего развития, то исходя из полученных результатов, с большей долей вероятности здесь мы можем ожидать представителей того же района, где и располагается участок. За счет этих фермеров, решения проблемы не заселенности сельских территорий в этих районах ожидать не приходится. Устоявшиеся предприниматели из других районов области, переезжать в другой район, тем более из числа депрессивных, для проживания и ведения хозяйства, как правило, не готовы. В этих условиях, организаторы, как мы видим, готовы выделять участки лицам, без опыта деятельности, которые при прочих условиях, имеют меньше возможностей для победы в конкурсе (см. об условиях конкурса ниже). Это дает возможность лицам, которые не имеют опыта предпринимательства в аграрном секторе или даже опыта сельскохозяйственного производства, но задумывались о переезде в сельскую местность (отставники, пенсионеры, молодые семьи с города и т. п.) [15]. Но здесь есть риск неэффективного использования земельных площадей и/или переезда таких лиц обратно в город до истечения срока предоставления земельного участка, что негативно скажется на эффективности программы.

Основной причиной демотивирующая предпринимателей участвовать в конкурсе, и повышающая риск неэффективности участников без опыта деятельности, как было отмечено выше, являются неблагоприятные условия для деятельности, имеющиеся в местах расположения распределяемых участков (отсутствует инженерная инфраструктура). Это, по всей видимости, и определило то, что количество заявок на участие в конкурсе после первого распределения, значительно уменьшилось (на 24 ед., или 63%), и наблюдается диспропорция в спросе на участки в сторону района-участника с более благоприятными условиями деятельности.

Таким образом, в имеющихся условиях, участие в программе является способом упрощения

доступа к земельным площадям для фермеров, осуществляющих свою деятельность в этих районах-участниках, и для лиц, которые планировали переехать в сельскую местность для постоянного проживания и/или занятия сельхозпроизводством, но без соответствующего опыта. Все вышесказанное определяет низкую эффективность программы, в сегодняшнем варианте ее реализации, в решении заявленной проблемы по заселению сельских территорий в депрессивных районах области.

Оценка результативности программы «Ленинградский гектар» в активизации предпринимателей с различным мотивационным профилем

Дальнейший анализ программы «ЛГ-гектар», в соответствии с поставленными задачами, предполагает определение результативности программы в мотивировании (активизации) предпринимателей с различным мотивационным профилем, что является оригинальной исследовательской задачей.

Не смотря на наличие работ доказывающих воздействие институциональной среды⁸, как на уровень предпринимательства, так и на соотношение вынужденных и добровольных предпринимателей⁹, отсутствуют работы, в которых анализируются возможности конкретной программы (комплекса условий) в мотивировании субъектов предпринимательства, и при этом допускающие различия в мотивах предпринимательской деятельности субъектов, что и определяет отсутствие в научной литературе способов решения подобной задачи.

В связи с этим был использован собственный авторский подход в исследовании мотивации предпринимателей и метод анализа иерархий (МАИ)¹⁰ [12] позволяющий решать многокритериальные задачи в различных сферах, например при принятии управленческих решений в кооперативных системах [11], в менеджменте организации при управлении по ценностям [1].

Метод анализа иерархий (МАИ) позволяет группировать и учитывать множество суждений, выявлять приоритетность критериев, находить альтернативные суждения и осуществлять оптимальный выбор [12].

⁸ См. например: Верховская О. Р. Александрова Е. А. Индекс мотивации предпринимательской активности и институциональная среда // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2018. – № 4 (34). – С. 511–533.

⁹ Прим.: принимаемые в качестве мотивов предпринимательской деятельности, в соответствии с методологией Глобального мониторинга предпринимательства (Global Entrepreneurship Monitor survey).

¹⁰ Прим.: При первых попытках решения исследовательской задачи, автором был использован простой способ, заключающийся в оценке условий программы на соответствие особенностям различных мотивационных профилей по 5-и балльной шкале. Далее, количество набранных баллов по каждому условию каждого блока программы, для каждого случая, суммировалось. Впоследствии, исходя из полученных результатов, был сделан вывод о проблеме такого способа, заключающейся в несогласованности (нарушения требования транзитивности) в оценках, о чем свидетельствовала противоречивость полученных результатов, что и предопределил выбор МАИ, дающая возможность устранить подобную проблему.

Выбор метода анализа иерархий (МАИ) для решения локальной задачи исследования определяется тем, что в отличие от пороговых методов ELECTRE, МАИ не предполагает количественных оценок по каждому критерию, и позволяет строить анализ по оценкам, устанавливающим степень превосходства (силу суждения) альтернатив по отдельным критериям, используя специально разработанную фундаментальную шкалу. В отличие от методов вербального анализа (ВАР) [9], МАИ является более простым в применении, в частности нет необходимости в формировании дополнительно единой порядковой шкалы, позволяет проводить качественное описание с большим числом градаций оценок, что повышает точность анализа, и сравнивать большое число альтернатив.

Таким образом, ввиду простоты применения, использования в нашем анализе качественных характеристик мотивационных профилей субъектов предпринимательства, и качественных суждений, сравнения большого числа (более 3-х) альтернатив, использование МАИ является наиболее приемлемым способом решения поставленной задачи.

Под мотивационным профилем здесь понимается структура целевых установок соответствующего типа предпринимателей, которая определяет направленность их деятельности, и ее эффективность в решении общественно-значимых проблем. Мотивационный профиль определяется предпринимательским потенциалом субъекта и состоянием предпринимательской среды, в которой он

осуществляет свою деятельность – реализует свой предпринимательский потенциал.

Оценка эффективности программы в данном аспекте производится относительно пяти типов предпринимателей [13], имеющих различный предпринимательский потенциал, и как следствие имеющих различную степень эффективности в достижении общественно-значимых целей [14].

Оцениваются условия программы, которые условно можно разбить на три блока: «заявка», «создаваемые условия деятельности», «критерии отбора». Задачей является определить тип предпринимателей, который будет в сравнительно большей степени мотивирован (активизирован) условиями программы. Понимая насколько эффективны типы в достижении различных общественно значимых целей, появляется возможность, в результате такой оценки, заключить о потенциальной эффективности программы в достижении обозначенной цели программы¹¹.

Таким образом, проводится сравнение трех блоков условий программы «Л-гектар», отмеченных выше, для определения приоритетного типа предпринимателей, с позиции программы, то есть, для какого типа условия программы являются наиболее комфортными. При этом, отметим, что при оценке программы относительно мотивационных профилей предпринимателей, мы рассматриваем лишь ситуации, связанные с фактическим переездом победителя если не из другого региона, то из другого района области. Иерархическое представление задачи исследования представлено на рисунке 2.

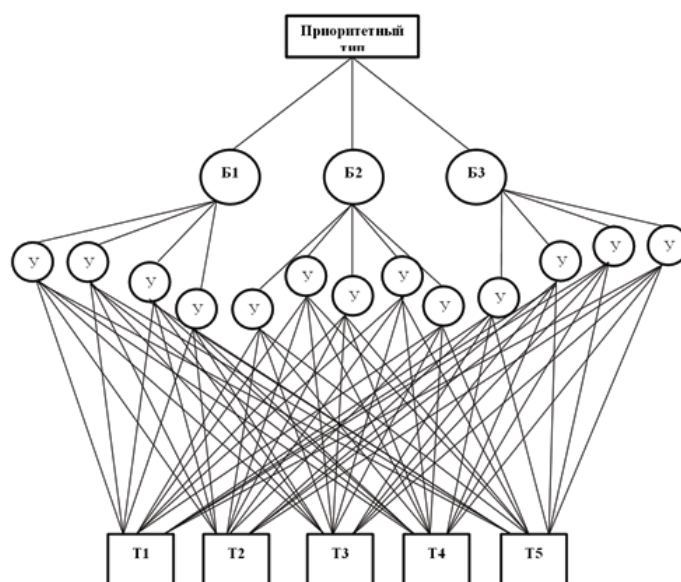

Рисунок 2. Иерархия оценки эффективности программы «Ленинградский гектар» в активизации типов предпринимателей, с различным мотивационным профилем («Бп» – блок, «Уп» – условие, «Тп» – тип)

¹¹ Прим.: учитывая, что экспертная оценка предполагает знание особенностей типов предпринимателей, анализ производится на основании оценок автора подхода, что допускается методом МАИ [12, с. 32].

На рисунке 2, Блок 1 «Заявка» включает в себя следующие условия¹²: У1 – срок сбора документов для участия в конкурсе (15 дней); У2 – количество документов (7 ед.); У3 – форма распределения (конкурс); У4 – срок проведения конкурса (от дня публикации объявления не менее 50 дн.).

Блок 2 «Создаваемые условия деятельности» включает в себя следующие условия: У1 – отсутствие дополнительных условий по сбыту продукции; У2 – отсутствие гарантий по получению подъемных; У3 – отсутствие дополнительных условий по получению земельной площади под жилищное строительство; У4 – площадь предоставляемого участка (до 10 га); У5 – Условия предоставления земли (без уточнения о возможностях выкупа).

Блок 3 «Критерии отбора» включает в себя следующие условия: У1 – опыт деятельности субъекта

КФХ свыше 5 лет (до 10 баллов); У2 – предварительный выбор земельного участка из имеющегося (да – 10 баллов, нет – 0); У3 – членство в сельскохозяйственном кооперативе (до – 20 баллов, нет – 0); У4 – производство картофеля и овощей открытого грунта как приоритетное направление (50 баллов, животноводство – от 15 до 25 баллов).

Анализ заключается в определении приоритетного типа по каждому блоку программы «Л-гектар», и определение, на основании полученных результатов, приоритетного типа в целом по программе.

На первом этапе, в соответствии с установленными автором этапами данного процесса [12, с. 36], определяется какое из условий (У_n) является приоритетным – имеет наибольшее значение в блоке условий (Б_n) (таблица 2).

Таблица 2. Матрица парных сравнений условий (У_n) по блоку (Б_n) для определения приоритетности n-го условия в n-м блоке

		Б1				Б2					Б3			
		У1	У2	У3	У4	У1	У2	У3	У4	У5	У1	У2	У3	У4
Б1	У1	1	$\frac{2}{3}$	2	2									
	У2	$\frac{3}{2}$	1	3	3									
	У3	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{3}$	1	1									
	У4	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{3}$	1	1									
Б2	У1					1	2	2	$\frac{2}{3}$	2				
	У2					$\frac{1}{2}$	1	1	$\frac{1}{3}$	1				
	У3					$\frac{1}{2}$	1	1	$\frac{1}{3}$	1				
	У4					$\frac{3}{2}$	3	3	1	3				
	У5					$\frac{1}{2}$	1	1	$\frac{1}{3}$	1				
Б3	У1										1	2	$\frac{2}{3}$	2
	У2										$\frac{1}{2}$	1	$\frac{1}{3}$	1
	У3										$\frac{3}{2}$	3	1	3
	У4										$\frac{1}{2}$	1	$\frac{1}{3}$	1
Вектор приоритетов (W _i)		W = (0.286; 0.429; 0.143; 0.143)				W = (0.25; 0.125; 0.125; 0.375; 0.125)					W = (0.286; 0.143; 0.429; 0.143)			
λ max – максимальное собственное значение; ОС – отношение согласованности		λ max = 4; ОС = 0				λ max = 5; ОС = 0					λ max = 4; ОС = 0			

Напомним, что в МАИ, сравнение производится по шкале от 1 – «сравниваемые акторы имеют одинаковую значимость», до 9 – «показатель абсолютного превосходства» [12, с. 53].

Сравнение условий (У_n) в блоке (Б_n) производится на основании количества личных издержек [16], на которые по мнению эксперта влияет условие блока программы. Под личными издержками

понимается любое препятствие, с которым сталкивается субъект деятельности, в процессе преследования своих интересов. Личные издержки могут носить как материальный, так и не материальный характер [17].

Например, условие 2 блока 1 (W = 0,429) – количество документов (7 ед.), определяет повышение уровня проявляемой субъектом инициативы, и вме-

¹² Прим.: Нумерацию условия блока, в каждом блоке, на рисунке 2, производить слева направо.

сте с этим снижает величину свободного времени и уровня дохода. Необходимость сбора довольно объемного пакета документов заставляет конкурсанта проявлять высокий уровень инициативы, тратить свободное от основной деятельности время. В пакет документов входит бизнес-план, за разработку которого конкурсант должен заплатить собственные денежные средства.

На следующем этапе анализа, определяется на сколько каждое условие (Y_n) каждого блока (B_n),

соответствует мотивационному профилю каждого типа предпринимателей (T_i)¹³, то есть на сколько условие может способствовать активизации деятельности i -го типа предпринимателей.

В таблице 3 представлены векторы приоритетов n -го условия каждого блока, по i -му типу предпринимателей, а также значения максимального собственного значения ($\lambda_{\max}$) и отношения согласованности (ОС) по векторам каждого условия.

Таблица 3. Векторы приоритетов условий (Y_n) каждого блока (B_n) относительно типов предпринимателей (T_i)

	Б1				Б2					Б3			
	Y1	Y2	Y3	Y4	Y1	Y2	Y3	Y4	Y5	Y1	Y2	Y3	Y4
T1	0,41	0,41	0,34	0,34									
T2	0,41	0,41	0,34	0,34									
T3	0,06	0,06	0,13	0,13									
T4	0,06	0,06	0,13	0,13									
T5	0,03	0,03	0,02	0,02									
$\lambda_{\max}$	5,1	5,1	5,1	5,1									
ОС	0,02	0,02	0,02	0,02									
T1					0,53	0,2	0,2	0,11	0,36				
T2					0,12	0,2	0,2	0,14	0,36				
T3					0,05	0,2	0,2	0,35	0,18				
T4					0,25	0,2	0,2	0,14	0,06				
T5					0,03	0,2	0,2	0,23	0,02				
$\lambda_{\max}$					5,3	5	5	5,19	5,6				
ОС					0,06	0	0	0,04	0,13				
T1										0,41	0,30	0,04	0,3
T2										0,06	0,30	0,40	0,3
T3										0,06	0,04	0,02	0,034
T4										0,41	0,02	0,10	0,034
T5										0,03	0,30	0,40	0,31
$\lambda_{\max}$										5,15	5,1	5,39	5
ОС										0,03	0,02	0,08	0

Далее определяется приоритетность каждого блока относительно каждого типа предпринимателей (таблица 4). Осуществляется это через перемножение соответствующих векторов (W_i) условий в блоке (таблица 2) на матрицу векторов приоритетов условий (Y_n) относительно i -го типа (таблица 3).

На заключительном этапе, для определения конечного значения вектора приоритетности (W_k) по каждому типу, что позволит определить приоритетный тип и решить поставленную задачу, рассчитывается ср. геометрическое значение ряда W по каждому блоку каждого типа (T_i) и производится ранжирование полученных результатов (таблица 4).

¹³ Прим.: мотивационные профили каждого типа представлены в предыдущих работах автора, см. Улимбашев А.З., Половникова К.С., Шемчук А.А. Особенности структуры мотивов предпринимательской деятельности // Российское предпринимательство. – 2016. – № 24. – с. 3603–3620.

Таблица 4. Векторы приоритетов блоков (Бп) условий программы относительно типов предпринимателей (Тi) и конечный вектор (Wк) в целом по программе (W-вектор, r – ранг Бп в ряду i-го типа)

	Т1 «классический тип»		Т2 «статус тип»		Т3 «независимый тип»		Т4 «романтический тип»		Т5 «люмпен тип»	
	W	r	W	r	W	r	W	r	W	r
Блок 1 «заявка»	0,399	1	0,399	1	0,0853	2	0,085	3	0,031	3
Блок 2 «создаваемые условия деятельности»	0,27	2	0,181	3	0,218	1	0,175	1	0,150	2
Блок 3 «критерии отбора»	0,229	3	0,282	2	0,0421	3	0,173	2	0,273	1
Ср. геометрическое значений ряда W по i-му типу (Wк), и ранг Wкi по всем типам	0,292	1	0,273	2	0,092	5	0,137	3	0,108	4

Перед проведением анализа полученных значений, следует отметить, что в решении заявленной цели программы «Л-гектар» (заселение сельской местности) наиболее эффективным является «романтический тип» предпринимателей. Данный тип предпринимателей, имеет тесные связи с сельским укладом жизни, и способствует сохранению сельского образа жизни. В целом романтический тип является, в сравнении с другими типами, более социально ориентированным, и достаточно эффективным в производственной деятельности [14, с. 126–129]. Таким образом, данный тип может способствовать не просто заселению территорий, но и освоению земли, формированию прослойки активного сельского населения, способствующих формированию благоприятного социального капитала [6] и устойчивому развитию сельской местности.

Переходя к полученным результатам (таблица 4), можно заключить, что приоритетным типом в целом для программы «Л-гектар» является «классический тип» предпринимателей, чуть в меньшей степени – «статус тип». Представители классического типа имеют склонность, при прочих условиях, к постоянному развитию своей деятельности. Статус тип также склонен, при прочих условиях, к развитию своей деятельности, но менее долговечен, так как имеет склонность также и к административной деятельности, и при получении соответствующего статуса, связанного с административной деятельностью, вопросы развития своего хозяйства становятся для него второстепенными [14, с. 122–123].

Таким образом, с наибольшей вероятностью, участниками и победителями конкурса программы «Л-гектар» будут те предприниматели, которые видят в программе возможности для значительного расширения своей деятельности, и как следствие повышения уровня своего дохода. А также, те предприниматели, которые ввиду имеющихся социальных связей, в том числе с администрацией, получают преимущества перед иными предпринимателями на этапах подготовки и подачи заявки. «Классический» и «статус» тип предпринимателей,

как ожидается, сравнительно легче пройдут процедуру отбора (Б1) и будут в сравнительно большей степени соответствовать критериям отбора (Б3).

Соответствующий целям программы «Л-гектар» «романтический тип» имеет третий ранг в приоритетности программы. Вызвано это тем, что условия программы предполагают необходимость переезда в район локации предоставляемого участка, и осуществление деятельности в определенных разработчиками направлениях (что принципиально важно при балльной системе оценки заявки), что не соответствует мотивационному профилю типа. Трудности для типа могут вызывать также условия первого блока программы, определяющие необходимость отвлечения от производства ради сбора пакета документов и оформления заявки, за ограниченное время. Объяснением возможного появления данного типа среди победителей, является соответствие его место проживания и деятельности, а также направления его производства, локации предоставляемого участка и приоритетным для программы направлениям производства. Что касается начинающих предпринимателей романтического типа, представляющих другие районы области или регионы страны, то их участие в программе «Л-гектар» не исключено, но у них сравнительно меньше возможностей для победы, ввиду отсутствия опыта деятельности [15].

Следующим по рангу приоритетности типом предпринимателей является «люмпенизированный тип». В связи с особенностями мотивационного профиля данного типа, в том числе низким предпринимательским потенциалом, люмпенизированные предприниматели готовы принять все «правила игры», осваивать полученный участок, но без значимых результатов производства (уровня эффективности), заниматься производством в необходимом направлении, в случае необходимости стать участником кооператива. Но не смотря на данные соответствия, предприниматели данного типа, как видится, не смогут проявить соответствующий уровень активности и инициативности для оформления

заявки на участие в конкурсе (Б1), что и определяет не высокий уровень приоритетности данного типа.

Представители «независимого типа» предпринимателей с наименьшей вероятностью будут активизированы условиями программы. Таким образом, особенности мотивации данного типа, связанного с непринятием внешнего контроля за своей деятельностью, накладывают некоторые ограничения на темпы развития его хозяйственной деятельности, что выражается, при прочих условиях, в сохранении достигнутого уровня. В данном случае, они в наименьшей степени соответствуют критериям отбора, так как данный тип, не готов менять направление своей деятельности и стать членом кооператива, что поощряется конкурсом. Начинаящих предпринимателей данного типа также можно ожидать среди участников программы «Л-гектар», но шансов на успех у них также не много, ввиду как отсутствия опыта, так и невозможности работать в условиях кооператива [15].

Заключение

По результатам проведенного исследования было установлено, что значительная часть предпринимателей Ленинградской области не готово участвовать в программе «Ленинградский гектар», в связи, во-первых, с низким уровнем развития социальной и инженерной инфраструктуры районов-участников, а во-вторых, с удаленностью районов-участников программы от Санкт-Петербурга, как центра деловой активности региона и центром сосредоточения рынков сбыта продукции.

Было установлено, что лишь 22% из числа победителей конкурса (по результатам трех распределений) являются устоявшимися сельхозпроизводителями, осуществлявшими свою деятельность в иных районах Ленинградской области, на которых, в первую очередь, и была ориентирована программа. В целом, был сделан вывод, что в сложившихся условиях, участие в программе является способом упрощения доступа к земельным площадям для фермеров, осуществляющих свою деятельность в этих же районах¹⁴, и для лиц, которые планировали переехать в сельскую местность для постоянного проживания и занятия сельхозпроизводством, но без соответствующего опыта. Данная особенность структуры победителей конкурса предопределяет снижение социальной эффективности программы, а положительная динамика по начинающим фермерам, без опыта деятельности, снижает экономическую ее эффективность. Снижение социальной эффективности определяется тем, что распределение участков, в данном случае, не предполагает перее-

зда в эту местность предпринимателей и их семей из других районов. Снижение экономической эффективности определяется, при прочих условиях, как правило, низкими результатами производства начинающих предпринимателей. В случае с начинающими предпринимателями существует также риск неисполнения взятых на себя обязательств по постоянному проживанию в сельской местности, в период предоставления участка (попробовал, передумал, и уехал обратно в город).

Применение авторского подхода в исследовании мотивации предпринимателей и метода анализа иерархий (МАИ) позволило установить, что условия программы «Л-гектар» предполагают мотивирование предпринимателей более эффективных, при прочих условиях, в организации производства и ее осуществлении (освоение земельных участков), и менее пригодных для решения социальных проблем («привязка» к территории), что в целом снижает эффективность программы.

Научная значимость полученных результатов исследования определяется, во-первых, решением оригинальной исследовательской задачи, предполагающей установление возможностей программы в мотивировании (активизации) предпринимателей с различным мотивационным профилем, по результатам которой появляется возможность для определения потенциальной эффективности программы в достижении заложенных в нее целей. Во-вторых, расширением сфер применения метода анализа иерархий.

Практическая значимость полученных результатов определяется тем, что, во-первых они дают возможность оценить ход реализации программы «Ленинградский гектар», во-вторых могут быть использованы для корректировки программы в части создания благоприятных условий для участников программы, и системы оценки заявки конкурсантов, что будет способствовать повышению эффективности реализации программы и достижению ее целей.

В дальнейшем, по мере накопления данных, существует необходимость периодического мониторинга хода реализации программы, и оценки ее результативности в достижении целей, с предварительной разработкой комплекса показателей для оценки, как эффективности, так и эффекта от реализации программы. Также, вполне обоснованной будет являться организация исследования мотивации предпринимателей – участников и победителей конкурса «Л-гектар», для эмпирического подтверждения полученных в статье, в данном аспекте, результатов.

¹⁴ Прим.: Подобная практика характерна и для государственной программы «Дальневосточный гектар», где получение участка для субъектов, является в большинстве случаев, способом оформления ранее «захваченных» земель, см. например [3].

Литература

1. Ботнарюк М. В., Тимченко Н. Ю. Управление на основе ценностей: метод анализа иерархий // Вопросы управления. – 2018. – № 3 (58). – С. 153–161.
2. Верхорузов С. А. Оценка почвенно-климатического и экологического потенциала сельских территорий региона // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. – 2020. – №1(58). – С. 109–115.
3. Журавская Т. Н., Феоктистова К. И. Программа «Дальневосточный гектар»: институциональный подход // Пространственная экономика. – 2019. – № 2 (15). – С. 92–109.
4. Ермакова Н. А., Лимонова И. Г., Гаврилова К. С., Балдесова Т. Ф. О пропульсивных отраслях экономики периферийных муниципальных районов Ленинградской области // Наука и бизнес: пути развития. – 2018. – № 4(82). – С. 110–119.
5. Ефременко А. А., Фещенко Н. В. «Дальневосточный гектар»: проблемы и перспективы // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке: материалы конференции (ДГУПС). – Хабаровск, 2018. – С. 275–280.
6. Ковалева Т. С. Проблемы развития социального и человеческого капитала в АПК России // Научное обеспечение развития АПК в условиях импортозамещения: сборник научных трудов. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, 2018. – С. 73–76.
7. Костяев А. И., Никонова Г. Н., Трафимов А. Г. Проблемы программного подхода к развитию сельских территорий // Никоновские чтения. – 2019. – № 4. – С. 10–12.
8. Крылов В. С., Баюнов В. А. Вовлечение неиспользуемых земель в сельскохозяйственный оборот через «Бесплатный гектар» // АПК: экономика, управление. – 2019. – № 10. – С. 51–59.
9. Ларичев О. И. Вербальный анализ решений. – М.: Наука, 2006. – С. 181.
10. Лукичев П. М. Государственное регулирование и его эффективность // Известия СПбГАУ. – 2015. – № 38 – С. 139–144.
11. Парфенова В. Е., Аверьянова Е. В. Принятие решений в кооперативных системах на основе метода анализа иерархий // Повышение конкурентоспособности Российской сельскохозяйственной продукции на внутренних и внешних рынках: материалы международного конгресса. – СПб.: ЭкспоФорум, 2017. – С. 263–264.
12. Саати Т. Л. Принятие решений. Метод анализа иерархий. – М.: Радио и связь, 1993. – 316 с.
13. Улимбашев А. З. Типологизация субъектов малого бизнеса в сельском хозяйстве // Теоретические и прикладные проблемы АПК. – 2018. – № 2(35) – С. 48–53.
14. Улимбашев А. З. Государственное регулирование предпринимательской деятельности на основе анализа личных издержек. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. – 216 с.
15. Улимбашев А. З. Государственная программа «Ленинградский гектар»: перспективы реализации // Развитие агропромышленного комплекса на основе современных научных достижений и цифровых технологий: материалы Междун. научн.-практ. конф. (СПб – Пушкин, 23–25 января, 2020 г.). – СПб.: Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, 2020. – С. 109–113.
16. Чекмарев О.П., Конев П.А. «Ленинградский гектар» как инструмент устойчивого развития сельских территорий Ленинградской области // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2019. – № 6. – С. 786–793.
17. Чекмарев О. П. Концепция личных издержек и ее роль в регулировании социально-трудовых отношений. – СПб.: Астериол, 2009. – 265 с.

References

1. Botnaryuk, M. V., Timchenko, N. Yu. (2018) [Value-Based Management: A Method for Analyzing Hierarchies]. *Voprosy upravleniya* [Management issues]. Vol. 3(58), pp. 153–161 (In Russ.).
2. Verhorubov, S. A. (2020) [Assessment of soil-climatic and ecological potential of rural areas of the region]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Proceedings of St. Petersburg State Agrarian University]. Vol. 1(58), pp. 109–115. (In Russ.).
3. Zhuravskaya, T. N., Feoktistova, K. I. (2019) [The Far Eastern Hectare Program: An Institutional Approach]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics]. Vol. 2 (15), pp. 92–109. (In Russ.).
4. Ermakova, N. A., Limonova, I. G., Gavrilova, K. S., Baldesova, T. F. (2018) [Propulsive Branches of the Economy of Peripheral Municipal Areas in the Leningrad Region]. *Nauka i biznes: puti razvitiya* [Science and Business: Development Ways]. Vol. 4(82), pp. 110–119. (In Russ.).
5. Efremenko, A. A., Feshchenko, N. V. (2018) [“Far Eastern hectare”: problems and prospects]. *Materialy konferencii Nauchno-tekhnicheskoe i ekonomicheskoe sotrudnichestvo stran ATR v XXI veke* [Conference materials Scientific, technical and economic cooperation of Asia-Pacific countries in the 21st century], pp. 275–280. (In Russ.).

6. Kovaleva, T. S. (2018) [Problems of development of social and human capital in the agricultural sector of Russia]. *Trudy SPbGAU Nauchnoe obespechenie razvitiya APK v usloviyah importozameshcheniya* [*Proc. of SPbGAU «Scientific support for the development of agriculture in the conditions of import substitution»*], pp. 73–76. (In Russ.).
7. Kostyaev, A. I. Nikonova, G. N. Trafimov, A. G. (2019) [Problems of a programmatic approach to rural development]. *Nikonovskie chteniya* [Nikon readings]. No. 4, pp. 10–12. (In Russ.).
8. Krylov, V. S., Bayunov, V. A. (2019) [Involvement of unused lands in agricultural circulation through the «Free hectare»]. *APK: ekonomika, upravlenie* [AIC: Economics, Management]. Vol. 10, pp. 51–59 (In Russ.).
9. Larichev, O. I. (2006) *Verbal'nyj analiz reshenij* [Verbal decision analysis]. Moscow: The science, 181 p.
10. Lukichev, P. M. (2015) [State regulation and its effectiveness]. *Izvestiya Sankt-Petersburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Proceedings of St. Petersburg State Agrarian University]. Vol. 38, pp. 139–144. (In Russ.).
11. Parfenova, V. E. Averyanova, E. V. (2017) [Decision making in cooperative systems based on the hierarchy analysis method]. *Povyshenie konkurentosposobnosti Rossijskoj sel'skohozyajstvennoj produkcii na vnutrennih i vneshnih rynkah* [Improving the competitiveness of Russian agricultural products in domestic and foreign markets]. St. Petersburg: St. Petersburg State Agrarian University, LLC «Expoforum-International», pp. 263–264. (In Russ.).
12. Saati, T. L. (1993) *Prinyatie reshenij. Metod analiza ierarhij* [Making decisions. Analytic Hierarchy Process]. Moscow: Publishing House «Radio and Communications», 316 p.
13. Ulimbashev, A. Z. (2018) [Typology of small businesses in agriculture. Teoreticheskie i prikladnye problemy APK]. *Teoreticheskiye i prikladnyye problemy APK* [Theoretical and applied problems of agriculture], No. 12 (35), pp. 48–53. (In Russ.).
14. Ulimbashev, A. Z. (2016) *Gosudarstvennoe regulirovanie predprinimatel'skoj deyatel'nosti na osnove analiza lichnyh izderzhek* [State regulation of entrepreneurial activity based on the analysis of personal costs]. St. Petersburg: Publishing House of the Polytechnic University, 216p.
15. Ulimbashev, A. Z. (2020) [State program “Leningrad hectare”: prospects for implementation]. *Trudy SPbGAU Nauchnoe obespechenie razvitiya APK v usloviyah importozameshcheniya* [Proceedings of SPbGAU «Development of the agro-industrial complex based on modern scientific achievements and digital technologies»], pp. 109–113. (In Russ.).
16. Chekmarev, O. P., Konev, P. A. (2019) [«Leningrad hectare» as an instrument for sustainable development of rural territories of the Leningrad region]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo* [Bulletin of the Udmurt University. Series Economics and Law]. Vol. 6, pp. 786–793. (In Russ.).
17. Chekmarev, O. P. (2009) *Koncepciya lichnyh izderzhek i ee rol' v regulirovanii social'no-trudovyh ot-noshenij* [The concept of personal costs and its role in the regulation of social and labor relations]. St. Petersburg: Publishing House Asteriol, 265 p.

Информация об авторе:

Ахмедхан Заурбекович Улимбашев, старший преподаватель кафедры экономики и организации аграрного производства, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Россия

e-mail: Ulimbashev_A@inbox.ru

Статья поступила в редакцию: 06.06.2020; принята в печать: 19.08.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Akhmedkhan Zaurbekovich Ulimbashev, Senior Lecturer, Department of Economics and Organization of Agricultural Production, Saint-Petersburg State Agrarian University, Saint-Petersburg, Russia

e-mail: Ulimbashev_A@inbox.ru

The paper was submitted: 06.06.2020.

Accepted for publication: 19.08.2020.

The author has read and approved the final manuscript.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 16

DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-126

«САМООПРАВДАНИЕ ФИЛОСОФИИ»: «МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ» КАК СПОСОБ «ВСТРОИТЬСЯ» В «ДИСЦИПЛИНАРНУЮ СТРУКТУРУ» СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

И. В. Жданова¹, К. Г. Мальцев²

Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова, Белгород, Россия

¹e-mail: tihomirova_iv@mail.ru

²e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Аннотация. *Существование академической философии находится под вопросом уже более ста лет; настойчивость и интенсивность усилий «упразднить за ненадобностью» философию из учебных планов отечественный «цех профессиональных философов» смог практически оценить после утраты вузовской философией идеологической функции. В этой связи профессиональные философы вынуждены предпринимать усилия представить предмет философии и ее возможности таким образом, чтобы доказать «пользу» и показать «органическую связь» философии с дисциплинарно структурированными «позитивными науками». Один из наиболее «влиятельных» и «инновационных» способов: представить философию как «место осуществления междисциплинарности», - является предметом рассмотрения в статье; осуществлен анализ основных форм «рецепции» философией «принципа междисциплинарности»; «сущность» и «перспективы» названной трансформации предмета философии выявляются в статье в горизонте «радикального» понимания предмета философии М. Хайдеггером. Устанавливается, что в хайдеггеровской перспективе определения предмета философии, усилия, направленные на «синтезирование» философского методологического обоснования с практикой научного исследования, осуществляемого в «позитивных науках» (прежде всего в естествознании), вполне излишни: новоевропейская философия, до всякой специальной ее «инструментализации», уже находится в «единстве» с новоевропейской наукой, причем сущностно – в общем для них основании (названном Хайдеггером «поставом»). Все последующие попытки синтеза объясняются неуверенностью философии относительно своего «предмета», и растерянностью относительно своей функции в современной системе знания. Сделан вывод о том, что в процессе «усвоения» междисциплинарности, традиционные функции философии: «методологическая» и «объемлющая» (К. Ясперс), – реализуются, прежде всего, посредством обоснованных предложений по изменению языка дискуссий для достижения «консенсуса» (Б. Холбрук); «критическую» функцию философия выполняет посредством «вовлечения» философского знания в актуальные «дискуссии» по социальным и политическим вопросам (Р. Фродман). В статье делается вывод о том, что перспективы изученного направления «преобразования» академической философии могут быть оценены лишь на основе согласия/несогласия с предложенной инновационной «ревизией» понимания «сущности философского знания».*

Ключевые слова: философия, междисциплинарность, «дисциплинарная структура», наука, эпистемология, инновация.

Для цитирования: Жданова И. В., Мальцев К. Г. «Самооправдание философии»: «междисциплинарность» как способ «встроиться» в «дисциплинарную структуру» современной науки // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 5. – С. 126–133. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-126.

«SELF-JUSTIFICATION OF PHILOSOPHY»: «INTERDISCIPLINARITY» AS A WAY TO «EMBED» IN THE «DISCIPLINARY STRUCTURE» OF MODERN SCIENCE

I. V. Zhdanova¹, K. G. Maltsev²

Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhova, Belgorod, Russia

¹e-mail: tihomirova_iv@mail.ru

²e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Abstract. *The existence of academic philosophy has been in question for over hundred years; the domestic «workshop of professional philosophers» was able to almost assess after the loss of ideological function by university philosophy the perseverance and the intensity of efforts to «abolish philosophy from curricula». In this regard, professional philosophers are forced to make efforts to present the subject of philosophy and its capabilities in a way that proves the «benefit» and shows the «organic connection» of philosophy to the disciplinary structured «positive sciences». One of the most «influential» and «innovative» ways to present philosophy as a «place to exercise interdisciplinary» is the subject of this paper; analysis of the basic forms of «recipe» by philosophy of «the principle of interdisciplinary» is done; the «essence» and «perspectives» of the named transformation of the subject of philosophy are revealed in the paper in the horizon of the «radical» understanding of the subject of philosophy by M. Heidegger. It is established that in the Heidegger perspective of the definition of the subject of philosophy, efforts aimed at «synthesizing» philosophical methodological justification with the practice of scientific research carried out in «positive sciences» (first of all in natural science) are quite superfluous: New European philosophy, until any special «instrumentalization» of it, is already in «unity» with New European science, and essentially – in the common basis for them. All subsequent attempts at synthesis are due to the uncertainty of philosophy about its «subject», and confusion about its function in the modern system of knowledge. It was concluded that in the process of «learning» interdisciplinary, the traditional functions of philosophy – «methodological» and «inclusive» (K. Jaspers) are realized primarily through justified proposals to change the language of discussions in order to achieve «consensus» (B. Holbrook); philosophy performs the «critical» function by «involving» philosophical knowledge in topical «discussions» on social and political issues (R. Frodman). The paper concludes that the perspectives of the studied direction of the “transformation” of academic philosophy can only be assessed by agreeing/not agreeing with the proposed innovative «revision» of the understanding of the «essence of philosophical knowledge».*

Key words: *philosophy, interdisciplinarity, «disciplinary structure», science, epistemology, innovation.*

Cite as: Zhdanova, I.V., Maltsev, K.G. (2020) [«Self-justification of philosophy»: «interdisciplinarity» as a way to «embed» in the «disciplinary structure» of modern science]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 126–133. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-126.

Введение

Уже почти два века, со смерти Г. Ф. В. Гегеля и «начала позитивизма», в горизонте которого наука начала выстраивать в свою поныне существующую дисциплинарную структуру, философия – просто «не нужна». Потребовалось почти столет, чтобы осознание этого «факта» совершилось в «профессиональном цехе» философов и начался поиск «своего места» в системе научного знания, прежде всего – посредством переопределения предмета философии, стремления придать философии «научную форму» (философия как строгая наука: Э. Гуссерль), всяческое подчеркивание методологической функции философского знания, – да мало ли способов было испробовано для того, чтобы «вернуть» философию в сообщество «новоевропейских наук». Потребовался гений М. Хайдеггера, чтобы просто объявить: «Простейшее философское познание в эпоху завершенного Нового времени – это знание, что и почему философия должна была сделаться невозможной и для этой эпохи остается ненужной» [5, с. 431]. Дело, по Хайдеггеру, не просто во взаимоотношениях философии и позитивных наук, которые всегда были непростыми (даже до «позитивизма»); дело в том, «современность», к которой «принадлежит» новоевропейская наука, всецело определенная тем, что он называл поставом («идея» техники: «предоставление наличного в распоряжение», в «готовность»), и философия – «разного порядка». Однако профессиональная

(университетская, академическая) философия не спешила и не спешит по-прежнему согласиться с этим хайдеггеровским утверждением; признаться в своей «невозможности и ненужности» – это *решение*, а как раз решение прежде всего «немыслимо» в том, чем является современность: все, что ей принадлежит и ей определяется неспособно к решению. И в течение последних 100 лет философия существует либо как «популярная философия», или как «схоластика».

Методология

М. Хайдеггер, «сравнивая» науку и философию, пишет следующее: «Наука есть разъяснение сущего. Философия есть прояснение бытия. Наука должна стремиться во все более ясное как в знакомое и привычное. Философия возвращается к сокрытому как непонятному и удивительному. Наука передаст (vennittelt) истинное (через правильность). Философия разыскивает истину. Наука принимает Da-sein за основу. Философия есть Da-sein. Оказывание (das Sagen) науки есть высказывание (Aussagen). Оказывание философии есть проговаривание и оповещение. Наука подтверждает – философия потрясает. Наука приобретает <фактические> знания; она выстраивает. Философия ориентирует на знание; основывает знание» [5, с. 274–275], и добавляет, что «базовые положения», которые высказывает и о которых оповещает философия есть «положения-основания» [4, с. 275].

Большая часть того, что привыкли называть философией, ни в каком случае ей не является и даже ее «не затрагивает». В первую очередь это относится к «популярной философии» как «феномену современности», когда «люди вслепую пытаются странным образом философствовать без философии» [4, с. 242] и, таким образом, «публика, которая не знакома с философией и не нуждается в ней, получает представление, будто теперь настал час «истинной философии»» [4, с. 243]. «Близость к жизни», как лозунг, и возникающие здесь многочисленные разновидности «философии жизни», означает переход философии «в свою не-сущность, она превращается в «схоластику» или «мировоззрение»» [4, с. 497]. Первое характерно для так называемой «академической», или «университетской» «философии»; второе – широко распространено как «общее» представление о «философии» среди «публики». «Философия» в этом ее значении, бывает, «вовлекается в политику», или как «философский фундамент для какой-то в узком смысле политической возни» [4, с. 75], или как «удобный случай, чтобы заниматься какой-то «философией»» [4, с. 75]; в любом случае, налицо враждебность к философии: «Мы всерьез воспринимаем основополагающую вражду к философии и считаем эту так называемую широко распространенную суету мошенничеством» [4, с. 75]¹.

Задачи статьи

Утверждения М. Хайдеггера послужат нам ориентиром (своеобразным «методологическим основанием») в выполнении основной задачи настоящей статьи: выяснить, каким «преимущественным способом» современная академическая философия последние двадцать лет (вообще «предыстория» захватывает больший промежуток времени) «встраивается» в научное знание; этот способ – «методология междисциплинарности», в которой философия претендует на выполнение методологической («связывающей») функции. Однако, следует также иметь в виду, что указанный «мотив»: «быть полезной» в качестве методологии, – лишь один из многих; второй, не менее имеющий значение, Р. Фродман [8], например, называет вполне откровенно: только «недисциплинарная философия» может избежать того, чтобы ее не уничтожили за счет ужесточения бюджетов; вполне понятно, из «чувства самосохранения» «профессиональный цех философов» будет «понимать» философию так, что собственно ничего «философского» в такой «философии» мо-

жет не остаться. Разумеется, удобнее всего подобное (обычно, как и любое другое) реформирование представить как «инновацию»²; так и сделали.

Междисциплинарность: краткая схема истории вопроса

Сама идея «междисциплинарности» не нова; ей тоже, по меньшей мере, сто лет; Н. В. Тимофеев-Ресовский вспоминал, что в то время, когда он начинал свою работу в Германии, и начала себя обнаруживать новая область исследования, биохимия, химики в то время шутили, что это просто химия, но выполненная в «грязной лаборатории» и с помощью не очень «точного» оборудования. Несмотря на такие шутки, довольно быстро выяснилось то, что «старой философии» было ясно с самого начала: дисциплинарная структура научного знания условна в том смысле, что «реальность» тоже лишь условно, для «удобства» и в силу «методологических установок» (которые относятся к области знания) «разграничивается» в том же «порядке», в каком и научные дисциплины: «области реальности» как «предметы наук» есть, в конечном счете, продукт методологического расчленения. Правы были неокантианцы (здесь главную роль играли работы Г. Риккерта [2]), или феноменологи, или М. Хайдеггер (который «проведение границ», в конечном счете, закреплял за философией [3, с. 325–326], – для нашего рассмотрения это не имеет особого значения. Важно другое: никаких принципиальных причин к сохранению границ в тех случаях, когда их нарушение обуславливало получение важных (прежде всего практически: наука, как мы писали в начале, уже стала составной частью «производства» в самом широком смысле) результатов, не было. А поскольку такие результаты все чаще получали именно «поверх» проведенных ранее дисциплинарных границ, появилась и потребность в «осознании» и, как всегда, в создании системы правил, регулирующих практику междисциплинарных исследований – методологии междисциплинарности и многодисциплинарности, различие между которыми необходимо было определить. Результат был зафиксирован в докладе Бритта Холбрука уже в начале 70-х годов XX века, в котором он различает три понятия: «многопрофильность» («мультидисциплинарность») – сочетание двух или более академических дисциплин, ориентированных на одну проблему; «междисциплинарность» – интеграция одной или нескольких академических дисциплин; и «трансдисциплинарность» – хотя этот термин

¹ Подробнее об этом один из авторов данной статьи писал в книге: Мальцев К. Г., Мальцева А. В. ««Своя смерть» и Русское царство: Философия политики В. В. Розанова» [1].

² Под «инновацией» в статье понимается одна из разновидностей «махиации» (М. Хайдеггер) как сути науки (не только науки) в завершающий период «эпохи конца нового времени».

довольно спорный – «интеграция одной или более академических дисциплин с неакадемическим взглядом на общую (и, как правило, реальную, в отличие от просто академической) проблему» [17]. Потребовались усилия, в том числе профессиональных философов, специалистов в логике и методологии, чтобы «развести» эти новые понятия с привычными, такими как «дисциплина», «проблема», «интеграция» и «реальная проблема». В целом же, профессиональные философы долгое время с осторожностью наблюдали «как бы со стороны» за бурной практикой междисциплинарных (без различения, приведенного выше) исследований, характерных для областей, где «чистая наука» взаимодействовала с «технологиями» (описание можно найти в работах, например: Россини и Портер [19]; Кляйн [14;15]); были, пока еще «отдельные» исключения: «Оксфордский справочник по междисциплинарности» под редакцией Фродмена, Кляйна и Митчмана [9], который сам по себе является междисциплинарным проектом, а не только философским; дальнейшие исключения можно найти в работах Ю. Миттельштрасса [16], Г. Рополя [20], М. Кариера [6], Г. Хирша Хадорна и др. [12], Ю.К. Шмидта [21;22] и М. Юнгера и др. [13].

Междисциплинарность как философская проблема

«Всерьез» профессиональные философы стали разрабатывать тему «междисциплинарности» уже в этом веке, в двух основных направлениях: во-первых, как исследование «междисциплинарной интеграции», здесь философия стала претендовать на то, чтобы выполнять «методологическую функцию»; во-вторых, участились попытки представить саму философию как «род междисциплинарного знания», и тем самым, представить «философское обобщение» как давно утраченный «принцип единства наук»; это различие имеет «методический характер» и чаще всего оба эти направления существуют «нераздельно».

В докладе Б. Холбрука «Что такое междисциплинарное общение? Размышления о самой идее дисциплинарной интеграции» [17] содержатся критические размышления над понятием «интеграции», которое, согласно приведенным выше утверждениям, имеет решающее значение как для «междисциплинарности», так и для «трансцендентальности». Против мнения большинства, которое воспринимает «интеграцию» как основную характеристику меж- и трансцендентальности, Холбрук утверждает, что именно в философии существует традиция (и даже несколько), положения которой о возможностях и пределах интеграции и взаимопонимания следует учитывать для выработки более детальных позиций (называется несколько имен, представляющих эту «традицию»). Им выдвигаются

три модели, которые дают очень разные ответы на вопрос о том, какое понимание возможно за пределами несоизмеримых (или противоречивых) предположений. И они же отвечают, что может означать междисциплинарность: (1) интеграция и консенсус, (2) признание несоизмеримости и (3) готовность изобретать новый язык, когда «попытки общения терпят неудачу».

В отличие от Холбрука, ссылающегося на «традицию», Х. Андерсен и С. Вагенкнехт более «определенны» и в своём докладе «Эпистемической зависимости в междисциплинарных группах» [11] основываются на исследованиях в области социальной эпистемологии. Здесь мы находим определенное представление о философских измерениях междисциплинарности; Андерсен и Вагенкнехт показывают, например, что, хотя в социальной эпистемологии ведутся обширные дискуссии о том, как можно соединить противоречивые знания в рамках одной предметной области, как обосновать «убеждения, основанные на свидетельских показаниях» из других областей и какими могут быть «преднамеренные состояния» групп, многое еще предстоит сделать, когда эти подходы «будут работать вместе, чтобы сформировать комплексный анализ сотрудничества между учеными, обладающими взаимодополняющими знаниями». Сосредоточенность на междисциплинарном создании знаний позволяет авторам лучше понять «детальный процесс, с помощью которого ученые с различными областями знаний соединяются и интегрируют свои знания, чтобы прийти к совместному взгляду через дисциплинарные границы» [11]. Междисциплинарная работа занимает области, в которых знания - в частности: комплементарные и противоречивые модели, концепции, парадигмы и фрагменты знаний – распределяются между экспертами, а «знание» каждого эксперта – это знания, которые зависят от чужого знания («эпистемическая зависимость»). Названные авторы озабочены определением «объекта», который можно считать самым «знающим» в междисциплинарной коллективной работе; выбор, утверждают они, следует сделать между группой в целом или отдельным человеком. Андерсен и Вагенкнехт утверждают, что на этот вопрос можно ответить только на основе подробного анализа видов сотрудничества в каждом случае. При рассмотрении сочетания эмпирических исследований и философских размышлений, учитывающих различную степень совместного использования психических моделей, различают четыре типа междисциплинарного сотрудничества: (1) «интеграция руководителем», когда один только руководитель группы обладает опытом, необходимым для интеграции вклада других; (2) «общее групповое обучение» – процесс, который начинается от взаимосвязанных намерений, ведущих, в идеале, к обмену ментальными

моделями и концепциями; (3) «переговоры между экспертами», где тот факт, что в областях экспертизы практически нет дублирования, не приводит ни к интеграции, ни к общим ментальным моделям, а лишь к «взаимосвязанному анализу»; и, наконец, (4) «совместная интеграция», в рамках которой члены группы сотрудничают с «взаимосвязанными намерениями, созданием подпланов и взаимным реагированием» в рамках всего сотрудничества на основе существенного опыта взаимодействия всех членов групп в областях их сотрудничества. Таким образом, Андерсен и Вагенкнехт приходят к уточнению того, что может означать «когнитивная интеграция» – центральное понятие в дискурсе о междисциплинарности.

Другой исследователь междисциплинарности, С. Фуллер [10], разделяет междисциплинарность на «нормальную» и «девиантную», то есть одновременно возможны две роли философии как междисциплинарной деятельности. В его статье «Девиантная междисциплинарность как философская практика: Путь к глубокой интеллектуальной истории» [10] он описывает «нормальную междисциплинарность» как форму сотрудничества, в котором философия играет, прежде всего, «вспомогательную роль», например, через концептуальный анализ, «при том понимании, что сами дисциплины являются основными эпистемическими игроками». В «девиантной междисциплинарности», напротив, философия сама может быть «местом производства междисциплинарных знаний». Здесь философия выходит за рамки знания о том, что дисциплины обеспечивают и активно работают над всеобъемлющим и интегрированным пониманием реальности – то, что Фуллер называет «пониманием реальности второго порядка». Он отслеживает идею «девиантной междисциплинарности» от средневековья до немецкого идеализма, от Д. Скотта, Гегеля, Жана-Батиста Ламарка вплоть до современных естественных наук. Он против понимания междисциплинарности как «командной работы», согласно которому дисциплинарные границы остаются в основном нетронутыми, в то время как девиантная междисциплинарность предполагает, что различия в дисциплинарных знаниях сами по себе являются главным препятствием.

Р. Фродман [7] развил изначально идею «философии как междисциплинарности» в своей концепции «полевой философии». Он призывает философов идти в междисциплинарные «поля» для решения реальных проблем, работая совместно с учеными и практиками других дисциплин. Философ не является лишь теоретиком, но представляет собой активного участника научного (и, в некоторой степени, политического) процесса. В статье «Недисциплинарная философия» [8] Фродман критикует историческое развитие академической

философии XX века в США и других странах; он характеризует такое развитие как «отклонение по сравнению с главной традицией двухтысячелетней западной философии» [8]. Для Фродмана реальные проблемы, с которыми борется мир, призывают «к изменениям в институциональных выражениях философии. Институциональный статус философии – например, её функционирование как дисциплины – был большой прорехой в философии XX (а ныне XXI) века» [8]. Он выступает за то, чтобы академическая философия проводила критическое осмысление своей общей неприменимости к социальным проблемам. Это должно дать возможность задуматься о ее взаимоотношениях с обществом и о том, как на эти отношения влияет ее институциональная реальность.

Идея философии как междисциплинарной науки представлена в статье «Философское вмешательство и междисциплинарная наука: история одного инструментария» Майкла О'Рурка и С. Дж. Кроули [18]. В ней делается акцент на разработку философского «инструмента» для облегчения и улучшения междисциплинарного общения и сотрудничества. Так называемый «инструментарий», включающий в себя рабочее совещание и список вопросов, стимулирует размышления об эпистемологических предположениях, которые могут отличаться от дисциплины к дисциплине. О'Рурк и Кроули показывают с примерами из многочисленных проведенных ими семинаров, что междисциплинарное общение часто затрудняется различиями в исходных предположениях, методологических предположениях и специфичных для дисциплины значениях понятий, которые обычно воспринимаются как должное. Если эти различия остаются неопознанными и прямо не отражаются на них, то успех междисциплинарного сотрудничества находится под угрозой. Инструментарий «вмешивается» именно в этот момент. Философия как «междисциплинарность» реализуется в виде «философских вмешательств» в когнитивные процессы, делающие возможной междисциплинарную деятельность. В то же время в рамках исследовательского проекта инструментария реализуется философия «междисциплинарности» на основе критической функции инструментария.

Нельзя не отметить еще одного, почти оригинального, «разворота» темы междисциплинарности. Если Р. Фродман [8] нацелен на новые практики в философии, которая интегрирована в междисциплинарное и трансдисциплинарное сотрудничество, то, например, Фуллер [10] рассматривает «девиантную междисциплинарность» как философскую практику, которая пытается вырваться из любого подчиненного сотрудничества с другими дисциплинами, чтобы снова дать оценку возможностям синтетического мировоззрения.

Выводы

Представленное изложение, конечно, схематично, и в качестве такового отчасти даже «условно»: всегда можно найти «примеры», уточняющие или корректирующие, сказанное нами выше; но именно как «схема» она наиболее «релевантна» для цели нашего исследования: продемонстрировать способ, каким современная академическая философия «встраивается» в «дисциплинарную структуру» современной науки и «инновации», посредством которых философия, где и как возможно, не «отказывается» от своих традиционных функций «объединения» и «обоснования». В целом, «методологическая функция» всегда признавалась за философским знанием, именно – как «вторая часть» формальной логики, то есть как «учение о методе» (так она и представлялась в «старых» учебниках логики, например, у Зигварта); нисколько не вызывает возражений и стремление «профессиональных философов» «освоить» новую (относительно) область «междисциплинарности», то есть, опять же, продолжить разработку «учения о методе» в связи с «новыми обстоятельствами» в науках. Некоторое недоумение вызывает только настойчивое стремление представить эти усилия как «новые», но это тоже естественно для «современности», требующей во всем «инноваций» (и иногда, посредством «перелицовки», за такую «новость» выдается что-либо основательно забытое: часто «забытое» потому, что современные авторы учились по новым учебникам). Но «универсализация», на которой

настаивают все приведенные в качестве примера в данной статье авторы, представление об «усвоении междисциплинарности» в качестве «универсальной реформы» философии, вызывает у нас некоторое недоумение в той степени, в какой это касается «сущностного самоопределения философии», а не обычного «современного стиля» представлять все как «существенную инновацию».

Делать какие-нибудь определенные выводы насколько успешен или будет успешным «когда-нибудь» этот «инновационный проект» едва ли возможно «по существу самой проблемы» и, если не согласиться с этим, то тогда «преждевременно»: «проект» еще только «разворачивается». Что же касается «невозможности по существу», то здесь уже наличествует «с самого начала» полная определенность: конечно, можно договориться («конвенциональные теории истины», например, не только это допускают, но всячески приветствуют усилия в этом направлении) считать «философией» почти «что угодно», и «традиция» в этом отношении препятствием не станет: любая традиция «конструируется» (в «конвенционалистском дискурсе», в процессе «коммуникации» и т.п., дальше можно не продолжать), – поэтому выводы «по существу» прямо определяются участием/неучастием в «конвенции» того, кто эти выводы делает. Но, и в данной связи, кажется, это важнее всего: финансирование данного проекта будет достаточным и продлится долго, – именно это, ведь, называлось в качестве «цели» одним из его участников.

Литература

1. Мальцев К. Г., Мальцева А. В. «Своя смерть» и Русское царство: Философия политики В. В. Розанова. – Белгород: Издательство Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова. – 2020. – 214 с.
2. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. – СПб.: Наука, 1997. – 532 с.
3. Хайдеггер М. Ницше. В 2-х томах. – Т. 1. – СПб.: Владимир Даль, 2006. – 608 с.
4. Хайдеггер М. Размышления II-VI (Черные тетради 1931_1938) / пер. с нем. А. Б. Григорьева; науч. ред. перевода М. Маяцкий. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 584 с.
5. Хайдеггер М. Размышления VII-XI (Черные тетради 1938-1939) / пер. с нем. А. Б. Григорьева; науч. ред. перевода М. Маяцкий. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. – 528 с.
6. Carrier, M. (2001). «Business as Usual: On the Prospect of Normality in Scientific Research» in Decker, M. (ed.). *Interdisciplinarity in Technology Assessment. Implementation and its Chances and Limits*, Berlin: Springer, pp. 25–31.
7. Frodeman, R. (2010). *Experiments in Field Philosophy*. The New York Times: The Stone. Available at: <http://opinionator.blogs.nytimes.com/2010/11/23/experiments-in-field-philosophy/> (in Eng.).
8. Frodeman R. (2013); *Philosophy dedisciplined*. Synthese. Vol. 190, pp. 1917–1936.
9. Frodeman, R., Thompson Klein, J., Mitcham, C. (eds.) (2010). *The Oxford Handbook of Interdisciplinarity*, Oxford/New York: Oxford Uni. Press.
10. Fuller S. (2013). Deviant interdisciplinarity as philosophical practice: Prolegomena to deep intellectual history. Synthese. Vol. 190 (11).
11. Hanne Andersen & Susann Wagenknecht. Epistemic Dependence in Interdisciplinary Groups. – 2013 – Synthese, Vol.190 (11). Pp.1881–1898.
12. Hirsch Hadorn, G., et al. (2008). *Handbook of Transdisciplinary Research*. The Netherlands: Springer.
13. Jungert, M. et al. (eds.) (2010). *Interdisziplinariät. Theorie, Praxis, Probleme*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

14. Klein, J. T. (1990). *Interdisciplinarity: History, Theory, and Practice*. Detroit: Wayne State University Press.
15. Klein, J. T. (1996). *Crossing Boundaries: Knowledge, Disciplinarity, and Interdisciplinarity*. Charlottesville: University Press of Virginia.
16. Mittelstraß, J. (1987). «Die Stunde der Interdisziplinarität?» in: Kocka, J. (ed.). *Interdisziplinarität. Praxis, Herausforderung, Ideologie*. Frankfurt: Suhrkamp, pp. 152–158.
17. NRC, National Research Council (2003). *Beyond Productivity: Information, Technology, Innovation, and Creativity*. Washington, DC: The National Academies Press.
18. O'Rourke, M. & Crowley S. J. (2013). *Philosophical intervention and cross-disciplinary science: the story of the Toolbox Project*. *Synthese*. Vol. 190, pp. 1937–1954.
19. Rossini, F. A., & Porter, A. L. (1979). Frameworks for Integrating Interdisciplinary Research. *Research Policy*, 8, pp. 70–79.
20. Ropohl, G. (2005). «Allgemeine Systemtheorie als transdisziplinäre Integrationsmethode,» *Technikfolgenabschätzung. Theorie & Praxis* 14(2), pp. 24–31.
21. Schmidt, J.C. (2007). «Towards a Philosophy of Interdisciplinarity. An attempt to Provide a Classification and Clarification,» *Poiesis and Praxis* 5(1), pp. 53–71.
22. Schmidt, J.C. (2011a). «What is a Problem? On problem-oriented Interdisciplinarity,» *Poiesis & Praxis* 7(4), pp. 249–274.

References

1. Mal'cev, K. G. (2020) «*Svoya smert' » i Russkoe carstvo: Filosofiya politiki V. V. Rozanova* [“Own Death” and the Russian Kingdom: Philosophy of Politics by V.V. Rosanov]. Belgorod: Belgorod St. Tech. Univ. named after V. G. Shukhov Publ., 214 p.
2. Rikkert, G. (1997) *Granicy estestvennonauchnogo obrazovaniya ponyatij* [Boundaries of natural-science formation of concepts]. St. Petersburg: Science Publ., 532 p.
3. Heidegger, M. (2006) *Nicshe. V dvuh tomah*. [Nietzsche. In 2 Volumes]. Vol. 1. St. Petersburg: Vl. Dal' Publ., 608 p.
4. Heidegger, M. (2016) *Razmyshleniya II–VI (Chernye tetradi 1931–1938)* [Reflections II–VI (Black notebooks 1931–1938)]. Moscow: Gajdar Inst. Publ., 584 p.
5. Heidegger, M. (2018) *Razmyshleniya VII–XI (Chernye tetradi 1938–1939)* [Reflections VII–XI (Black notebooks 1938–1939)]. Moscow: Gajdar Inst. Publ., 528 p.
6. Carrier, M. (2001). “Business as Usual: On the Prospect of Normality in Scientific Research,” in Decker, M. (ed.). *Interdisciplinarity in Technology Assessment. Implementation and its Chances and Limits*, Berlin: Springer, pp. 25–31.
7. Frodeman, R. (2010) Experiments in Field Philosophy. The New York Times: *The Stone*. Available at: <http://opinionator.blogs.nytimes.com/2010/11/23/experiments-in-field-philosophy/> (in Eng.).
8. Frodeman, R. (2013) Philosophy dedisciplined. *Synthese*. Vol. 190, pp. 1917–1936.
9. Frodeman, R., Thompson Klein, J., Mitcham, C. (eds.) (2010) *The Oxford Handbook of Interdisciplinarity*, Oxford/New York: Oxford Uni. Press.
10. Fuller, S. (2013) Deviant interdisciplinarity as philosophical practice: Prolegomena to deep intellectual history. *Synthese*. Vol. 190 (11).
11. Hanne Andersen & Susann Wagenknecht (2013) Epistemic Dependence in Interdisciplinary Groups. *Synthese*, Vol. 190 (11), pp. 1881–1898. (In Engl.).
12. Hirsch, Hadorn, G., et al. (2008) *Handbook of Transdisciplinary Research*. The Netherlands: Springer.
13. Jungert, M. et al. (eds.) (2010) *Interdisziplinarität. Theorie, Praxis, Probleme*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
14. Klein, J. T. (1990) *Interdisciplinarity: History, Theory, and Practice*. Detroit: Wayne State University Press.
15. Klein, J. T. (1996) *Crossing Boundaries: Knowledge, Disciplinarity, and Interdisciplinarity*. Charlottesville: University Press of Virginia.
16. Mittelstraß, J. (1987). “Die Stunde der Interdisziplinarität?” in: Kocka, J. (ed.). *Interdisziplinarität. Praxis, Herausforderung, Ideologie*. Frankfurt: Suhrkamp, pp. 152–158.
17. NRC, National Research Council (2003). *Beyond Productivity: Information, Technology, Innovation, and Creativity*. Washington, DC: The National Academies Press.
18. O'Rourke, M. & Crowley S. J. (2013) *Philosophical intervention and cross-disciplinary science: the story of the Toolbox Project*. *Synthese*. Vol. 190, pp. 1937–1954. (In Engl.).
19. Rossini, F. A., & Porter, A. L. (1979) Frameworks for Integrating Interdisciplinary Research. *Research Policy*, 8, pp. 70–79. (In Engl.).

20. Ropohl, G. (2005) "Allgemeine Systemtheorie als transdisziplinäre Integrationsmethode," Technikfolgenabschätzung. *Theorie & Praxis* 14(2), pp. 24–31. (In Germ.).

21. Schmidt, J. C. (2007) "Towards a Philosophy of Interdisciplinarity. An attempt to Provide a Classification and Clarification," *Poiesis and Praxis* 5(1), pp. 53–71. (In Engl.).

22. Schmidt, J. C. (2011a) "What is a Problem? On problem-oriented Interdisciplinarity," *Poiesis & Praxis* 7(4), pp. 249–274. (In Engl.).

Информация об авторах:

Ирина Вадимовна Жданова, аспирант, направление подготовки 47.06.01 Философия, этика и религиозное поведение, Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова, Белгород, Россия

e-mail: tihomirova_iv@mail.ru

Константин Геннадьевич Мальцев, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии науки Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова, Белгород, Россия

e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 27.03.2020; принята в печать: 19.08.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Irina Vadimovna Zhdanova, postgraduate student, training program 47.06.01 Philosophy, Ethics and Religious Studies, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russia

e-mail: tihomirova_iv@mail.ru

Konstantin Gennadievich Maltsev, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russia

e-mail: maltsevaannav@mail.ru

The paper was submitted: 27.03.2020

Accepted for publication: 19.08.2020.

The authors have read and approved the final manuscript.

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ КОНФЛИКТА В СИСТЕМЕ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

Б. В. Кабылинский

Финансовая Академия Республики Казахстан, Нур-Султан, Казахстан

e-mail: vice-rectoric@fin-academy.kz

Аннотация. В системе высшего философского образования конфликтная тематика преимущественно наделена акцидентальным статусом и не получает детальной проработки. Во многом это вызвано методологическим несовершенством системы знания о феномене конфликта. Соответственно, методики преподавания конфликтной теории в философском ракурсе выстраиваются на теоретическом фундаменте, заимствованном из смежных отраслей знания. В данной связи приходится констатировать, что текущее положение дел является неудовлетворительным и нуждается в оптимизации и корректировке.

В статье формулируется основной методологический принцип современной эпистемологии конфликта и основные элементы профильной структуры философского знания.

Цель статьи – рассмотреть сценарии использования эпистемологического потенциала теории конфликта для оптимизации системы высшего философского образования.

В соответствии с логикой построения статьи, эпистемология конфликта должна исходить из принципа телесной интеграции субъекта в окружающий его мир. Понимание того, что мое тело принадлежит мне и может быть рассмотрено в целом и по частям, наводит на мысль о том, что восприятие окружающего мира подчиняется тем же законам. При этом познающий субъект захватывает собственное тело под определенным углом зрения, в частности, нос всегда перед глазами, а спина скрыта от взгляда. Несмотря на такое положение тела в пространстве, сознание усваивает, что тело всегда мое, хотя и не может быть охвачено полностью, даже с помощью таких приспособлений, как зеркало или фотоаппарат. Соответственно, окружающий мир также можно постигать по аналогии с телом, пусть многое всегда находится за пределами *Ego cogito*. Необходимо четко осознавать, что в XXI веке тело человека обретает новое место в культурных и социальных процессах.

С учетом вышесказанного, термин «эпистема» следует включить в структуру знания теории конфликта в качестве одной из фундаментальных категорий, которые могут быть положены в основу системы высшего философского образования по данному профилю.

Ключевые слова: эпистема, конфликт, образование, эпистемологическая программа, постсовременность.

Для цитирования: Кабылинский Б. В. Эпистемология конфликта в системе философского знания // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 5. – С. 134–139. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-134.

EPISTEMOLOGY OF CONFLICT IN THE SYSTEM OF PHILOSOPHICAL KNOWLEDGE

B. V. Kabylnskii

Financial Academy of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, Kazakhstan

email: vice-rectoric@fin-academy.kz

Abstract. In the system of higher philosophical education, conflict topics are mainly endowed with an accidental status and do not receive detailed study. This is largely due to the methodological imperfections of the knowledge system about the phenomenon of conflict. Accordingly, the methods of teaching conflict theory from a philosophical perspective are built on a theoretical foundation borrowed from related branches of knowledge. In this regard, it must be noted that the current state of affairs is unsatisfactory and needs to be optimized and corrected.

The article formulates the main methodological principle of the modern epistemology of conflict and the main elements of the profile structure of philosophical knowledge.

The purpose of the author of the article is to consider scenarios for using the epistemological potential of conflict theory to optimize the system of higher philosophical education.

In accordance with the logic of the article, the epistemology of conflict should proceed from the principle of bodily integration of the subject into the world around him. Understanding that my body belongs to me and can

be considered in whole and in parts suggests that the perception of the world around me is subject to the same laws. At the same time, the knowing subject captures his own body at a certain angle of view, in particular, the nose is always in front of the eyes, and the back is hidden from view. Despite this position of the body in space, consciousness assimilates that my body is always mine, although it cannot be completely embraced, even with the help of devices such as a mirror or a camera. Accordingly, the surrounding world can also be comprehended by analogy with the body, let much always be outside Ego cogito. It must be clearly understood that in the twenty-first century the human body is gaining a new place in cultural and social processes.

In view of the above, the term «episteme» should be included in the structure of knowledge of the theory of conflict as one of the fundamental categories that can form the basis of the system of higher philosophical education in this profile.

Key words: *episteme, conflict, education, epistemological program, postmodern.*

Cite as: Kabylin, B. V. (2020) [Epistemology of conflict in the system of philosophical knowledge]. *Intellect. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 134–139. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-134.

Введение

Система высшего философского образования в вопросах преподавания конфликтной теории преимущественно основывается на математически выверенных предпосылках из области физики и других точных наук [2]. По этому принципу зарождались социология, психология и политическая наука, на стыке которых возникла философия конфликта. Вполне логично, что происхождение философии конфликта во многом предопределило тот факт, что эпистемологическая структура современных воззрений на феномен конфликта характеризуется тяготением к заимствованию инструментария естественно-научных дисциплин. Производная картина мира-в-конфликте в классической образовательной традиции конструируется в строгом соответствии с правилами и принципами структурно-функционального подхода, то есть конфликт предстает в качестве аномалии процесса исторического развития, подлежащей рациональному прогнозированию и поэтапному устранению в ходе эмпирического опыта или мысленного эксперимента. С эпистемологической точки зрения, методики преподавания конфликта испытывают недостаток плюрализма и автономии собственного категориально-понятийного аппарата [15]. Безусловно, злоупотребление точной механистической методологией приводит к исчезновению антропологической природы субъекта из поля зрения исследователя или подменяется его механистической интерпретацией. Для качественного обновления методики преподавания философии конфликта исключительно важно обрести эпистемологический ориентир, указывающий на реального, экзистующего, субъекта, а не иметь дело с абстракцией или механистическим дубликатом техногенной природы. Штампы и клише, упрощающие познание природы конфликта за счет его деантропологизации, необходимо превзойти в рамках новой философской методологии преподавания конфликта. Для решения этой задачи и выявления роли и места эпистемологии конфликта следует определить принципы, которые, будучи положен-

ными в ее основу, позволяют модифицировать существующие педагогические наработки и вернуться в ходе преподавания философии конфликта к методологии гуманитарного знания и ее антропологическому предмету исследования.

Методологический аппарат исследования

Итак, основной методологический принцип современной эпистемологии конфликта необходимо определить так, чтобы знание об этом феномене было неразрывно связано с активностью субъекта, аккумулирующего и транслирующего информацию в пространстве и времени в рамках отдельно взятой культурной вариации. Иными словами, необходимо произвести антропологический разворот и закрепить за индивидом право соприсутствия на правах homo cogito по отношению к конфликтной ситуации. В этом случае субъект конфликта не только творит конфликтный дискурс, но и надзирает за ним с позиции стороннего наблюдателя, призванного обеспечить формирование нового знания о причинах, формах и последствиях конфликтной борьбы [4]. Разумеется, деятельность субъекта неотделима от конкретных культурных реалий, претерпевающих изменения в ходе столкновения противоборствующих сторон. Антропологический разворот в теории конфликта означает признание сопричастности субъекта по отношению к его собственному полю деятельности. Важно подчеркнуть, что homo cogito обретает себя в мире посредством конфликта и, познавая его, уясняет собственное предназначение и место в мире. Субъект конфликта в ходе познания окружающего мира и самого себя переходит на качественно более высокие уровни бытия, открывая доступ к созиданию новых форм культуры. Безусловно, не следует стремиться к фиксации культуры в качестве объекта познания, выделяя отдельные элементы и акцентируя на них избыточное внимание. Субъект конфликта должен выступать по отношению к культуре носителем базовых ценностей, достаточных для внутренней мобилизации на борьбу с Другим, но при этом культура оказывает-

ся также своеобразным объектом для созерцания со стороны Я в положении зависимости от взгляда наблюдающего [13]. В модели взаимоотношений «субъект конфликта – культурный генезис» предполагаются единство и целостность мира культурных объектов, а не их разобщенность, что вполне оправданно, так как преодолевается извечное затруднение, связанное с выведением субъекта конфликта за скобки по отношению к культуре и наделением его пассивным статусом, преодолению зависимости от сложившихся культурных традиций, хотя и с сохранением возможности стороннего наблюдения участника конфликта за сопутствующими культурными трансформациями.

Результаты исследования

Эпистемология конфликта должна исходить из принципа телесной интеграции субъекта в окружающий его мир. Понимание того, что мое тело принадлежит мне и может быть рассмотрено в целом и по частям, наводит на мысль о том, что восприятие окружающего мира подчиняется тем же законам [11]. При этом познающий субъект захватывает собственное тело под определенным углом зрения, в частности, нос всегда перед глазами, а спина скрыта от взгляда [10]. Несмотря на такое положение тела в пространстве, сознание усваивает, что тело всегда мое, хотя и не может быть охвачено полностью, даже с помощью таких приспособлений, как зеркало или фотоаппарат. Соответственно, окружающий мир также можно постигать по аналогии с телом, пусть многое всегда находится за пределами *Ego cogito*. Необходимо четко осознавать, что в XXI веке тело человека обретает новое место в культурных и социальных процессах [8]. Разумеется, тело по-прежнему мое и не может перестать быть таковым, по крайней мере, в рамках отдельно взятой конечной формы персонализированного существования. Вместе с тем, открываются возможности для разделения и воспроизводства собственного тела в пределах своей жизни и за ее временными границами. Трансплантации органов, сохранение генетического материала, нанотехнологии и другие ноу-хау провоцируют возникновение неожиданных и ранее неизведанных для эпистемологии затруднений, например, вопроса о том, что есть мое тело после частичной трансплантации одного из моих органов другому человеку. Неудивительно, что донорство преимущественно осуществляется анонимно, поскольку проекция умершего родственника на здравствующего обладателя его костного мозга порождает конфликтные ситуации, немыслимые в индустриальную эпоху всего каких-то сто лет назад. В случае с донорством конфликтность актуализируется по смысловой оси категории различия, то есть фиксации в двух означаемых того взаимоисключающего, которое позволяют означающему

дифференцировать явления или вещи. Разумеется, тело всегда выступало гарантом способности к различению индивидов по принципу дихотомии «мое тело и тело другого», но трансплантология стирает эти границы, что означает новые вызовы для эпистемологии конфликта, прежде всего, в вопросах разрешения споров за право собственности. Болезненность ситуаций, возникающих в сфере дискуссий о суррогатном материнстве, указывает на запредельный масштаб обострения противоречий, если конфликт будет вскоре вестись по поводу того, кому принадлежит тело – Я или Другому [14].

Термин «эпистема» следует включить в структуру знания теории конфликта в качестве одной из фундаментальных категорий, которые могут быть положены в основу системы высшего философского образования по данному профилю. Безусловно, темпы развития современной науки поражают воображение, поэтому идеи М. Фуко уже следует расценивать как классическую теорию, а не как инновационный подход в области теории познания. Тем не менее, в отечественной теории конфликта идеи Фуко практически не получают дальнейшей проработки, что вынуждает создавать именно на их основе недостающий на сегодняшний день теоретико-методологический фундамент и сокращать дистанцию отставания от зарубежных исследователей в этой области.

По мысли Фуко, понятие «эпистема» вмещает весь объем исторических данных, определяющих порядок формирования убеждений и гипотез, в том числе и научных, в каждый период культурной эволюции человеческого рода [1]. Имплементация эпистемологического подхода Фуко в категориально-понятийный аппарат педагогической философской системы может обеспечить уход от тенденции к анализу этого феномена без уяснения сущности возникновения конфликтного соприсутствия. Разумеется, здесь не идет речи о причинах распри и споров, так как этому вопросу уделяется в теории конфликта достаточное внимание. Идея в том, что разное отношение слов и вещей в каждой эпистеме указывает на методические возможности разграничения конфликтов в исторической эпохе по эссенциальным характеристикам. Иными словами, в рамках современной теории конфликта невозможно убедительно продемонстрировать, в чем состоит фундаментальное различие Пелопоннесской войны и наполеоновских войн, поскольку цели, мотивации и претензии участников вооруженных столкновений не изменяются кардинальным образом на протяжении истории, в то время как совершенствование военного арсенала по-прежнему происходит по принципу «изобретено новое копье – создается щит повышенной прочности». Наоборот, термин «эпистема» преподносит события в ином ракурсе: если соотношение слов и вещей не выходит за

рамки схемы «слово – образ», привычной для эпохи Ренессанса, то слова и вещи уже опосредуются языком и упорядочиваются в виде сложных систем комбинации знаков в новейшей истории. Соответственно, удушение солдат ядовитыми газами в Первую мировую войну или ядерная бомбардировка мирного населения Хиросимы – это не просто негуманный акт или эволюция наступательного потенциала, но трансформация мышления, научившегося рассчитывать риски, учитывать вероятности и прогнозировать их на уровне, недоступном в эллинистическую или Средневековую эпоху [3]. Итак, научные достижения химии и физики в области вооружений и реальная готовность человечества этими преимуществами пользоваться – события одного порядка, а не параллельные и независимые процессы, поскольку новые, табличные принципы систематизации знания неизбежно находят свое отражение в антропологическом облике современников этих инноваций.

Внедрение термина «эпистема» в теорию конфликта означает возможность философского постижения конфликтного бытия в пространстве и времени. Очевидно, что в эпоху Ренессанса конфликты актуализировались в пространстве, предполагавшем четкое различие многообразных проявлений бытия, но в XX веке наступило время, определившее вещи сообразно историческому контексту [5]. Соответственно, если трансформируется принцип упорядочения культурных и социальных реалий, то и сопутствующие конфликты, системные или внесистемные, подчиняются тем же самым законам. Следует отметить, что доминирование установки историзма познать себя во времени провоцирует человека на новый экзистенциальный конфликт – прикладывая все новые усилия в стремлении к бессмертию в любых формах, благо телесная конечность удачно нивелируется достижениями цифрового века в постиндустриальном дискурсе [6].

В качестве важнейшего методологического принципа в эпистемологии конфликта, в том числе в философской педагогике, должен использоваться термин «репрезентация», то есть предусмотренные в конкретных культурных вариациях способы узнавания происходящего в окружающих субъекта конфликта символах и знаках. Принципиально важно отметить, что репрезентация в мире конфликтующего субъекта может существовать только при условии собственного многообразия, то есть бесчисленного количества способов поместить перед познающим конфликт субъектом варианты эффективного воздействия на соперника. В этом плане взаимосвязь конфликтного бытия в своем соотношении с представлением Я о сущности и форме столкновения с Другим четко обусловлена культурными реалиями в эпоху Ренессанса, но утрачивает целостность в Новое Время, когда условиями понимания проис-

ходящего в мире становятся не вещи, а возникающие вокруг них отношения и даже, в случае с аналитикой власти, так называемое «отношение отношения». Поэтому методология исследования конфликта, к которой прибегает высшее философское образование, должна отказаться от уверенности в том, что традиционные догмы могут считаться таковыми в современных культурных условиях и, следовательно, должны уступить место релятивистской познавательной установке. Исследователь конфликта в глобальном мире вынужден капитулировать в условиях постоянно меняющихся позиций и интересов сторон конфликтной борьбы и прятаться от них за догматическим барьером классической науки либо соглашаться с тем, что знание о конфликте и способах его разрешения ситуативно, спонтанно и ненадежно, но в этом и состоит его принципиальная ценность с точки зрения антропологического научного подхода. Идеи гносеологического анархизма гораздо полезнее для практикующего специалиста в области предупреждения конфликтов, чем догматическая убежденность в том, что необходимо осуществить заранее регламентированную процедуру снятия конфликтного противоречия. Итак, релятивистская установка позволяет выстроить систему знания о конфликте, учитывающую практически бесконечную вариативность форм и способов противоборства субъектов в стремлении к овладению предметом их обоюдного вожделения. В пользу релятивизма убедительно свидетельствует тот факт, что исследование конфликта с научной точки зрения существенно осложняется исключительно высокой склонностью конфликтующих субъектов руководствоваться неразумностью и реализовывать себя в соответствии с установкой на вседозволенность. Такое положение дел затрудняет поиск универсальных моделей поведения в конфликте ввиду неспособности эффективно применить методологию научного познания в иррациональных реалиях [7]. Фактически любая методика разрешения конфликта работает только с момента введения в действие правил игры, снятия эмоционального накала, сотрудничества сторон и четкого выполнения инструкций посредников, привлекаемых со стороны. Догматика в сфере разрешения споров основывается на четком убеждении теоретиков конфликта относительно невозможности управлять противоборством Я и Другого до тех пор, пока они выражают себя в спонтанной, иррациональной форме. В данной связи обращает на себя внимание перспективность заимствования наработок из области гносеологического анархизма с целью расширения теоретической базы профильных исследований в этой области. Согласно принципу Фейерабенда о том, что истинное в теории оказывается справедливым и на практике, попытка выработать методологические предпосылки для работы с конфликтом в его природной, стихийной форме

выглядит оправданной и перспективной [9]. Гуманность и прогрессивность анархистской установки в отношении науки следует проверить на примере из практического конфликторазрешения. Несомненно, специалист, который станет первооткрывателем в области управления иррациональными мотивациями в конфликте, совершит революцию, сопоставимую по масштабам с коперниковским переворотом в астрономии [12]. Тот факт, что на сегодняшний день в конфликт-менеджменте доминирует диаметрально противоположная установка, отнюдь не означает, что альтернативная модель не будет иметь шанса занять господствующее положение в процессе становления философского знания.

Заключение

Предложенные эпистемологические тезисы могут послужить основой для улучшения и корректировки методики преподавания теории конфликта в системе высшего философского образования. Стоит отметить, что роль эпистемологии конфликта имеет безусловную важность в сфере философской педагогики и провоцирует отечественных и зарубежных ученых на разработку собственных эффективных методик преподавания философии. При этом, место эпистемологического инструментария в философской педагогике находится в точке соединения старых и новых подходов в единой системе знания о конфликте.

Литература

1. Балданов С. В. Мысленный эксперимент: Эпистемологический статус? // Вестник Бурятского государственного университета. – 2017. – Вып. 2. – С. 97–105.
2. Андреев А. Л. Лицом к лицу с современным миром // Социологические исследования. – 2019. – № 2. – С. 3–8.
3. Касавин И. Т. Социальная философия науки и коллективная эпистемология. – М.: Весь мир, 2016. – 262 с.
4. Кузин И. В. Сопротивление тела: перспективы преодоления // Человек. – 2014. – № 6. – С. 86–99.
5. Микешина Л. А. Эпистемология ценностей. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. – 439 с.
6. Платонова С. И. Эпистемологические особенности современного социально-гуманитарного знания // Контекст и рефлексия: Философия мира и человека. – 2017. – № 6. – С. 131–142.
7. Попова О. В. Человек, его цена и ценность: к проблеме коммодификации тела в научном познании // Эпистемология и философия науки. – 2016. – Том XLIX. – С. 140–157.
8. Сапожникова Л. М. Эволюция идеи темпоральности – от круговорота Античности к линии Средневековья. // Вестник Московского государственного университета. – Серия 19. – № 1. – 2016. – С. 137–142.
9. Сокулер З. А. Историческая эпистемология и судьба философской теории познания // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Том LII. – С. 29–34.
10. Фуко М. Археология знания / пер. с франц. С. Митина, Д. Стасова. – К.: Ника-центр, 1996. – С. 195–203.
11. Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке. – М.: АСТ, 2006. – С. 97.
12. Шашлова Е. И. О значении исторической эпистемологии для современной философии науки // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Том LI. – С. 42–47.
13. Юдин Б. Г. Технонаука и «улучшение» человека // Эпистемология и философия науки. – 2016. – Том XLVIII. – С. 6–18.
14. Castels M. The Network Society: From Knowledge to Policy. – Washington, DC: Center for Transatlantic Relations, 2006. – P. 12.
15. Popper Karl A. Evolutionary Epistemology // Evolutionary Theory: Paths into the Future / Ed. by J. W. Pollard. – John Wiley & Sons. Chichester and New York, 1984. – P. 239.

References

1. Baldanov, S. V. (2017) [Thought experiment: Epistemological status?]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University]. Issue 2, pp. 97–105. (In Russ.).
2. Andreev, A. L. (2019) [Face to face with the modern world]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological studies]. Vol. 2, pp. 3–8. (In Russ.).
3. Kasavin, I. T. (2016) *Sotsial'naya filosofiya nauki i kollektivnaya epistemologiya* [Social philosophy of science and collective epistemology]. Moscow: All world, 262 p.
4. Kuzin, I. V. (2014) [Body resistance: perspectives of overcoming]. *Chelovek* [Man]. Vol. 6, pp. 86–99. (In Russ.).
5. Mikeshina, L. A. (2007) *Epistemologiya tsennostey* [Epistemology of values]. Moscow: Russian political encyclopedia, 439 p.

6. Platonova, S. I. (2017) [Epistemological features of modern social and humanitarian knowledge]. *Kontekst i refleksiya: Filosofiya mira i cheloveka* [Context and reflection: Philosophy of the world and man]. Vol. 6, pp. 131–142. (In Russ.).
7. Popova, O. V. (2016) [Man, his price and value: to the problem of the commodification of the body in scientific knowledge]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science]. Vol. XLIX, pp. 140–157. (In Russ.).
8. Sapozhnikova, L. M. (2016) [Evolution of the idea of temporality – from the cycle of Antiquity to the line of the Middle Ages]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Moscow State University]. Series 19. No. 1, pp. 137–142. (In Russ.).
9. Sokuler, Z. A. (2017) [Historical epistemology and the fate of the philosophical theory of knowledge]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science]. Vol. LII, pp. 29–34. (In Russ.).
10. Foucault, M. (1996) *Arkheologiya znaniya* [Archeology of knowledge]. Trans. from French S. Mitin, D. Stasova. Kiev: Nika-center, pp. 195–203. (In Russ.).
11. Fukuyama, F. (2006) *Sil'noye gosudarstvo: upravleniye i mirovoy poryadok v XXI veke* [Strong state: governance and world order in the XXI century]. Moscow: AST, 97 p.
12. Shashlova, E. I. (2017) [On the meaning of historical epistemology for modern philosophy of science]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science]. Vol. LI, pp. 42–47. (In Russ.).
13. Yudin, B. G. (2016) [Technoscience and “improvement” of man]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science]. Vol. XLVIII, pp. 6–18. (In Russ.).
14. Castels, M. (2006) *The Network Society: From Knowledge to Policy*. Washington, DC: *Center for Transatlantic Relations*, 12 p.
15. Popper, Karl A. (1984) *Evolutionary Epistemology. Evolutionary Theory: Paths into the Future*. Ed. by J. W. Pollard. *John Wiley & Sons*. Chichester and New York, 239 p.

Информация об авторе:

Борис Васильевич Кабылинский, кандидат философских наук, профессор, проректор по научной работе, Финансовая Академия Республики Казахстан, Нур-Султан, Казахстан
e-mail: vice-rectoric@fin-academy.kz

Статья поступила в редакцию: 06.07.2020; принята в печать: 01.09.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Boris Vasilievich Kabylnskii, PhD in Philosophy, Professor, Vice Rector for the research, the Financial Academy of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, Kazakhstan
e-mail: vice-rectoric@fin-academy.kz

The paper was submitted: 06.07.2020

Accepted for publication: 01.09.2020.

The author has read and approved the final manuscript.

ФИЛОСОФИЯ ПОСТМОДЕРНИЗМА О ПЛЮРАЛИЗАЦИИ И ПОЛИТИЗАЦИИ КАК ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В. Е. Кулешов¹, Н. А. Царёва²

Тихоокеанское высшее военно-морское училище имени С.О. Макарова Министерства обороны Российской Федерации, Владивосток, Россия

¹e-mail: valkylesh@mail.ru

²e-mail: nadezda58@rambler.ru

Аннотация. Актуальность статьи заключается в необходимости анализа и оценки роли религии в современном обществе. Проблемы глобального техногенного общества требуют не только научного решения, но и их морально-нравственной оценки. Усиление роли религии, ее востребованность в обществе обусловлена ее этическим содержанием, сосредоточенностью на духовной жизни человека.

Цель данной статьи – рассмотреть особенности понимания религии в философии постмодернизма, чтобы понять процессы в сфере религии в начале XXI в. Представители европейского постмодернизма осуществили рефлексию эпохи постмодерна, в том числе и состояния религии.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении двух аспектов представления постмодернизма о религии. Во-первых, философы предвидели широкое распространение внеконфессиональной религии, сосуществование разнообразных религиозных форм. Трансформация форм, статуса и роли религии в постмодернизме объяснялась плюралистичностью постмодернистского общества (сложность современных обществ, процессов; различные мировоззрения, убеждений). Сущность религии связана не с традиционными религиозными догмами, а с возможностью духовного преображения человека. Религиозный опыт может транслироваться через искусство (Ж. Делез), самосознание (М. Фуко). Во-вторых, философы постмодернизма раскрывают социально-политическую роль религии. Традиционные религиозные учения рассматриваются как конструкции человеческого разума, создаваемые властными структурами общества. Управление индивидами в обществе происходит посредством религиозного дискурса (М. Фуко). Основной функцией религии становится принуждение человека, поэтому следует освободиться от авторитарной власти традиционной религии.

В современном обществе религия продолжает оставаться важнейшим элементом. В результате развития особенностей общества постмодерна происходит «плюрализация религиозной ситуации», усиливаются тенденции ее политизации. Широко распространяются нетрадиционные религиозные течения, разнообразные формы религии. Размышления о религии представителей постмодернизма сохраняют актуальность, поскольку позволяют сосредоточиться на духовной составляющей религии, осмыслить статус и позиции религии в современном обществе.

Ключевые слова: религиоведение, эпоха постмодерна, европейский постмодернизм, секуляризация, десекуляризация.

Для цитирования: Кулешов В. Е., Царёва Н. А. Философия постмодернизма о плюрализации и политизации как основных тенденциях трансформации религии в современном обществе // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 5. – С. 140–145. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-140.

PHILOSOPHY OF POSTMODERNISM ABOUT PLURALIZATION AND POLITIZATION AS BASIC TENDENCIES OF RELIGION TRANSFORMATION IN MODERN SOCIETY

V. E. Kuleshov¹, N. A. Tsareva²

Pacific Higher Naval School named after S.O. Makarov of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Vladivostok, Russia

¹e-mail: valkylesh@mail.ru

²e-mail: nadezda58@rambler.ru

Abstract. The relevance of the article lies in the need to analyze and evaluate the role of religion in post-post-modern society. The problems of the global technogenic society require not only scientific solutions, but also their

moral assessment. The strengthening of the role of religion and its relevance in society is due to its ethical content and focus on the spiritual life of a person. The purpose of this article is to examine the features of understanding religion in the philosophy of postmodernism, in order to understand the processes in the sphere of religion at the beginning of the XXI century. Representatives of European postmodernism carried out a reflection of the postmodern era, including the state of religion.

The scientific novelty of the research consists in considering two aspects of postmodernism's view of religion. First, philosophers foresaw the wide spread of non-confessional religion, the coexistence of various religious forms. The transformation of the forms, status and role of religion in postmodernism was explained by the pluralism of postmodern society (the complexity of modern societies, processes, different worldviews, beliefs). The essence of religion is not connected with traditional religious dogmas, but with the possibility of spiritual transformation of a person. Religious experience can be translated through art (J. Deleuze), self-awareness (M. Foucault). Second, postmodern philosophers reveal the socio-political role of religion. Traditional religious teachings are considered as constructions of the human mind created by the power structures of society. individuals are Managed in society through religious discourse (M. Foucault). The main function of religion is to compel people, so we should be freed from the authoritarian power of traditional religion.

In modern society religion continues to be the most important element. As a result of the development of the features of postmodern society, the «pluralization of the religious situation» occurs and the tendency to politicize it increases. Non-traditional religious movements and various forms of religion are widely spread. Reflections on the religion of representatives of postmodernism remain relevant, since they allow us to focus on the spiritual component of religion, to understand the status and position of religion in modern society.

Key words: religious studies, postmodern era, European postmodernism, secularization, desecularization.

Cite as: Kuleshov, V. E., Tsareva, N. A. (2020) [Philosophy of postmodernism about pluralization and politicization as basic tendencies of religion transformation in modern society]. *Intellect. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 140–145. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-140.

Введение

В начале XXI столетия объективными тенденциями и закономерностями развития различных культур является как их интеграция, так и дифференциация. Эти процессы актуализируют внимание к проблеме религии (ее форм, функций, статуса и др.) как значимого элемента современной культуры. Религия продолжает занимать в жизни человека и общества значимое место. Несмотря на то, что позиции рационализма и сциентизма усиливаются, наука не дает ответы на морально-нравственные, смысловые вопросы. Витальность религии сохраняется благодаря этическому, образному содержанию, раскрывающему человеку ценности жизни, помогая ему обнаружить в себе духовное начало. Обращение к философии постмодернизма поможет объяснить динамику современных процессов в сфере религии. Понятие «постмодерн» обозначает новый этап исторического развития общества, начиная с конца 1970-х годов. Философское, социологическое понятие «постмодернизм» отражает концепцию восприятия мира в эпоху постиндустриализма. Рефлексия эпохи постмодерна осуществлена в работах Ж. Делеза, М. Фуко, Ж. Деррида и других представителей «европейского постмодернизма», новаторского направления в философии XX в.

Кардинальные изменения во всех сферах общественной жизни, в том числе динамика трансформаций в культуре, искусстве, религии требовали философского осмысления. Постмодернизм рас-

сматривал религию как значимую часть духовно-социальной системы общества и предлагал идею деконструкции религии. Вера неискоренима в имманентном мире человека, но она не может ограничиваться традиционными религиозными формами. Кризис общества коснулся системы ценностей, среди которых оказались как духовные устремления человека, так и авторитеты традиционной церкви. Поэтому вера продолжает существовать в различных религиозных образованиях, нетрадиционных религиозных учениях.

Отдельно проблема религии в постмодернизме освещалась недостаточно широко [4, 6, 9, 13]. В основном в научной литературе постмодернистское отношение к религии анализировалось в контексте общего анализа творчества мыслителей.

Цель статьи – показать актуальность постмодернистской рефлексии религии для осмысления процессов в сфере религии в начале XXI в. Показать, что основные тенденции динамики в сфере религии были озвучены в конце XX в. Для этого следует сосредоточить внимание на двух аспектах в понимании религии философии постмодернизма.

– Плюралистические основания философии постмодернизма позволили объяснить сосуществование разнообразных форм религии в эпоху постмодерна.

– Значительное место в постмодернистских размышлениях о религии занимала проблема политизации религии, манипуляции властью религиозными институтами и чувствами.

Плюралистичность постмодернистского общества как основание трансформации форм религии

В эпоху глобализации очевидно возрастает интерес общества к религии. Теоретик постмодернистской философии П. Козловски объясняет этот процесс с утратой доверия к прогрессистской модели развития общества, созданной в эпоху Просвещения. Рациональное знание как фундамент развития науки и техники не смогло сделать человечество счастливым. Глобальные проблемы, различного рода кризисы, с которыми сталкивается человек, становятся характеристикой «общества риска». На рубеже XX–XXI вв. религия остается важнейшей составляющей культуры «... постмодерн проявляет духовные и религиозные признаки. Он воскрешает в памяти тот факт, что культура и общество всегда имеют религиозное измерение» [5, с. 31].

Изменения в сфере религии были обусловлены также плюралистичностью постмодернистского общества (сложность современных обществ, различные мировоззрения, разнородность убеждений). Многообразие общественных процессов стало фактором культурного многообразия. Трансформации форм культуры коснулись и религии: диапазон изменений ее статуса и роли достаточно широк. С одной стороны, усиливаются позиции традиционных форм религии, с другой стороны, возникают новые религиозные образования, в которых доминирует обыденная, прагматическая сторона. По Ж. Бодрийеру, в обществе создается новая религиозность: «В ней реализуется либо стремление к экзотике – кришнаизм, йога, секта Муна и т.д.; либо сбитые с толку разрозненные интуиции собираются в случайные и необоснованные связи – оккультизм, теософизм, New Age; либо складываются искусственные синкретические системы, где есть всего понемногу – фрагменты традиционных религий, экзотические культы, колдовство, гадание, гимнастики, обещания поправить «карму» и т.д. Новая религиозность полностью соответствует стилю Постмодерна с его тяготением к сочетанию несочетаемого, вкусом к парадоксу, к абсурдному нагромождению разрозненных элементов» [2, с. 78].

Постмодернизм раскрывает основания многообразных форм религии. Плюрализм является основной характеристикой философии постмодернизма, и это становится основанием его несовместимости с какими-либо религиями. «Представители постмодернизма полагают, что традиционная форма христианства не способна ответить на духовные запросы современного человека. Для постмодернизма характерна внеконфессиональная религиозность» [13, с. 120]. В постмодернизме сущность религии определяется как возможность духовного преображения человека, развития ее самосознания, становления личности. Религиозные истины – это не толь-

ко система алгоритмов, определяющих поведение человека. Религиозная вера раскрывает человеку путь к совершенствованию его духовного мира.

М. Фуко рассматривал Бога как несуществующую сущность и полагал, что в конце XX в. не обязательно верить в Бога, религиозные институты могут существовать без него, концентрируя внимание на форму веры. Фуко полагал, что религиозный опыт может реализовываться с помощью понятия «забота о себе»; «... те поиски, практику и опыт, посредством которого субъект производит в себе изменения, необходимые для того, чтобы получить доступ к истине» [10, с. 126]. Религиозность способствует преобразованию субъекта на всех уровнях его человеческого существа (физического, психического, ментального). Коренные изменения «сообразно истине» создадут свободную личность, способную открыть для себя новые смыслы жизни. То есть, религиозность осмысливалась как духовно-идеальное содержание действительности: «человек-субъект, который является субъектом своего собственного сознания и своей собственной свободы, по сути своего рода образ, коррелирующий с Богом. Человек XIX-ого века – Бог, воплощенный в человечестве» [11].

В работах Ж. Батая «Теория религии», «Сумма атеологии» и др. представлены размышления философа о сущности, смысле и формах религии. По Батаю, религия всегда была и остается сферой имманентного. Осознание существования «Высшего Существа» происходит через понимание себя. Познавая себя, познаешь Бога: «Высшее Существо» несет в себе Божеские черты обезличенного, смутно различимого и имманентного существования» [1, с. 31]. Сфера присутствия Бога – есть сфера божественного. Бог существует в духовном мире человека как высшая ценность. На пути духовного развития и самосознания, через внутренний опыт сознания человек движется в бесконечному, высшему смыслу, Богу.

Батай понимает религиозность как возможность постижения духовно-идеального содержания действительности, Бога как движение духа человека, самосознание и самосовершенствование.

В этом смысле идея Бога как идея совершенства существования в философии Ж. Батая позволяет понимать религиозность как духовно-идеальное содержание действительности.

Постмодернизм о религии как о властной структуре

Представители постмодернизма определяют традиционные религиозные учения как метарассказы (Ж.-Ф.-Лиотар) – идеи, созданные человеком в эпоху Модерна. Современное общество испытывает недоверие к метарассказам как к конструкциям человеческого разума, создаваемым властными структурами общества.

Философия постмодернизма критически оценивает традиционное христианство, отказывая ему в уникальном праве на способность сделать человека счастливым. О проникновении власти во все сферы жизни, о сотрудничестве государства с традиционными религиозными объединениями М. Фуко писал в работах разных лет.

Рассматривая исторические формы политической организации общества, Фуко показал, что религия всегда сохраняла свою функциональность в политической сфере. Особая и значительная роль религии заключалась в ее активном участии в управлении обществом посредством дискурса духовного руководства, предписывающего субъектам определенное мышление и действия. Управление индивидами в обществе происходит посредством дискурсов: «... в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функция которых – нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности, обуздать непредсказуемость его события, избежать его такой полновесной, такой угрожающей материальности» [12].

Религиозные процедуры, наряду с экономическими, правовыми и др. позволяют контролировать дискурсы и навязывать правила их ведения индивидам через систему запретов. Религиозные доктрины, как и политические, определяют принадлежность индивида к определенному «корпусу дискурсов», связывают индивидов друг с другом. Традиционная религия диктует человеку трафарет мышления и поведения согласно догматическим истинам, что ограничивает возможности дискурса. Субъект подчиняется определенному дискурсу. Так осуществляется манипуляция индивидами и контроль власти над ними.

В своих работах философы постмодернизма раскрывают социально-политическую роль религии. По убеждению Ж. Батай религиозные догматы традиционной Церкви как система запретов ограничивают свободу личности, ее развитие. Религия выступает как внешняя по отношению к человеку контролирующая структура. Христианский Бог рационален, он ориентирован не на имманентный мир человека, а на повседневную сферу его жизни. Батай убежден, что основной функцией религии становится принуждение человека, поэтому следует освобождаться от авторитарной власти традиционной религии.

Философы постмодернизма в своих размышлениях о религии не ограничиваются рамками традиционных конфессий или нетрадиционных религиозных объединений. Религиозность осмысливается глобально – как возможность метафизического познания сущности мира, его идеальной основы [13, с. 124]. Религиозность помогает человеку осознать

имманентность в себе, познать сферу своей духовности, реализовать свою духовную жизнь.

В размышлениях Делеза Бог является результатом человеческого мышления. По словам Марковой, Бог у Делеза становится «результатом игры смысла». Философ включает Бога в совокупность отношений мира: «Делёз, во-первых, приравнивает Бога, мир и Я (человека) в их отношении к смыслу <...> и, во-вторых, делает смысл основанием и первоисточником всех земных и небесных отношений». [6, с. 114] Религия помогает человеку открыть истину о себе, дает новую установку в отношении самих себя.

Делез убежден, что становление новых смыслов, как материального характера, так и абсолютного духовного смысла, происходит в области духа благодаря творческому процессу саморазвития. Если, по Делезу, постижение смысла есть движение к Богу, то искусство он оценивает как форму трансляции религиозного опыта. Возможность искусства проникать в сущность бытия и познавать закономерности существования мира открывает искусству глубину духовного мира человека, приближает его к Абсолютному. «Искусство дает нам подлинное единство: единство материального знака и абсолютного духовного смысла». [3, с. 67].

Итак, сосредоточенность на духовном аспекте человеческого бытия позволила постмодернистам рассмотреть религию как новую духовную культуру. Постмодернистская трактовка религиозного сознания не утратила своей актуальности и в начале XXI в.

Заключение

В результате развития современных информационных технологий, массовой культуры в настоящий период продолжает распространяться «новая религиозность» [8]. В структуре современного общества религия остается важнейшим элементом. Происходит не отказ от религии, наоборот, процессы десекуляризации сосуществуют с секуляризационными. Для современной эпохи, как и конце XX в. характерно движение к разнообразию форм религии, тенденции ее политизации.

Таким образом, можно говорить об актуальности размышлений постмодернистских философов о религии и для эпохи начала XXI в. Постмодернизм осмысливает религию в необычном ключе: как возможность духовного раскрепощения творческих сил личности. Постмодернистская парадигма позволяет сосредоточиться на духовной составляющей важнейшего элемента структуры общества – религии [4, с. 108; 7, с. 23]. Оправдан прогноз философов на плюралистичность форм религиозности. В современном обществе сосуществуют разнообразные религиозные формы, движения и институты. Религия сохраняет свои значимые позиции в политической жизни общества.

Литература

1. Батай Ж. Теория религии. – Минск: Современный литератор, 2000. – 352 с.
2. Бодрийяр Ж. Америка. – СПб.: Владимир Даль, 2000. – 204 с.
3. Делёз Ж. Марсель Пруст и знаки. – СПб.: Алетейя, 1999. – 190 с.
4. Зубковская А. А. Религиозная философия постмодернизма о секуляризации и «постхристианской религиозности» // Религиоведение, 2018. – № 3. – С. 104–109.
5. Козловски П. Культура постмодерна. – М.: Республика, 1997. – 240 с.
6. Маркова Л. А. Философия из хаоса. Ж. Делез и постмодернизм в науке, религии и философии. – М.: Канон+, 2004. – 384 с.
7. Руткевич Е. Д. От «религиозности» к «духовности» // Вестник РУДН, серия Социология, 2014. – № 1. – С. 5–24.
8. Синелина Ю. Религия в современном мире [Электронный источник]. – Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2013/01/religiya-v-sovremennom-mire/> (дата обращения 14.12.2019).
9. Смирнов А. Е. К антропологии религии Ж. Батая // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религия, 2016. – Т.17. – С. 113–121.
10. Торбург М. Р. Проблемы религии в постмодернистской философии: дис... канд. филос. наук. – М.: МГУ, 2002. – 152 с.
11. Фуко М. История сексуальности. Забота о себе. – Киев: Дух и литера; Грунт, М.: Рефл-бук, 1998. – 288 с.
12. Фуко М. Интервью М. Фуко. М. Фуко отвечает Сартру [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://syg.ma/@nikita-archipov/fuko-otviechaet-sartru> (дата обращения 16.01.2020).
13. Фуко М. Порядок дискурса [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/articles/777> (дата обращения 10.11.2019).
14. Царева Н. А. Проблема религии в русском символизме и европейском постмодернизме // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2011. – № 2. – С. 116–126.

References

1. Batay, Zh. (2000) *Teoriya religii*. [Religion theory]. Minsk: Sovremennyiy literator. 352 p.
2. Bodriyyar, Zh. (2000) *Amerika* [America]. SPb.: Vladimir Dal. 204 p.
3. Delyoz, Zh. (1999) *Marsel Prust i znaki* [Marcel Proust and signs]. SPb.: Aleteyya, 190 p.
4. Zubkovskaya, A. A. (2018) [The religious philosophy of postmodernism on secularization and «post-Christian religiosity»]. *Religiovedenie* [Religious Studies]. Vol. 3, pp. 104–109. (In Russ.).
5. Kozlovski, P. (1999) *Kultura postmoderna* [Postmodern culture] Moscow. Republic, 240 p.
6. Markova, L. A. (2004) J. Deleuze and postmodernism in science, religion and philosophy. Moscow: Canon+, 384 p.
7. Rutkevich, E. D. (2014) [From “religiosity” to “spirituality”]. *Vestnik RUDN, series Sociology* [Bulletin of RUDN, Series: Sociology]. Vol. 1, pp. 5–24. (In Russ.).
8. Sinelina, Yu. (2013) Religion in the modern world. Available at: <http://expert.ru/expert/2013/01/religiya-v-sovremennom-mire/> (accessed 14.12.2019) (In Russ.).
9. Smirnov, A. E. (2016) [To the anthropology of religion J. Bataille]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiya*. [News of Irkutsk State University. Series Political Science. Religion]. Vol. 17, pp. 113–121. (In Russ.).
10. Torburg, M. R. (2002) *Problemyi religii v postmodernistskoy filosofii*. [Problems of religion in postmodern philosophy. Doc. Diss]. Moscow. 152 p.
11. Fuko, M. (1998) *Istoriya seksualnosti. Zabota o sebe*. [The story of sexuality. Taking care of yourself]. Kiev: Spirit and letter; Grunt, Moscow: Refl-buk, 288 p.
12. Fuko, M. (2016) *Interv'yu M. Fuko. M. Fuko otvechayet Sartru* [Interview M. Foucault. M. Foucault meets Sartre]. Available at: <https://syg.ma/@nikita-archipov/fuko-otviechaet-sartru> (accessed 16.01.2020) (In Russ.).
13. Fuko, M. (2007) *Poryadok diskursa* [Discourse order]. Available at: <https://gtmarket.ru/library/articles/777> (accessed 10.11.2019) (In Russ.).
14. Tsareva, N. A. (2011) [The Problem of religion in Russian symbolism and European postmodernism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*. [Bulletin of the Moscow University. Series 7. Philosophy]. Vol. 2, pp. 116–126. (In Russ.).

Информация об авторах:

Валерий Ермолаевич Кулешов, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Тихоокеанское высшее военно-морское училище им. С. О. Макарова Министерства обороны Российской Федерации, Владивосток, Россия

Researcher ID: S-4295-2016, **ORSID ID:** 0000-0001-5742-5390

e-mail: valkylesh@mail.ru

Надежда Александровна Царёва, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Тихоокеанское высшее военно-морское училище им. С. О. Макарова Министерства обороны Российской Федерации, Владивосток, Россия

ORCID ID: 0000-0002-6179-3978, **Researcher ID:** S-1559-2016

e-mail: nadezda58@rambler.ru

Статья поступила в редакцию: 07.04.2020; принята в печать: 19.08.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Valeriy Ermolaevich Kuleshov, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Pacific Higher Naval School named after S.O. Makarov of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Vladivostok, Russia

Researcher ID: S-4295-2016, **ORSID ID:** 0000-0001-5742-5390

e-mail: valkylesh@mail.ru

Nadezhda Alexandrovna Tsareva, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Pacific Higher Naval School named after S.O. Makarov of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Vladivostok, Russia

ORCID ID: 0000-0002-6179-3978, **Researcher ID:** S-1559-2016

e-mail: nadezda58@rambler.ru

The paper was submitted: 07.04.2020

Accepted for publication: 19.08.2020.

The authors have read and approved the final manuscript.

PETER BERGER AND HIS SOCIOCULTURAL-PHENOMENOLOGICAL RESEARCH

E. A. Timoshchuk

Russian Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russia
e-mail: timoshchuk-ea@ranepa.ru

Abstract. *The phenomenological paradigm in sociocultural research is the relay race of Husserl – Schütz – Luckmann and Berger. Despite the first difference between sociology and phenomenology, the emphasis on design, biography, historical context, subjectivity and experience only complement quantitative research with the necessary quality of humanism. Today, when technocratic line is becoming a leading trend, when people talk about neuro-turnaround in science and social practices, phenomenology must be given credit for its courage in sociocultural subjectivity and the actualization of the philosophy of consciousness. Scientometric absorption of the subject is a dangerous way of deflation of philosophy, its reduction to the functional support of the brain-machine interface.*

The sociocultural phenomenologist Peter Berger (1929–2017) died a year after the demise of his and co-author Thomas Luckmann. Last year there was also jubilee of the founder of phenomenology, Edmund Husserl, who turned 160 years old. The scientometric absorption of the subject is a dangerous way of deflation of philosophy, its reduction to the functional support of the brain-machine interface. The study of the heritage of P. Berger in this regard allows us to proceed to the efficient processing of Husserl's ideas in the field of describing the value-semantic world of society and culture.

The author proceeds with the study of the model of the socio-cultural and anthropological world, constructed by Peter Ludwig Berger. The subject of the research is the theoretical framework of the phenomenology of society and culture. The main provisions of Berger's sociocultural phenomenology are: 1) secularization has a heterogeneous porous structure, 2) under capitalism, transcendence is possible as a personal spiritual practice; 3) pluralism of social orders and globalization are the basis for restrained forecasts regarding the society of the future; 4) the clash of bureaucracy and the private is removed by the daily routine of meaning generation. Pursuing issues of the privatization of religion, the theory of modernization, the sociology of knowledge, Berger's sociocultural phenomenology turns everyday life into a fascinating scientific quest. He easily moves from concrete to abstract and vice versa, but does not throw the reader into the abyss of lifeless ideas. At the same time, the sociologist makes it clear that he is ready to change his mind, he does not close us in a rigid configuration of ideas, yet places the reader in the bootstrap reality.

Berger remained in phenomenological position, describing social structures in terms of construction, typification, collective understanding, legitimization of social memory, horizons of reality, habitualization of meanings, reification of meanings, objectification of the lifeworld of utopias. Main conclusions. The sociocultural phenomenology of P. Berger allows you to value-correlate the sacrifices made by capitalism and communism to build a social order. His phenomenology is the method of contextual correlation of different social worlds – science and religion, secular and transcendental, personal and collective. Bergerian sociocultural subjectivism opposes the reduction of philosophy to the information support of a technogenic society and the maintenance of science.

Key words: *phenomenology of culture, sociocultural phenomenology, phenomenology of religion, desecularization, globalization, modernization, Berger, Luckmann, Husserl.*

Cite as: Timoshchuk, E. A. (2020) [Peter Berger and his sociocultural-phenomenological research]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 146–151. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-146.

ПИТЕР БЕРГЕР И ЕГО СОЦИОКУЛЬТУРНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. А. Тимошук

Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Владимир, Россия
e-mail: timoshchuk-ea@ranepa.ru

Аннотация. *Феноменологическая парадигма в социокультурных исследованиях – это эстафета Э. Гуссерль – А. Шюц – Т. Лукман и П. Бергер. Несмотря на различие социологии и феноменологии, акцент*

на конструировании, биографистике, историческом контексте, субъективности и переживании только дополняет количественные исследования необходимым качеством человечности. Сегодня, когда технократизм становится ведущим направлением, когда говорят о нейроповороте в науке и социальных практиках, нужно отдать должное феноменологии за её мужество социокультурного субъективизма и актуализацию философии сознания. Наукометрическое поглощение субъекта – это опасный путь дефляции философии, её редукции до функционального обеспечения интерфейса «мозг-машина». Изучение наследия Питера Бергера в этой связи позволяет уйти от обезличенности и дать социально-исторический контекст жизненного мира субъекта в его ситуации «работа», «игра», «мечта», «фантазия».

Объектом изучения является модель социокультурного и антропологического мира, сконструированная Питером Людвигом Бергером. Предметом исследования выступает теоретический каркас феноменологии общества и культуры. Основные положения социокультурной феноменологии Бергера: 1) секуляризация имеет неоднородную пористую структуру; 2) в условиях капитализма трансцендентирование возможно как личная духовная практика; 3) плюрализм социальных порядков и глобализация служат основанием для сдержанных прогнозов в отношении общества будущего; 4) столкновение бюрократии и приватного снимается повседневностью смыслогенерации. Занимаясь вопросами приватизации религии, теорией модернизации, социологией знания, социокультурная феноменология Бергера превращает обыденность в увлекательный научный квест. Он легко переходит от конкретного к абстрактному и наоборот, но не бросает читателя в пучину безжизненных пресных идей. Одновременно с этим, социолог даёт понять, что готов изменить своё мнение, он не закрывает нас в жёсткой конфигурации идей, а оставляет читателя в реальности бутстрапа.

Бергер оставался на феноменологических позициях, описывая социальные структуры в терминах конструирования, типизации, коллективного понимания, легитимизации социальной памяти, горизонтов реальности, хабиутализации смыслов, реификации значений, опредмечивания жизненного мира утопий. Основные выводы. Социокультурная феноменология П. Бергера позволяет ценностно соотносить жертвы, на которые идут капитализм и коммунизм для выстраивания социального порядка. Его феноменология выступает методом контекстного соотнесения разных социальных миров – науки и религии, мирского и трансцендентного, личного и коллективного. Бергеринский социокультурный субъективизм противопоставит низведению философии до информационного обеспечения техногенного общества и обслуживания науки.

Ключевые слова: феноменология культуры, социокультурная феноменология, феноменология религии, десекуляризация, глобализация, модернизация, Бергер, Лукманн, Гуссерль.

Для цитирования: Timoshchuk, E. A. (2020) [Peter Berger and his sociocultural-phenomenological research]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 146–151. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-146.

Introduction

Peter Berger made significant contributions to the sociology of knowledge. His book *The Social Construction of Reality*, co-authored with Thomas Luckman, has become one of the ten most influential sociological works of the 20th century and has been translated into more than 20 languages.

Fleeing Nazi persecution following the Anschluss of Austria in 1938, his parents took refuge in Palestine and Berger received the impetus of pluralism from childhood, living among Muslims, Jews, and Catholics. Studying sociology in the United States in the postwar years, Berger chose topics about Protestant Puerto Ricans in East Harlem and the Bahá'í movement in Iran.

Humanism, plurality, and attention to detail are the principles of his scientific position. His motto: «modernity is characterized not by the absence of God, but by the presence of many».

Research methodology

The theoretical framework of the phenomenology of Peter Berger has many anchor points. Here we have the

processes of secularization / resacralization, privatization of religiosity in a market society, pluralism of social orders and globalization, the generation of meaning in everyday life, the theory of modernization and the role of bureaucracy in sociology of knowledge [3, 4].

Dealing with a wide variety of issues of social philosophy, Berger easily incorporates and at the same time criticizes ideas of K. Marx, M. Weber, E. Durkheim, J. Mead, A. Schutz, as if illustrating social constructivism by his very course of thinking. His intellectual conscientiousness does not allow him to close the reader in a theoretical tower of silence. On the contrary, he pushes us to study the topic on our own [15]. The intellectual project of cultural sociology conveys a simple, and, as we see, an obvious and undeniable message that the fabric of sociocultural reality is woven by many participants in society and is gradually being built into the institutional structure of society. This process is described phenomenologically as intentional and intersubjective maintenance of an array of social knowledge, which is most often grounded only in social interactions and a request to protect the stability of

the lifeworld of different communities. The symbolic worlds of social groups intersect, compete, intervene, legitimize new orders, generate historical descriptions of their significance.

Berger's distinctive feature is the constructivist application of phenomenology to social cognition, which gave a hybrid-modular understanding of society or the realization that the society we have is produced by our objectified ideas [7].

Bergerian paradigm

When Berger was director of the Institute for the Study of Economic Culture, he studied the relationship between global socio-economic change and a wide range of issues – culture, beliefs, values, lifestyle. He always recognized the usefulness of transnational research. If a researcher interested in his society, it can always be understood much better by comparison with others.

Berger took a keen interest in social development and public policy issues. In particular, he studied the socio-economic implications of tuning the interaction between capitalism and democracy [3].

It is usually considered that capitalism and democracy are concomitant processes: the first is a condition for democracy, and democracy necessarily leads to market relations. While this is true in Western societies, where capitalism cannot be found apart from the market economy, Berger points out that the market and democracy are not always complementary: there may be capitalist societies that lack democratic institutions. However, democratic society with a socialist economy is not known, therefore there is no transitivity in the relations between the market and democracy. On the other hand, there is no theoretical limitation that there can be no democracy if there is no market economy.

Despite the asymmetry «there is no democracy without a market economy, but there is a market economy without democracy», the market somehow creates the preconditions for democracy through the same middle class, which seems to be inclined towards democracy. The middle class uses existing hedge funds, stock exchanges, banks, associations, human rights movements as a tool to defend its interests and resist the dictatorial regime. These are institutions that help to resist the dictatorship. It needs autonomy and does not like overregulation.

Thus, capitalism launches some processes to constrain the dictatorship. However, this does not mean that the more market there are ties with China and the West, the more China becomes democratized.

Berger has always believed that intercultural research is important for understanding society. Due to global capital flow and economic mondialism, cultural trends in the United States have also been modified. Berger has always described globalization as a much more complex set of phenomena than the popular im-

age of American imperialism. Indeed, global culture is heavily influenced by the values of Western consumer society. However, many non-American cultures are contributing to the globalization process. This applies to Buddhism and Islam, Confucianism and Hinduism [5].

The phenomenon of cultural globalization has accelerated the creation of a successful and prosperous non-white middle class. Racial segregation cannot coexist with an integrated world economy – this is objectively a blessing from world economic culture. On the other hand, globalization leads to grave consequences, both socially and culturally: entire industries, jobs, professional cultures disappear.

Increasing job and capital mobility exacerbate another trend: a weakening of civil society. People are less likely to devote time to local communities – voluntary associations, church groups that have traditionally shaped the fabric of American society. Social capital has become more heterogeneous, and there is a tendency to move from lifetime membership in an organization to event participation. The number of active volunteers has decreased as women began to pay more attention to work. Their way of volunteering has changed.

The danger of romanticizing the idea of civil society should also be borne in mind. Not all intermediary structures are good. Certain civil mediation structures can be dangerous (nationalist groups, ex-convicts communities, street racers, football fans).

Life-world

The intentionality of sociocultural being is a significant topic for Peter Berger. He draws attention to how the reification of our life-world takes place. Our news feed has become truly intentional: «the politician thinks over», «the deputies are planning», «the mayor considers», «the parliamentarians appreciated the idea», «the authorities presumed the introduction of responsibility». Phenomenology, dealing with the problem of reconciling the life-worlds, describes the procedures for negotiating the world of meanings, which is generated, experienced, supported and interpreted by people in their everyday life. The conjugation of different systems of relevance means coding the sphere of action into the symbolic world and vice versa, decoding information from the symbolic level. The world of meanings in the situation of agreement and feedback retains plasticity, mobility, and dynamics. Life in sociocultural phenomenology appears as an open field of communication, socialization, and resocialization.

There are several thought experiments doing heart (head) transplants, which show that this does not affect the range of values. Artistic and ethical narratives (Fedor Dostoevsky «Anecdote about the rearrangement of heads», A. Belyaev «Head of Professor Dowell», T. Mann «The Transposed Heads», M. Bulgakov

«Heart of a Dog») consider the anthropological and ethical difficulties of transferring central organ, an operation that is still outside the successful implementation of medicine. The Kafkaesque narrative about the metamorphosis of a person turned into an insect («The Metamorphosis») is now possible not only as a literary experiment but also as a virtual augmented reality.

The phenomenological thought experiment on the transponder of the life-world is that if we change the places of biographical situations, we simultaneously affect the systems of relevance. The relationship of the biographical type, lifeworld, language is interconnected and structured. Out of the totality of the experienced experience, why does the subject make only certain situations and happenings relevant for himself, composing based on samples of habitual actions, communication styles, linguistic and cultural practices [10]?

Without pretending to be an empirical substitution, phenomenology offers a framework for interpreting the boundaries of the subject's interest as a social actor. Biographical non-transitivity leads to the fact that meanings must be constantly and invariably attributed. The determinants of intentional reflexivity are the object, course of activity, environment, rules of social role play [16].

The structure of the lifeworld is created from the negotiation of «I» and «You», synchronously and asynchronously putting themselves in the place of the Other, with the help of imagination projecting an interpersonal given. Their shared experience becomes «We». «I» transfers to «You» its schemes, motives, expectations to experience the corresponding states. The intersubjective world is the phenomenological context of social life. Thus, a large community of «I» and «You», called a nation, is the unity of the experience of historical fate, similar values and common motives. Experiencing the relationships of the closest environment creates an objectified social model, within which a personal story about one's personal life gives a great experience of social interpretation

Sociocultural phenomenology of religion

The most striking feature of Peter Berger became the assertion of religion as a special social cover of mankind, protecting against everything unknown, dangerous and unstable. Such a proposition in secular society sounded bold and unexpected. For several decades, the sociologist Peter Berger has been one of the most interesting writers on religion and modern society. In *The Sacred Veil* (1967), Berger reveals religion as a social construct that society erects over its everyday life to give meaning and protection from the unknown [12].

In «A Rumor of Angels» (1969), he seeks to recognize the signals of the transcendent in a secular society. Contrary to the hegemony of secularization, he shows signs of a divine presence in hierarchy and play, dreams and fears, humor and curses [2].

Monography «Redeeming Laughter: The Comic Dimension of Human Experience» (1987) continues to search for signals of the transcendent in modern culture. This is the theology of laughter, which has a special place among the diversity of human emotions. Berger reflects on the nature of the comic and its connection with spiritual experience. Humor, irony, satire, stupidity give us the experience of transcending the bodily. It is a kind of atonement for man's sinful existence.

Laughter transcends because at this moment the mode of serious perception of the world is suspended and a magical shell of invulnerability is created. A similar meaning to fun can be seen in the psychological component of escape from everyday life. Laughter, as it were, gives us the short-term hope of a redeemed future without pain and suffering. Humor is a momentary island of safety and well-being, and this is its bizarre and illusory similarity to religion [9].

The nature of religious beliefs in the modern world is considered by him in other monographs. In «A far glory: the quest for faith in an age of credulity» (1992), Berger confronts the transcendental message of Christianity and the new informational middle class in the United States that is creating non-state religiosity. It is an example of American neoconservative religious thought, where Berger encourages Christians to adhere to their fundamental values and discovers in the creed individualism, belief in the utmost goodness of the universe and the reality of God who embraces «fullness» and «emptiness» [1].

Berger is concerned about the fate of civil society in connection with the unbridled individualism in the United States, the spread of autonomization of the self. Sociologist Robert Bellah or philosopher Hilary Putnam condemned excessive individualism as a potential threat to social cooperation. However, Berger believes that this is not empirically supported. Anomy and growing loneliness are hypertrophied constructs supported by some in the academic community. Many «individualists» are quite successful in social activities of one kind or another, participate in different communities, donate time and money. Associativity, communication, interaction are the basis and attractive side of the dynamic American life. Besides, Americans are considered more conformist and more prestigious than, for example, the French or Italians, which contradicts the fact that they are over-individualists [14].

The atomized individual loses the ability to take on obligations and this is good for politicians who fear even a hint of communism and communitarianism, knowing about the millions of citizens of the USSR and China who died during the «purges» and collectivization. Socialist theorists have built models on the altar of which pyramids of sacrifice have been brought, but is capitalism sinless? Its prosperity and success is on the other pyramids of victims, – colonial ones [13, c. 4–19].

Any theoretical constructions, on the altar of which sacrifices are made, resemble Plato's «State», the first ideological basis for rejecting the authenticity of the experience of the Other and providing a pragmatic basis for radical social transformation. Berger brings us back to the phenomenological authenticity of the Other's experience.

Secularization

Berger devoted a lot of time to the topic of secularization and largely due to him, the views of scientists have undergone some changes in comparison with the views of the 1960s. In his works, he argued that modernization does not mean automatically growing secularization [8]. Earlier it was believed that the more modernized a society becomes, the more irreligious it is, but this was a misconception, as Berger convinces us [6]. His main thesis was that religiosity and modernity go hand in hand. More modernization does not mean more secularization. First, most of the world today is not secular. Southeast Asia and Latin America are generally very religious. Secondly, even in the most secular USA and Western Europe, the number of non-believers is an absolute minority, however, since they represent the cultural elite, they set the general tone of agnosticism and secular humanism through science and education.

Third, it was the secular era that became the heyday of post-liberal, neo-orthodox religious groups that advocated the restoration of their theological identity, a re-immersion in tradition, for the purification of the language and scripture narrative from compromises with a changing lifestyle. It was in the era of fencing off governments from religion that mass movements in the form of Liberation Theology, Islamic Revolution and Reform Catholicism were born.

Consistent state laicism made possible the rapid spread of new religious movements in the 20th century, which intensified competition between new and old religions for the flock. The oldest world religion, Buddhism, received a new life through psychology, esotericism, New Age movement. Missionary work, conversion, God-seeking, and the phenomenon of «radical converts» have become prominent factors in social life. Stories about sectarians, Witnesses, Hare Krishnas, evangelists, Mormons, and Scientologists regularly hit the media. Pentecostals and Charismatics are gathering stadiums for new Christians. The political activity of Jews and Orthodox, Catholics and Protestants is quite noticeable [11].

Resacralization is the answer to secularization. The problem with liberal Protestantism is not a loss of orthodoxy, but a loss of religious essence. Therefore, it was followed by a post-liberal movement to restore its theological identity and re-immense itself in tradition, in the language and narration of the scriptures. At a certain stage, believers are no longer satisfied with the psychologization and politicization of religion, when the church turns into a therapeutic and powerful agent. The Church occupies new niches, becoming a healer and agent of change, a political institution. Psychologization, politicization, globalization of religion is a response to a person's need to maintain self-identity in a rapidly changing world. However, immersion in psychology and politics is futile for religious organizations, because there is always an abundance of institutions in society that do it in a more professional and modern way.

The challenge of non-classics – to live with uncertainty, like a quark, turned out to be unacceptable for a person. We want a classic, stable, predictable world, and this is the conservative position of religion. Even the phenomenon of mass cultural-religious identity without churchliness retains an axiological line of certainty, though not a fanatic, but not a relativist either. Everyday religion is another way to express your certainty.

Conclusion

Thus, Peter Berger is influential as a consistent apologist of culture and humanism, who equally criticized the sacrifices that capitalism and communism make to build a social order. As a sociologist and theologian, he recognized the signs of the divine in everyday moments of our lives and put forward a highly scientific proposition of epistemological modesty in the midst of the «God is dead» hype. The phenomenologist made a thesis of the preservation of the significance of religion in modern society. Berger died on June 27, 2017, at his home in Brooklyn, Massachusetts at the age of 88. He was distinguished by an honest scientific approach, which meant that, as a sociologist, he tried to take into account all social trends, receiving signals from the elite and the lower classes, from developed and developing countries, from priests and atheists, oligarchs and homeless people. For him, social information is what he is ready to analyze for a diverse array of public discourses, including rumors. Working with radical anti-militarists and human rights activists, he remained a neo-conservative and critic of revolution.

References

1. Berger, P. (1992) A far glory: the quest for faith in an age of credulity. *New York, Maxwell Macmillan International*, 218 p.
2. Berger, P. (2011) A Rumor of Angels: Modern Society and the Rediscovery of the Supernatural. *Open Road Media*, 129 p.
3. Berger, P., Berger, B., Kellner, H. (1973) The Homeless Mind: Modernization and Consciousness. *NY: Random House*, 258 p.

4. Berger, P. (1977) Facing Up to Modernity: Excursions in Society, Politics, and Religion. *New York: Basic Books*, 233 p.
5. Berger, P., Huntington, S. (2003) Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World. *NY: Oxford University Press*, 390 p.
6. Berger, P. (1981) The Other Side of God: A Polarity in World Religions. *Anchor Press/Doubleday*, 304 p.
7. Berger, P. Luckmann, T. (1966) The Social Construction of Reality. *New York: Anchor Books*, 240 p.
8. Berger, P. (2014) Many Altars of Modernity. Towards a Paradigm for Religion in a Pluralist Age. *Berlin: de Gruyter*, 161 p.
9. Berger, P. (2014) Redeeming Laughter: The Comic Dimension of Human Experience. *Berlin: De Gruyter*, 226 p.
10. Berger, P. (1998) The Limits Of Social Cohesion Conflict and Mediation In Pluralist Societies. *New York: Perseus*, 420 p.
11. Berger, P. (1976). The Precarious Vision: A Sociologist Looks at Social Fictions and Christian Faith. *NY: Doubleday & company*, 238 p.
12. Berger, P. (1990) The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion. *Anchor*, 240 p.
13. Berger, P. (1976) Pyramids of Sacrifice: Political Ethics and Social Change. *Anchor*, 240 p.
14. Berger, P. Epistemological Modesty: An Interview with Peter Berger. Available at: <https://www.religion-online.org/article/epistemological-modesty-an-interview-with-peter-berger/> (accessed 12.04.2020).
15. Martin, D. (2012) The Essence of an Accidental Sociologist: An Appreciation of Peter Berger // *Society March*, Volume 49, Issue 2, pp. 168–174. <https://doi.org/10.1007/s12115-011-9522-8>
16. Nenon, T. (1999) The Phenomenological Foundation of the Social Sciences. *Schutzian Social Science / Embree L. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers*, pp. 173–186.

Information about the author:

Elena Andreevna Timoshchuk, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, RANEPa, Vladimir, Russia

ORCID ID: 0000-0002-4525-8174

e-mail: e@timos.elcom.ru

The paper was submitted: 22.04.2020.

Accepted for publication: 19.08.2020.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация об авторе:

Елена Андреевна Тимошук, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Владимирского филиала РАНХиГС, Владимир, Россия

ORCID ID: 0000-0002-4525-8174

e-mail: e@timos.elcom.ru

Статья поступила в редакцию: 22.04.2020; принята в печать 19.08.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

КОНСТРУИРОВАНИЕ МОДЕЛИ ЖЕНСКОЙ ЭЛЕГАНТНОСТИ НА ОСНОВЕ ИДЕЙ МАГГИ РУФФ

Е. Л. Яковлева

Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова, Казань, Россия
e-mail: mifoigra@mail.ru

Аннотация. Актуальность статьи связана с тем, что внимание современной личности фокусируется на формировании имиджа. Он помогает не только выгодно представить ее, но при этом выработать свой собственный индивидуальный стиль. К числу значимых компонентов стиля относится элегантность, способствующая неповторимости личности и ее запоминанию в окружении. В связи с этим, целью исследования стала попытка конструирования модели элегантности, анализ которой выстраивается с применением феноменологического и системного подходов. Достаточно полное феноменологическое описание элегантности в первой половине XX века было осуществлено французским модельером Магги Руфф. Обращение к системному подходу Р. Барта помогло создать теоретическую конструкцию элегантности, что стало новизной предпринятого исследования.

В основе модели элегантности лежит образ (формальный аспект) и код моды (содержательный аспект). В свою очередь образ элегантности процессуален: он включает в себя идею элегантного образа-замысла, реализуемую в образе-воплощении, а наглядность последнего способствует формированию образа-восприятия как самой личностью, так и окружающими людьми. Образ элегантности соответствует эстетическим эталонам культурно-исторической эпохи, а его понимание оказывается возможным благодаря рассказам-описаниям, использующим код моды. Он включает в себя семантические единицы, обладающие довольно абстрактным характером, и их метафорическое описание (риторика). Среди семантических единиц элегантности можно выделить красоту, женственность, вкус, жизненный опыт и импровизационность, проявляющих себя уже на уровне образа-замысла, а также шик, качество, ухоженность, дополнительные детали (аксессуары, аромат), наглядно представленные в образе-воплощении. Перечисленное влияет на образ-восприятие и его описание.

Сегодня наблюдаются определенные трансформации в понимании элегантности. В ней постепенно начинает исчезать интеллектуальный компонент, гармоничность и вкус, а на первый план выходят симуляции и неприемлемые для элегантности семантические единицы (безобразность, нелепость, гротеск, отсутствие качества, симулятивный шик, ложь). В современности знание особенностей модели элегантности помогает не только в построении собственного имиджа, но и при диагностировании селебрити.

Ключевые слова: мода, Магги Руфф, «Философия элегантности», элегантность, образ, код моды, метафора, образ жизни, зеркало.

Для цитирования: Яковлева Е. Л. Конструирование модели женской элегантности на основе идей Магги Руфф // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 5. – С. 152–160. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-152.

DESIGNING A FEMALE ELEGANCE MODEL BASED ON THE IDEAS OF MAGGI RUFF

E. L. Yakovleva

Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia
e-mail: mifoigra@mail.ru

Abstract. The relevance of the article is due to the fact that the attention of a modern personality is focused on the formation of the image. It helps not only to present it favorably, but at the same time to develop your own individual style. Among the significant components of style is elegance, which contributes to the uniqueness of the personality and its memorization in the environment. In this regard, the aim of the study was an attempt to construct a model of elegance, the analysis of which is built using the phenomenological and systemic approaches. A fairly complete phenomenological description of elegance in the first half of the twentieth century was carried out by the French fashion designer Maggi Ruff. The appeal to the systems approach of R. Barthes helped to create a theoretical construction of elegance, which became the novelty of the undertaken research.

The elegance model is based on image (formal aspect) and fashion code (content aspect). In turn, the image of elegance is procedural: it includes the idea of an elegant image-design, realized in the image-embodiment, and the visibility of the latter contributes to the formation of the image-perception both by the person himself and by the people around him. The image of elegance corresponds to the aesthetic standards of the cultural and historical era, and its understanding is made possible thanks to the stories-descriptions using the fashion code. It includes semantic units with a rather abstract character and their metaphorical description (rhetoric). Among the semantic units of elegance, one can distinguish beauty, femininity, taste, life experience and improvisation, which manifest themselves already at the level of an image-concept, as well as chic, quality, well-groomed, additional details (accessories, aroma), clearly presented in the image-embodiment. The above affects the image-perception and its description.

Today, there are certain transformations in the understanding of elegance. The intellectual component, harmony and taste gradually begin to disappear in it, and simulations and semantic units unacceptable for elegance (ugliness, absurdity, grotesque, lack of quality, simulative chic, lies) come to the fore. In modern times, knowledge of the features of the elegance model helps not only in building your own image, but also in diagnosing celebrity.

Key words: fashion, Maggie Ruff, «Philosophy of Elegance», elegance, image, fashion code, metaphor, lifestyle, mirror.

Cite as: Yakovleva, E. L. (2020) [Designing a female elegance model based on the ideas of Maggie Ruff]. *Intellect. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 152–160. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-152.

Введение

В условиях современного общества потребления и идеологических установок гламура модная индустрия, продуцируя различные атрибуты современного стиля жизни и связанные с ним имиджформирующие рекламные тексты, сосредотачивает внимание личности на внешнем виде, соблазняя своими образами и побуждая к покупкам [8]. Конструирование имиджа становится актуальной потребностью индивида, желающего положительно позиционировать себя в социальном, скрывая недостатки. Но многообразие модных образов, обновляемых каждый сезон, затрудняет выбор среди них. Несмотря на быстротечность моды как *империи эфемерного* с ее мимолетными законами [9, с. 9], целью современной личности оказывается желание в рамках программируемого имиджа создать собственный неповторимый стиль и не потерять индивидуальности, вызывая восторг окружающих и оставаясь в их памяти. Особое место в стиле личности принадлежит *элегантности*. Именно ее ставят в модном ряду вместе с красотой, изысканностью и шиком, считая понятия синонимами. Как черта индивидуального стиля элегантность позволяет соответствовать любой обстановке и демонстрировать аристократичную утонченность, «выделить человеческое тело в социальном ландшафте, сделав его заметным, узнаваемым и социально адаптированным» [15, с. 356]. Данное обстоятельство актуализирует исследование элегантности для создания ее эвристично-объяснительной модели. На текущий момент тема элегантности затрагивается только в гляцевых журналах, книгах по истории моды и популярной психологии, не получая научных теоретических обоснований. В многочисленных интервью дизайнеров одежды, стилистов, творцов глянца,

трендсеттеров, блогеров и селебрити встречаются фрагментарные характеристики элегантности, повторяющие друг друга. В них элегантность представлена как *искусство выбирать* нужное/классическое и *со вкусом одеваться*, демонстрировать изысканность и изящество, воспитанность и учтивость, такт и простоту [3, 4, 6–9, 12, 15]. Практически ограниченный круг людей знает о *философии элегантности*, созданной в 30-е гг. XX века профессионалом модной индустрии – французской художницей-модельером Магги Руфф (1896–1971). Ее книга с одноименным названием [11] обладает публицистическим характером, иллюстрируя некоторые эпизоды из истории моды, связанные с элегантностью. Перечисленные факты обусловили выбор объекта статьи: им стала попытка построения модели элегантности. Рассуждения выстраиваются на основе системного (Р. Барт) и феноменологического (Магги Руфф) подходов, помогающих изучить объект исследования.

Результаты исследования

Женщины с глубокой древности следовали эталонам красоты и законам моды, которые нередко устанавливали сами. Как считает У. Эко, красоту можно отнести к *абстрактным категориям с переменными величинами* [14]. У любой эпохи свои эстетические эталоны, у каждой женщины собственный неповторимый стиль, помогающий раскрыться ее индивидуальности и красоте. Критерии красоты постоянно подвергаются ревизии, что служит их обновлению. Ради красоты и формирования/поддержания собственного стиля женщины покорно, «не проронив ни звука, переносят все неприятные процедуры, терпеливо ждут, лелея единственную мечту – хоть на время стать красивее и моложе» [11, с. 210]. Потребности в красоте, создании модного

имиджа и получении титула элегантности приводят к личным поискам и метаморфозам.

Принадлежа миру моды и красоты, элегантность обладает *эстетическим измерением*, воплощаясь в *образе личности*. Согласно Магги Руфф, элегантный образ оказывается не только *изображением* личности, но и *отражением* ее внутреннего мира, демонстрируя *преображение* в результате создания собственного стиля. Именно элегантность оказывает мощное воздействие на душу, «возвышая и укрепляя ее, заставляя отказаться от борьбы с естественным ходом вещей, которая противоречит ее духу» [11, с. 48]. Как считает модельер, «характер и элегантность нерасторжимо связаны», поэтому «внешний облик человека – отражение его духовного мира» [11, с. 47, 48].

Как мы считаем, образ есть *формальная сторона элегантности*, чьи параметры соответствуют эстетическим эталонам времени. Довольно абстрактная идея элегантности получает в образе реальное воплощение. Элегантный образ материален: он овеществлен в теле, его движениях, манерах, мимике, речи, одежде и окружающей атмосфере. Эстетическая идея элегантности при воплощении демонстрирует «выход за пределы психики субъекта» в объективность, что свидетельствует об интеллектуальной операции [13, с. 89]. Процесс создания образа базируется на интуитивных, рациональных и эмоционально-чувственных компонентах. В элегантном образе индивидуальный опыт и знания, включающие в себя эстетическую составляющую, содержат в себе и некоторые типизированные черты. Личность в процессе создания элегантного образа, отталкиваясь от общего, создает собственный неповторимый стиль. Образу присущи не только телесная осязаемость, зримая достоверность и конкретность, но и невидимое излучение, относящееся к сфере невыразимого. Элегантный образ, манифестируя себя в бытии, влияет на процесс восприятия. Благодаря этому создается эстетическое видение образа (индивидом/окружающими людьми) на основе канонов красоты.

В бытии образа и его видении обнаруживается процессуальность элегантности от идеи к ее реализации и оценке, о чем свидетельствуют такие уровни образа, как личный образ-замысел и образ-воплощение, а также (субъективный/объективный) образ-восприятие. В свою очередь, образ-замысел и образ-восприятие коррелируют с идеальной моделью красоты, характерной для времени, а образ-воплощение есть «материализация, «овеществление», выведение образа-замысла из сознания творящего субъекта» и «создание особого рода реальности» [13, с. 90], приобретающей невидимый, но ощущаемый окружающими флер.

Перечисленные факторы элегантного образа «нанизываются один на другой, образуя сложное

единство» кажущейся целостности, которую можно трактовать с различных ракурсов: «в гносеологическом аспекте – как частный случай образного познания, в онтологическом – как специфичную форму бытия, в аксиологическом – как особого рода ценность, в психологическом – как особую форму образного восприятия, в семиотическом – как своеобразную знаковую систему» [13, с. 90–91]. Элегантный образ (образ-замысел, образ-воплощение, образ-восприятие) оказывается культурным конструктом, носителем информации об эстетических идеалах эпохи и личности. Данное положение приводит нас к *содержательному аспекту* элегантности, выражаемом в специфическом *коде моды*. Он включает в себя определенные «семантические единицы, которыми затем завладевает риторика, чтобы их «украсить», упорядочить и выстроить из них настоящее видение мира» [1, с. 234]. Риторическая разрисовка семантических единиц кода осуществляется на основе *метафоры*, заключающей в себе видение предмета, и *паратаксиса*, выстраивающего сочинительную связь предложений [1, с. 235]. При этом под метафорой Р. Барт понимал абстрактно-образное выражение смысла опозитированного образа моды, вызывающее к эмоциям воспринимающего. В коде моды метафора просто необходима: она выводит на широкое поле значений семантической единицы, активизируя ресурсы воображения, что делает моду привлекательным феноменом.

Составные элементы кода (семантические единицы и риторика) придают элегантности и ее образу привлекательную ауру: «рождается комплекс предметов и ситуаций, связанных между собой уже не логикой обычаев или знаков, а... правилами рассказа», в котором фиксируется *живая* картина или событие [1, с. 235]. Как справедливо замечает Р. Барт, в данном рассказе-описании, нередко имеющем рекламный характер, создается прекрасная *видимость*: в коде означаемые семантических единиц оказываются ускользающими в виду того, что «риторика моды является искусством» манипулирования абстрактно-образными характеристиками [1, с. 235]. В рассказе посредством кода не только художественно обрисовывается суть элегантности, но и одновременно скрывается, что делает ее невыразимой. Эмоционально преподнесенный рассказ-описание способствует *переживаемости* понимания образа-замысла, образа-воплощения, образа-восприятия и желанию его воплотить в собственном имидже.

Заметим, в описании элегантности Магги Руфф можно обнаружить интуиции, связанные с ее трактовкой в качестве кода моды. Модельер само понятие *философия элегантности* использует в качестве метафоры, считая, что оно олицетворяет *искусство красиво жить и преподносить себя*. Обратим вни-

мание, подобное неслучайно и обусловлено значением слова. В переводе с латинского *элегантность* указывает на действие – *выбирать*, а французский перевод – *грациозный/изысканный/изысканный/утонченный* – конкретизирует качества данного действия и его целевую направленность. Необходимо признать, качественная и целевая направленность действия, способствующая элегантности, оказывается абстрактной, обладая довольно широким кругом значений. Метафоричность языка изложения текста Магги Руфф создает приятный образ-восприятие элегантности, раскрывая ключевые идеи образа-замысла и детали образа-воплощения через семантические единицы кода моды.

Идея образа-замысла исходит из того, что элегантность трактуют как благородный индивидуальный стиль, излучающий красоту и женственность. Подобное достигается посредством совершенства, чистоты и естественной простоты, которые «не выносят никакой замены» [11, с. 73]. В элегантности нечего скрывать, нет изъянов и необоснованных деталей, что возводит ее в разряд *ценности*.

Раскрывая суть элегантности, Магги Руфф довольно часто говорит о *мере* и *гармонии*. Умение обуздывать себя и сдерживать в желаниях помогает отшлифовать индивидуальный стиль и стать элегантным: «отсекайте, отвергайте, отбрасывайте, и вы станете совершенным, чистым творением» [11, с. 245]. Приведенные слова свидетельствуют об избирательности и аскетичности натуры, руководствующейся в своем выборе мерой. В интерпретации Магги Руфф критерием гармонии оказывается согласованность между элементами в их реальном воплощении. Гармония достигается в уравновешивании формы и содержания, тела и души/манер/платья, ситуации и настроения/наряда, женщины и ее пространства/гардероба (вещей, аксессуаров, украшений, парфюма), лицевой и изнаночной сторон. Перечисленное высвечивается в мышлении и действиях, являя собой красоту элегантности. Подчеркнем, у Магги Руфф элегантная женщина возведена в *идеал*, концентрирующий в себе только положительные качества. Неслучайно описывая гармоничный облик элегантной женщины, модельер говорит о неслышимом звучании прекраснейшей музыки. В этом образе как в оркестровой симфонии все противоположное («большое и маленькое, яркое и бесцветное, сверкающее и тусклое, тяжелое и легкое, матовое и прозрачное») «уравновешивается само по себе, повинуюсь безошибочному и постоянному таинственному закону» [11, с. 75]. Благодаря этому элегантная женщина привлекает к себе внимание.

Элегантность проявляется в особом *образе жизни*, выстраиваемом на основе определенных принципов. Среди них Маги Руфф назвала девиз *уметь и хотеть*, подразумевающий адекватность

и активную жизненную позицию женщины, создающей свой образ. Разумное восприятие себя связано с умением «смотреться в зеркало, погружаться в него целиком» [11, с. 44]. Взаимоотношения элегантной женщины с *зеркалом* имеют сакральный характер. Зеркало помогает не только увидеть собственную естественность, но и создать незримую искусственность в образе, ежедневно отшлифовывая ее до непринужденной природности. Магги Руфф предупреждает, «стремление казаться тем, кем вы на самом деле не являетесь, всегда имеет комичный результат» [11, с. 230]. Знание недостатков собственной внешности помогает «замаскировать или же использовать их для своей выгоды» [11, с. 44]. Благодаря небольшим уловкам – *придумкам, украшающим жизнь* – создается стиль приятной элегантности в образе-воплощении и ему нельзя изменять. Магги Руфф настоятельно предупреждает: элегантной женщине не следует рассказывать в обществе о предпринятых ей поправках внешности, «искусственные детали, помогающие скорректировать недостатки фигуры, должны оставаться незамеченными» [11, с. 212]. К числу табу элегантной женщины относится и ложь собственному отражению. Лучше постараться понравиться в зеркале самой себе, со всеми недостатками и изъянами, и этот «выбор будет свободен от компромиссов, он будет строгим, беспристрастным и объективным» [11, с. 251]. Только в этом случае в желании быть элегантной и воплотить идею элегантности образа-замысла в образе-воплощении можно одержать победу над собой и другими.

Самой трудной задачей для женщины в ее диалоге с собой и зеркалом оказывается *умение стареть*, в чем также проступает элегантность. Французская создательница мод уведомляет о бесполезности мучительной борьбы с возрастом: «безрассудна та, кто все еще верит в свою молодость», «безумна та, кто ищет тому подтверждение в смущенно отводимых взглядах прохожих», «упрямица та, кто хочет, чтобы в нее поверили другие» [11, с. 98]. Собственная иллюзия жизни в ином измерении времени не только раскрывается другими в образе-восприятии, но и разрушает идею элегантности в образе-замысле и образе-воплощении. Постоянно общаясь с зеркалом, элегантная женщина живет настоящим, не сожалеея ни о чем и не упорствуя в сложившихся ситуациях. Принцип *жить одним днем* свидетельствует об активном бытийствовании «благодаря своей энергии и уму», что позволяет творить собственную красоту и поддерживать элегантность лучше, «чем вчера, и немного менее, чем завтра» [11, с. 248].

Еще одним принципом, связанным с образом жизни и формированием его пространств, оказывается *тщательная продуманность* каждого жеста, проявления, детали: конструктивность образа-замысла влияет на качество образа-воплощения, что

создает позитивную оценку образа-восприятия. Магги Руфф утверждает, для элегантной женщины приобретение новых вещей представляет собой серьезный (мыслительный) процесс, требующий сосредоточенности и одиночества, гармоничного душевного состояния и настроенности на покупку. Выбор вещи осуществляется критично, внимательно и беспристрастно. Магги Руфф советует: «будьте строгими, скрупулезными, не идущими на компромиссы, прежде всего по отношению к самой себе» [11, с. 241].

Образ-замысел элегантности выстраивается посредством *вкуса, жизненного опыта и импровизационности*, помогая женщине проявить себя в бытии. Вкус как наивысший комплимент женщине может быть врожденным свойством только у избранных, остальным «ему можно научиться» [11, с. 77]. Развитие вкуса осуществляется на основе восприятия произведений искусства и красивых вещей, созерцание которых делает личность счастливее и духовно богаче. Сам процесс восприятия прекрасного сопровождается необыкновенной легкостью, постепенно формируя критический взгляд на мир, что учит личность осуществлять выбор, сортируя лучшее и худшее. Фраза *мне это не нравится* оказывается импульсом для селекции и создания нового в условиях заданного выбора, свидетельствуя о свободе. Последняя позволяет «сорвать с себя, выбросить, избавиться от бесполезных, стесняющих вас облобочек», сохраняя малое, что способствует кристаллизации вкуса [11, с. 72].

Для выбора грациозного/изящного/изысканного/утонченного требуется *жизненный опыт*. Он является лучшим наставником, потому что вкус женщины начинает проявляться с первыми морщинами. Жизненный опыт, включающий в себя пробы и ошибки, позволяет искать и менять стиль «по ходу развития событий» [11, с. 86]. Женщина, обучающаяся элегантности, должна брать пример с хамелеона, инстинктивно приспосабливаясь к различным жизненным ситуациям. Такая женщина учится быть пластичной, «линять» с головы до ног, меняться вплоть до ритма жестикологии, вплоть до смены цвета кожи» [11, с. 112]. В период обучения искусству элегантности *импровизация* с элементами позволяет проявиться креативности. Копирования элегантность не допускает. Каждый раз, творчески импровизируя с нарядом и аксессуарами, женщина делает свое появление уникальным и неповторимым.

К числу деталей образа-воплощения Магги Руфф относит ряд семантических единиц кода моды. Например, *шик* (бриллиант) появляется при соединении вкуса с новизной. У него в мире моды есть двойник – ложный шик (страз). Сравнивая их, Магги Руфф среди качеств шика называет естественность, искренность, простоту, сдержанность,

скромность, креативность, а ложному шику приписывает симулятивность, чопорность, натянутость, претенциозность, броскость, подражание. Если шик «никогда не думает о впечатлении, которое он производит», то ложный шик «мечтает только об этом» [11, с. 83]. Связь шика с элегантностью Магги Руфф описывает метафорично, опираясь на антропоморфизм. Как знатный сеньор, Шик симпатичен, оригинален, вежлив, ласков и незаметен. «Он женат на светской даме, Элегантности, и ревностно следит, чтобы она не испытывала недостатка в почете и уважении» [11, с. 85]. Данная пара всегда помнит, что «Вкус – их отец», а «Красота – их истина» [11, с. 85].

В образе-воплощении элегантной женщины обращает на себя внимание *качество*. Вкус элегантной женщины, базирующийся на рефлексивном отношении, позволяет ощутить и воспринять качество. При этом не существует его четкого понимания, тем более в мире моды, что заставляет французского модельера характеризовать его метафорично. Она считает, что качество воплощает естественное благородство, уверенность, достоинство, величавость. Это – «инстинктивное чутье, тонкое ощущение материального и внешнего», «некая чувствительность кожи» [11, с. 136]. Критерием качества оказываются тактильные ощущения личности, возникающие при соприкосновении кожи с материалом, а также подключение к ним вкуса, опыта и рефлексии. В подобном взаимодействии рождается «шестое чувство, вышедшее из совокупности остальных» [11, с. 136]. Благодаря ему индивид мгновенно совершает *обдуманный выбор* в пользу качественного, что воспринимается им как *озарение*. Необходимо признать, позиция модельера явно указывает на абстрактность понятия, неотделимого от бытийствования единичного. И в этом отношении обнаруживается параллель с гегелевским положением, согласно которому качество есть *тождественная с бытием непосредственная определенность*, помогающая познать суть вещей [5, с. 228]. Понимание качества способствует выбору женщины.

Улыбкой элегантности, высвечивающей вкус и качество жизни, Магги Руфф называет *ухаженность*. Она свидетельствует об уважительном отношении к себе, что исключает «страх чего-то упустить в своей внешности» [11, с. 231]. В этом отношении верным другом элегантной женщины французский модельер считает косметiku. Она в любой ситуации приходит на помощь и помогает исправить ошибки, «сгладить недостатки, скрыть следы огорчений, бессонных ночей, возвращает нам цветущий и здоровый вид» [11, с. 214].

Дополнениями к элегантному образу-воплощению являются *аксессуары*, любовь к которым испытывает практически каждая женщина. Они удовлетворяют страсть к новизне, помогая проявиться женскому воображению, импровизации и вкусу.

Играя вспомогательную роль, они одновременно оказываются первостепенными в создании элегантного образа. Удачный штрих «может придать всему ансамблю шик, а может и все разрушить» [11, с. 160]. При выборе аксессуаров необходимы высочайшая сосредоточенность и даже математическая точность. Аксессуары (особенно перчатки, обувь и сумочка), не соперничая друг с другом, должны звучать в унисон либо позволить солировать одному из элементов. Благодаря аксессуарам элегантная женщина, выходя в одном и том же наряде в свет, оказывается разной за счет игры с деталями, чем восхищает окружающих.

Особо Магги Руфф останавливается на *украшениях*. Они есть «залог любви, свидетельство тщеславия, горделивое выпячивание роскоши, нежное воспоминание», «напоминание о желании или щедрости» [11, с. 185]. Украшения символичны, скрывая следы тайн жизни, страданий и чувств, что наделяет их притягательной силой и вызывает восхищение. Как правило, элегантная женщина относится к ним с небрежной снисходительностью: они только дополняют ее образ-воплощение. Залогом элегантности в отношении украшений является минимализм. Украшения зависят от стиля жизни, желания «подчеркнуть свою индивидуальность», а критерием их правильного выбора является принцип: «ни женщина, ни ее платье не могут существовать без них» [11, с. 199, 203].

Штрихом к образу элегантной женщины выступает *аромат*, выбирая который нужно избегать *чересчур много и слишком мало* [11, с. 219]. Как все уникальное, аромат мимолетен, тонок, деликатен и изыскан. Он должен быть сокрыт, неожиданно раскрываясь *легкими колебаниями воздуха* и шепча об элегантности дамы.

Метафоричность характеристик образа-замысла и образа-воплощения элегантности, вплетающаяся в канву рассказа-описания, создает особую *ауру*, помогая откристаллизироваться образу-восприятию. Как замечает женщина-модельер, неизгладимое впечатление оставляет элегантная женщина в «сочетании с окружающим пейзажем», выражая «настроение ускользающего мгновенья», потому что она оказывается *образом всего дня*, обнаруживая свое *истинное значение* [11, с. 231]. В этом суждении Магги Руфф неявно указывает на гносеологический процесс, рождаемый впечатлением от элегантного образа. Последний способен захватить взгляд наблюдателя, помогая ему видеть, а «значит проникать в мир существ, которые *показывают себя*» [10, с. 102]. В этом видении фиксируется не только элегантный образ, но его атрибуты, жизненные принципы и атмосфера. Взгляд наблюдателя, оценившего по достоинству образ, возвращается к себе с зафиксированным видом, помогая посредством осмысления сформировать его видение.

Создаваемый элегантным образом эффект активизирует мыслительные способности наблюдателя. Отходя от образа-восприятия, он рефлексировывает над образом-воплощением, подступая к истоку — образу-замыслу. Динамика познавательного процесса разворачивается от чувственного созерцания, скольжения по внешнему виду элегантной женщины в окружающей обстановке, через сложный процесс взаимодействия воображения, психической реакции и интеллектуального потенциала в выстраивании процессуальности элегантности (от образа-восприятия к образу-замыслу через образ-воплощение) к формированию смысла не только субъективной, но и объективной реальности. Как замечает Магги Руфф, наиболее чутко воспринимает элегантность мужчина, который «видит несравненно лучше и больше любой женщины» [11, с. 259]. Для него формулой элегантности оказываются две величины — *женственность* и *классика*, не приемлющие вульгарности. Оценивая женский гардероб, мужчина восхищается женщиной в наряде, и его суждение представляет собой личное, независимое ни от кого мнение.

Неоценимую помощь в создании и поддержании элегантного образа (как замысла, воплощения и восприятия) играет *кутюрье*: это «бесстрашный рыцарь, служащий чистой Красоте» [11, с. 296]. Обладая *сверхчувственным нервом*, модельер понимает, что хочет клиентка и формирует «ее вкус прежде, чем женщина сама начинает сознавать эту необходимость» [11, с. 288]. Следуя обязательствам «перед загадочной и магнетической женской сущностью», кутюрье руководствуется красотой, гармонией и вкусом [11, с. 293]. *Рассеянные состояния* модельера, связанные с вслушиванием в бытие, превращают его в *интуитивную струну* [11, с. 288]. Благодаря этому он получает информацию, что служит импульсом к появлению идеи, которую он воплощает в материи. Критично относясь к создаваемому, кутюрье пытается достичь совершенства в своих творениях. Перед ним как создателем стоят четкие границы, нарушать которые он не в праве. Кутюрье нельзя творить «среднее между Красотой и Безобразностью, между Оригинальностью и Нелепостью, между Молодостью и Гротеском, между Качеством и его противоположностью, между Шиком и его имитацией» [11, с. 296]. Руководствуясь этим правилом, кутюрье создает наряд, способный сделать женщину элегантной.

В целом, элегантность воплощается в образе, код которого включает в себя ряд семантических единиц (красота, женственность, классика, вкус, жизненный опыт, импровизационность, шик, качество, ухоженность, аксессуары, аромат). Они оказываются абстрактными, передавая широкий набор свойств и процессов. Неслучайно их можно встроить в любой культурно-исторический дискурс.

Акцент в рассказе-описании сделан на *уникальности образа элегантности*, что в современности привлекает внимание не только селебрити, но и массового сознания, запуская механизм тиражирования подобных образов и трафаретных текстов к ним. Сегодня элегантность посредством моды, рекламы, СМИ и социальных платформ превратилась в навязчивый концепт, в котором утрированы симуляции и банальности. Элегантность трансформировалась в *фальшивую практику личности*, внимание которой сосредоточено на внешнем виде. Элегантность как индивидуальная ценность становится *безответственной* (Ж. Бодрийяр), содержа в себе мифическую объективацию, предпосылкой чего стала риторика кода моды. В ней утрировалась софистически-симулятивная метафоричность. Наиболее ярко пустота элегантности проявляется во взгляде образа: он выражает «избыток в обозначении желания и полное отсутствие желания», уничтожая смысл и истину феномена [2, с. 203].

В современном образе элегантности практически исчезает духовная составляющая, связанная с формированием идеи образа-замысла. В связи с этим пророчески звучит ироничное замечание Магги Руфф: «красота – везде и в то же время – нигде» [11, с. 207]. Как свидетельствует Ж. Бодрийяр, сегодня красота и культ тела «заменяют и наследуют... идеологическую функцию» культа души [2, с. 200, 207]. Табу элегантности (ложь, безобразность, нелепость, гротеск, отсутствие качества, симулятивный шик) начинают проступать в образе-замысле и тиражируемых образах-воплощениях, влияя на образ-восприятие. Их постоянная навязываемость приводит к незаметным метаморфозам в понимании элегантности. Этому способствует и код моды, допускающий в рассказе-описании многозначность трактовки семантических единиц. Элегантность превращается в форму капитала, а инвестиции в образ связаны с его конструированием в качестве «более совершенного, более функционального объекта», способного конкурировать в социальном и приносить доход [2, с. 197]. Такова безжалостная логика общества потребления, изменяющая оптику видения феноменов.

Заключение

Вечный женский вопрос, связанный с формированием индивидуального и запоминающегося стиля, помогает решить элегантность. Построение ее модели позволяет выявить две составляющие: фор-

мальную, выраженную в образе, динамично разветвляющуюся от образа-замысла к образу-воплощению и образу-восприятию, и содержательную, заключенную в коде моды, его семантических единицах и риторике. Элегантный образ должен соответствовать эстетическим канонам культурно-исторической эпохи, закрепляясь в рассказе-описании. В нем среди семантических единиц, получающих метафорическое представление, можно выделить красоту, женственность, вкус, жизненный опыт и импровизационность, проявляющиеся на стадии формирования образа-замысла, а также такие параметры как шик, качество, ухоженность, дополнительные детали в виде аксессуаров и едва уловимого аромата, высвечивающиеся в образе-воплощении. Элегантная женщина гармонична в своем мироощущении и облике, живет согласно времени, соблюдая во всем меру и демонстрируя в бытовых ситуациях женственность, сдержанность, воспитанность, тактичность, изысканность и простоту. Она руководствуется в своем свободном выборе вкусом и пониманием качества, демонстрирующими ее воспитание и образование, что производит неизгладимое впечатление на окружающих. Выбор элегантной женщины осуществляется в пользу благородного/изысканного/достойного/утонченного/естественного в стиле жизни, поведении, мыслях, манерах и внешнем виде. Этот выбор осуществляется на основе принципа *уметь и хотеть жить* (в том числе, *жить одним днем*), адекватно и гармонично воспринимая себя и свой жизненный цикл, включающий старение. Аутентичность понимания себя не допускает лжи в отношении Я и окружающих людей. Подобное помогает бытийствовать уверенно и с достоинством. Перечисленные семантические единицы элегантного образа как кода моды свидетельствуют о том, что стремление к элегантности оказывается мощным стимулом к саморазвитию женщины и раскрытию ее потенциала (интеллектуального и эстетического). Но в современности наблюдаются трансформации в рецепции элегантности, чьи образы демонстрируют симулятивность. Сегодня из элегантности постепенно исчезают интеллектуальные компоненты. В образе начинают появляться запрещенные семантические единицы (безобразность, нелепость, гротеск, отсутствие качества, симулятивный шик, ложь). Понимание этого позволяет сформировать собственный индивидуальный стиль, а также диагностировать современных людей, в том числе селебрити.

Литература

1. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. – М.: Академический проект, 2018. – 430 с.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. – М.: Изд-во АСТ, 2020. – 320 с.
3. Васильев А. Судьбы моды. – М.: Альпина нон-фишн, 2013. – 480 с.
4. Васильев А. Этюды о моде и стиле. – М.: Альпина нон-фишн, 2015. – 592 с.
5. Гегель Г. Ф. В. Энциклопедия философских наук. – М.: Мысль, 1974. – Т. 1. – 452 с.

6. Дарьё Ж. А. Элегантность. Азбука хорошего вкуса. – М.: Эксмо, 2013. – 208 с.
7. Денисова И. В. Элегантность – стиль вечности [Электронный источник] // Гильдия маркетологов: социальная сеть профессиональных контактов. – Режим доступа: <https://www.marketologi.ru/news/tvorcheskijj-produkt/2685/> (дата обращения: 15.04.2020).
8. Ильина Л. Е., Татарова А. Е. Имиджформирующие тексты в сфере моды // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7. – № 3(24). – С. 68–71.
9. Липовецкий Ж. Империя эфемерного. Мода и ее судьба в современном обществе. – М.: НЛЮ, 2012. – 336 с.
10. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – СПб.: Ювента Наука, 1999. – 608 с.
11. Руфф М. Философия элегантности. – М.: Этерна, 2012. – 304 с.
12. Свендсен Л. Философия моды. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. – 256 с.
13. Фоминых О. Б. Художественный образ: онтогносеологические и информационные аспекты // Образ и понятие в культурологии и научной онтологии. Коллективная монография. – СПб.: Эйдос, 2011. – С. 88–97.
14. Эко У. История красоты. – М.: Слово, 2010. – 440 с.
15. Энтуисл Д. Модное тело. – М.: НЛЮ, 2019. – 392 с.

References

1. Bart, R. (2018) *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury* [Fashion system. Articles on the semiotics of culture]. Moscow: Academic project, 430 p. (In Russ.).
2. Baudrillard, J. (2020) *Obshchestvo potrebleniya* [Consumer society]. Moscow: AST Publishing House, 320 p. (In Russ.).
3. Vasil'ev, A. (2013) *Sud'by mody* [Fashion destinies]. Moscow: Alpina non-fish, 480 p. (In Russ.).
4. Vasil'ev, A. (2015) *Etyudy o mode i stile* [Sketches about fashion and style]. Moscow: Alpina non-fish, 592 p. (In Russ.).
5. Gegel', G. F. V. (1974). *Enciklopediya filosofskih nauk* [Encyclopedia of Philosophy]. Moscow: Thought, Vol. 1. 452 p. (In Russ.).
6. Dar'yo, Zh. A. (2013) *Elegantnost'. Azbuka horoshego vkusa* [Elegance. The alphabet of good taste]. Moscow: Exmo, 208 p. (In Russ.).
7. Denisova, I. V. [Elegance – the style of eternity]. In: *Gil'diya marketologov: social'naya set' professional'nyh kontaktov*. [Marketers Guild: Professional Networking Social Network]. Available at: <https://www.marketologi.ru/news/tvorcheskijj-produkt/2685/> (accessed 15.04.2020). (In Russ.).
8. Il'ina, L. E., Tatarova, A. E. (2018) [Image-forming texts in the field of fashion] *Baltiiskij gumanitarnyj zhurnal* [Baltic Humanitarian Magazine]. Vol. 7. No. 3 (24). pp. 68–71. (In Russ.).
9. Lipoveckij, Zh. (2012) *Imperiya efemernogo. Moda i ee sud'ba v sovremennom obshchestve* [Empire ephemeral. Fashion and its fate in modern society]. Moscow: New literary review, 336 p. (In Russ.).
10. Merlo-Ponti, M. (1999) *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of Perception]. St. Petersburg: Juventa, Science, 608 p. (In Russ.).
11. Ruff, M. (2012) *Filosofiya elegantnosti* [Philosophy of Elegance]. Moscow: Eterna, 304 p. (In Russ.).
12. Svendsen, L. (2007) *Filosofiya mody* [Fashion philosophy]. Moscow: Progress Tradition, 256 p. (In Russ.).
13. Fominyh, O. B. (2011) [Artistic Image: Ontnogeological and Informational Aspects]. In: *Obraz i ponyatie v kul'turologii i nauchnoj ontologii. Kollektivnaya monografiya* [Image and concept in culturology and scientific ontology. Collective monograph]. St. Petersburg: Eidos, pp. 88–97. (In Russ.).
14. Eko, U. (2010) *Istoriya krasoty* [Beauty story]. Moscow: Word, 440 p. (In Russ.).
15. Entuysl, D. (2019) *Modnoe telo* [Fashionable body]. Moscow: New literary review, 392 p. (In Russ.).

Информация об авторе:

Елена Людвиговна Яковлева, доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, зав. кафедрой философии и социально-политических дисциплин, профессор, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязева, Казань, Россия

ORCID ID: 0000-0003-1799-0883

e-mail: mifoigra@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 02.07.2020; принята в печать: 19.08.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Elena Ludvigovna Yakovleva, doctor of Philosophy, PhD in Culturology, head of the Department of Philosophy and Socio-Political Disciplines, professor Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov Kazan, Russia

ORCID ID: 0000-0003-1799-0883

e-mail: mifoigra@mail.ru

The paper was submitted: 02.07.2020

Accepted for publication: 19.08.2020.

The author has read and approved the final manuscript.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА

К публикации принимаются ранее неопубликованные оригинальные научные статьи и научные обзоры по следующим научным специальностям:

05.22.01 – Транспортные и транспортно-технологические системы страны, ее регионов и городов, организация производства на транспорте;

05.22.10 – Эксплуатация автомобильного транспорта;

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности);

08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит;

08.00.12 – Бухгалтерский учет, статистика;

09.00.01 – Онтология и теория познания;

09.00.03 – История философии;

09.00.04 – Эстетика;

09.00.05 – Этика;

09.00.08 – Философия науки и техники;

09.00.11 – Социальная философия;

09.00.13 – Философская антропология, философия культуры;

09.00.14 – Философия религии и религиоведение.

Обзорная статья должна быть концептуальной, т. е. содержать новые идеи и концепции, вытекающие из массива опубликованных материалов.

В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий статья будет *ретрагирована* (отозвана из печати).

Статья включает в себя следующие элементы:

- **УДК.** На первой странице статьи, слева в верхнем углу без отступа, указывается индекс по универсальной десятичной классификации.

- **Заглавие статьи** (на русском и английском языках).

- **Фамилии авторов**, место их работы (название организаций) с указанием города и страны приводятся на русском и английском языках. Рекомендуемое количество авторов – не более трех.

- **Аннотация** (на русском и английском языках). Аннотация является самостоятельным информативным текстом, содержащим краткую версию статьи. Рекомендуемый объем аннотации: 250–300 слов. В аннотации следует отразить актуальность, цель, используемые подходы, методы и (или) методический аппарат исследования, основные результаты, научную новизну, практическую значимость, направления дальнейших исследований, рекомендации. При изложении материала рекомендуется придерживаться вышеуказанной структуры аннотации.

- **Ключевые слова** (на русском и английском языках). Ключевые слова являются поисковым аппаратом научной статьи. Они должны отражать основную терминологию данного научного исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов: 5–10 слов.

- **Благодарности** (на русском и английском языках). Здесь следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, а также организации, оказавшие финансовую поддержку.

- **Основной текст статьи.** Принимаются статьи на русском и английском языках. Основной текст статьи излагается в следующей последовательности:

- **Введение.** Данный раздел должен содержать обоснование необходимости и актуальности проводимого исследования, краткое описание научной проблемы, которая требует решения, постановку цели исследования, согласованной с названием статьи, ее содержанием и результатами, а также иные аспекты, что в целом позволило бы читателю понять и оценить важность и значимость проведенного исследования.

- **Структурные части статьи, имеющие соответствующие заголовки.** Здесь раскрываются суть исследуемой проблемы, ее связь с темой статьи, степень ее разработанности в современной науке, методологический аппарат и (или) методический инструментарий проведенного исследования.

- **Результаты исследования** (или иной заголовок структурной части статьи, отражающий полученные результаты исследования и их интерпретацию).

- **Заключение.** Приводятся выводы, основывающиеся на полученных результатах, выводы о научной ценности и практической значимости полученных результатов, даются рекомендации для дальнейших исследований на основе данной работы.

- **Литература (References).** Список литературы должен содержать, как правило, не менее 15 научных источников. Рекомендуется не включать широко известные нормативные правовые акты, справочные и статистические материалы, ссылки на которые предпочтительнее оформлять в виде подстрочных библио-

ографических ссылок. Нежелательны ссылки на диссертации и авторефераты диссертаций. Рекомендуется ссылаться на оригинальные статьи и монографии. Диссертации рассматриваются как рукописи и не являются печатными источниками. Если ссылки на диссертации и авторефераты диссертаций необходимы, то их предпочтительно оформлять также в виде подстрочных библиографических ссылок.

В списке источников рекомендуется наличие работ иностранных авторов, а также работ, изданных за последние 5 лет.

Для оформления списка источников используется ГОСТ Р 7.0.5-2008 и система Harvard system of referencing.

- **Аффилиация авторов** (на русском и английском языках). Для каждого автора указываются фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность с названием структурного подразделения организации, наименование организации (постоянного места работы автора) полностью согласно уставу организации; **ORCID ID, Researcher ID, Scopus Author ID** (при наличии); город, страна, электронный адрес (e-mail).

- **Вклад соавторов** (по желанию авторов).

Правила оформления статьи и ее шаблон представлены на сайте журнала <http://intellekt-izdanie.osu.ru/>.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

Материал должен быть набран в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.doc или *.docx.

Шрифт: гарнитура Times New Roman, 14 pt, межстрочный интервал – 1,5 pt.

Выравнивание текста: по ширине.

Поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, верхнее – 1,5 см, нижнее – 2 см.

Графический материал должен быть выполнен в графическом редакторе. Не допускаются отсканированные графики, таблицы, схемы. Фотографии, представленные в статье, должны быть высланы отдельным файлом в форматах *.tiff или *.jpg с разрешением не менее 300 dpi. Все графические материалы должны быть чёрно-белыми, полноцветные рисунки не принимаются.

К статье отдельным документом прикладывается сопроводительное письмо от авторов статьи, в котором они гарантируют, что представляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания.

Статьи, оформленные без соблюдения данных требований, редакцией не рассматриваются.

BASIC REQUIREMENTS FOR THE ARTICLE, SUBMITTED TO THE EDITORIAL OF THE JOURNAL

Previously unpublished original scientific articles and scientific reviews are accepted for publication in the following scientific specialties:

05.22.01 – Transport and transport-technological systems of the country, its regions and cities, organization of production in transport;

05.22.10 – Operation of road transport;

08.00.05 – Economics and national economy management (by industry and field of activity);

08.00.10 – Finance, money circulation and credit;

08.00.12 – Accounting, statistics;

09.00.01 – Ontology and theory of knowledge;

09.00.03 – History of philosophy;

09.00.04 – Aesthetics;

09.00.05 – Ethics;

09.00.08 – Philosophy of science and technology;

09.00.11 – Social philosophy;

09.00.13 – Philosophical anthropology, philosophy of culture;

09.00.14 – Philosophy of religion and religious studies.

The review article should be conceptual, that is, contain new ideas and concepts arising from an array of published materials.

If a manuscript is submitted simultaneously to several editions, the article will be retracted (withdrawn from print).

The article includes the following elements:

- **UDC.** On the first page of the article, in the upper left corner without indentation, the index according to the universal decimal classification is indicated.

- **Title** of the article (in Russian and English).

- **The names of the authors**, their place of work (name of organizations) with the city and country are given in Russian and English. The recommended number of authors is no more than three.

- **Abstract** (in Russian and English). The abstract is a self-contained informative text containing a short version of the article. Recommended annotation contains about 250–300 words. The annotation should reflect the relevance, purpose, approaches used, methods and (or) methodological apparatus of the study, the main results, scientific novelty, practical relevance, directions for further research, recommendations. In the presentation of the material, it is recommended to adhere to the above structure of the annotation.

- **Key words** (in Russian and English). Key words are a search engine for a scientific article. They should reflect the basic terminology of this scientific study. Recommended number of key words is 5–10 words.

- **Acknowledgments** (in Russian and English). Mention should be made of the people who helped the author prepare this article, as well as the organizations that provided financial support.

- **The main text of the article.** Articles in Russian and English are accepted. The main text of the article is presented in the following sequence:

- **Introduction.** This section should contain a justification for the necessity and relevance of the study, a brief description of the scientific problem that needs to be solved, the goal of the study, consistent with the title of the article, its content and results, as well as other aspects, which in general would allow the reader to understand and appreciate the importance and significance of the study.

- **Structural parts** of the article with appropriate headings. Here the essence of the problem under study, its connection with the topic of the article, the degree of its development in modern science, the methodological apparatus and (or) methodological tools of the study are disclosed.

- **Research results** (or another heading of the structural part of the article, reflecting the results of the research and their interpretation).

- **Conclusion.** Conclusions based on the results obtained, conclusions on the scientific value and practical significance of the results are given, recommendations are given for further research based on this work.

- **Literature (References).** The list of references should contain, as a rule, at least 15 scientific sources. It is recommended not to include well-known normative legal acts, reference and statistical materials, the references to which are preferable to make out in the form of subscript bibliographic references. Undesirable are links to dissertations and abstracts of dissertations. It is recommended to refer to original articles and monographs. These are considered as manuscripts and are not printed sources. If references to dissertations and abstracts of dissertations are necessary, then it is preferable to place them also in the form of subscript bibliographic references.

The list of sources recommends the presence of works by foreign authors, as well as works published over the last 5 years.

To compile a list of sources, GOST R 7.0.5-2008 and the Harvard system of referencing are used.

- **Affiliation of authors** (in Russian and English). For each author, the surname, first name, patronymic, academic degree, academic rank, position with the name of the structural unit of the organization, the name of the organization (permanent place of work of the author) are fully indicated in accordance with the charter of the organization; **ORCID ID, Researcher ID, Scopus Author ID** (if available); city, country, email address (e-mail).

- **Contribution** of co-authors (at the request of the authors).

The rules for the design of the article and its template are presented on the journal's website <http://intellekt-izdanie.osu.ru/>.

TECHNICAL REQUIREMENTS

The material should be typed in a Microsoft Word text editor in the *.doc or *.docx format.

Font: Times New Roman headset, 14 pt, line spacing – 1.5 pt.

Text alignment: width.

Margins: left – 3 cm, right – 1.5 cm, top – 1.5 cm, bottom – 2 cm.

Graphic material should be done in a graphic editor. Scanned graphs, tables, charts are not allowed. Photographs presented in the article must be sent as a separate file in *.tiff or *.jpg formats with a resolution of at least 300 dpi. All graphic materials should be black and white, full-color drawings are not accepted.

A cover letter from the authors of the article is attached as a separate document to the article, in which they guarantee that the submitted article has not been published anywhere before, nor sent, nor will be sent for publication to other scientific publications.

Articles formatted without observing these requirements are not considered by the editors.

Интеллект. Инновации. Инвестиции
№ 5, 2020

Ответственный секретарь – Т. П. Петухова
Верстка – Г. Х. Мусина
Корректурa – Е. В. Пискарева
Перевод – В. А. Захарова
Дизайн обложки – И. В. Возяков

Подписано в печать 13.10.2020 г. Дата выхода в свет 26.10.2020 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 19,18. Усл. изд. л. 17,28. Тираж 500. Заказ № 116.
Свободная цена

Адрес учредителя, редакции, издателя:
460018, г. Оренбург, пр. Победы, д. 13,
Оренбургский государственный университет.
Тел. редакции: +7 (3532) 37-24-53
e-mail редакции: intellekt-izdanie@yandex.ru

Электронная версия журнала «Интеллект. Инновации. Инвестиции»
размещена на сайте журнала: <http://intellekt-izdanie.osu.ru>

Отпечатано в ООО Издательско-полиграфическом комплексе «Университет»
Адрес: 460000, г. Оренбург, ул. М. Джалиля, 6
тел./факс: +7 (3532) 90-00-26, 92-60-79
e-mail: cadr25@mail.ru